

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
В. ШЕКСПИРА
ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ.

Биографическій очеркъ В. Шекспира написанъ профессоромъ Московскаго университета Н. И. Стороженко, примѣчанія П. И. Вейнберга, П. А. Каншина и др.

Томъ первый.

I) ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. II) РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА и III) ОТЭЛЛО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА И СЕМИ РИСУНКОВЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
за 1899 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢВА.
1893.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bm@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦІИ.

Давно задумавъ распространить въ Россіи въ возможно большемъ кругу читателей произведенія одного изъ величайшихъ писателей, ВІЛЬЯМА ШЕКСПИРА, и дать возможность даже небогатымъ людямъ записаться для скромныхъ библіотекъ всѣми твореніями этого гениа, потребность которыхъ въ дешевомъ изданіи неоднократно высказывалась, какъ въ печати, такъ и читающею публикою, — мы, въ настоящее время, рѣшились осуществить эту мысль, выпустивъ въ 1893 году, въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній къ журналу «Живописное Обозрѣніе» — «ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ В. ШЕКСПИРА» (съ иллюстраціями), въ новомъ, полномъ по возможности точномъ, и легко читаемомъ переводѣ. Этотъ переводъ, два года назадъ, порученъ нами П. А. Каншину, уже давно извѣстному публикѣ по различнымъ переводамъ и, между прочимъ, переводомъ Шекспировскихъ драмъ стихами, которыя вошли въ послѣднія изданія Гербея «В. Шекспиръ». Новый переводъ, исполненный П. А. Каншинымъ, спеціально для нашего изданія, сдѣланъ прозою, такъ какъ, волей-неволей, переводы стихами слишкомъ далеко уклоняются отъ подлинниковъ, тогда какъ прозаическій переводъ можетъ быть болѣе точнымъ, не будучи даже буквальнымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ буквальности перевода не допускается вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей языка.

Предлагаемое «Полное собраніе сочиненій В. Шекспира» сопровождается краткій біографическій очеркъ, составленный извѣстнымъ знатокомъ англійской литературы профессоромъ московскаго университета Н. И. Стороженко. Очеркъ этотъ не смотря на свою сжатость, даетъ полное понятіе о жизни и дѣятельности В. Шекспира. Къ нѣкоторымъ произведеніямъ великаго писателя для нашего изданія сдѣланы необходимыя примѣчанія П. И. Вейнбергомъ. Кромѣ этихъ примѣчаній въ концѣ каждой книжки мы, по мѣрѣ надобности, помѣстимъ поясненія, касающіяся тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ словъ или выраженій.

По части внѣшней стороны изданія, мы считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее: мы избрали для нашего изданія «Сочиненій В. Шекспира» тотъ форматъ, который признанъ во Франціи, Германіи, Англійи наиболѣе удобнымъ для многотомныхъ беллетристическихъ произведеній. Въ этой-же формѣ изданы въ Германіи извѣстною издательскою фирмою Гроте произведенія В.Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ, которыя и взяты нами за образецъ. Компактное изданіе большого формата напечатанное въ два столбца, въ видѣ учебника, потребовало-бы гораздо меньше издательскихъ расходовъ, но едва-ли оно удовлетворило-бы публику. Вообще мы старались не останавливаться передъ затратами, лишь-бы сдѣлать, на сколько возможно, хорошимъ это изданіе, такъ какъ ему суждено сдѣлаться принадлежностью десятковъ тысячъ семейныхъ библіотекъ.

Что касается иллюстрацій, то въ числѣ иностранныхъ художниковъ, иллюстрировавшихъ произведенія В. Шекспира и давшихъ намъ исключительное разрѣшеніе на помѣщеніе копій съ ихъ картинъ въ нашемъ изданіи, мы дадимъ нѣсколько иллюстрацій и русскихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ напримѣръ, К. Е. Маковского и другихъ.

ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, король Даніи.

Гамлетъ, сынъ прежняго и племянникъ нынѣшняго короля.

Полоній, камергеръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лаэртъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ |

Корнелій |

Розенкранцъ } придворные.

Гильденштернъ |

Озрикъ. |

Марцелль |

} офицеры.

Бернардо. |

Рейнальдо, слуга Полонія.

Франциско, воинъ.

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

Призракъ прежняго короля.

Священникъ.

Капитанъ. Посоль.

Два могильщика.

Нѣсколько актеровъ.

Придворный.

Гертруда, королева Даніи, мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Баптиста, театральная королева.

Придворные кавалеры и дамы, офицеры, солдаты, матросы, послы, лица
изъ королевской свиты и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Даніи

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Эльсиноръ. Платформа передъ замкомъ.

Франциско стоитъ на часахъ; къ нему подходитъ Бернардо.

Бернардо. Кто здѣсь?

Франциско Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай! Стой! говори, кто самъ-то ты.

Бернардо. Да здравствуетъ король!

Франциско. Бернардо?

Бернардо. Онъ самый.

Франциско. Ты очень исправно явился въ свой часъ.

Бернардо. Только-что пробило двѣнадцать. Ступай Франциско, ложись спать.

Франциско. Спасибо, что ты пришелъ мнѣ на смѣну. Такой холодъ, что я продрогъ, да и сердце что-то ноетъ.

Бернардо. Было все спокойно, пока ты стоялъ на часахъ?

Франциско. Ни одна мышъ не шевельнулась.

Бернардо. И такъ, покойной ночи. Если ты встрѣтишь Гораціо и Марцелла, которымъ предстоитъ вмѣстѣ со мною стоять на часахъ, скажи, чтобы они поторопились (*входятъ Гораціо и Марцелль*).

Франциско. Я, кажется, слышу ихъ шаги. Стой! Кто идетъ?

Гораціо. Друзья Даніи.

Марцелль. И вѣрноподданные ея короля.

Франциско. Покойной вамъ ночи.

Марцелль. Прощай, честный воинъ. Кто смѣнилъ тебя на часахъ?

Франциско. Бернардо занялъ мое мѣсто. Покойной ночи!

Марцелль. Эй! Бернардо! (*Уходитъ*).

Бернардо. Скажи, Гораціо здѣсь?

Гораціо. Если не весь, то частица его.

Бернардо. Добро пожаловать, Гораціо! Добро пожаловать, добрый Марцелль!

Марцелль. Ну, а то существо являлось нынче опять?

Бернардо. Я ничего не видалъ.

Марцелль. Гораціо увѣряетъ, будто это одно воображеніе, а не хотеть вѣрить, чтобы намъ два раза являлось это страшное видѣніе. Поэтому я убѣдилъ его побыть нынѣшнюю ночь съ нами, чтобы, — на тотъ случай, если призракъ явится снова, — подтвердить наши слова и заговорить съ видѣніемъ.

Гораціо. Вотъ увидите, что оно не явится.

Бернардо. Сядемъ пока и позволь мнѣ еще разъ утрудить твой слухъ, — хотя онъ и сильно защищенъ противъ вѣры въ наши слова, — и еще разъ рассказать тебѣ то, что мы видѣли уже дважды.

Гораціо. Хорошо, сядемъ и послушаемъ, что расскажетъ намъ Бернардо.

Бернардо. Когда прошедшею ночью вотъ та звѣзда, что отъ полюса склоняется къ западу, совершивъ свой путь, перестала освѣщать ту часть неба, гдѣ она горитъ теперь, и когда только-что пробило часъ, оба мы съ Марцелломъ увидали...

Марцелль. Тсс... замолчи! Вотъ онъ идетъ опять (*появляется призракъ*).

Бернардо. Совершенное подобіе покойнаго короля.

Марцелль. Ты человекъ ученый; заговори съ нимъ, Гораціо.

Бернардо. Развѣ онъ не похожъ на короля? Горація, взглядишь въ него хорошенько.

Гораціо. Поразительно похожъ. Меня бросаетъ въ дрожь отъ ужаса и отъ изумленія.

Бернардо. Ему какъ будто хочется, чтобы съ нимъ заговорили.

Марцелль. Гораціо, обратись къ нему съ вопросомъ.

Гораціо. Кто ты, и зачѣмъ, пользуясь ночью порою, ты незаконно присвоилъ себѣ величавый и воинственный обликъ недавно похороненнаго короля Даніи? Именемъ самаго неба заклинаю тебя, говори!

Марцелль. Онъ какъ будто оскорбился.

Бернардо. Смотри, онъ уходитъ.

Гораціо. Стой! Говори! Говори! Заклинаю тебя, говори! (*Призракъ уходитъ*).

Марцелль. Ушелъ и не захотѣлъ отвѣтить.

Бернардо. Что скажешь ты, Гораціо? Ты блѣденъ и весь дрожишь... Это нѣчто побольше, чѣмъ воображеніе? Что ты объ этомъ думаешь?

Гораціо. Говорю, какъ передъ Богомъ, ни за что-бы не повѣрилъ, еслибы не очевидное, не полное свидѣтельство собственныхъ моихъ глазъ.

Марцелль. И какъ, не правда-ли, похожъ на короля?

Гораціо. Какъ ты на самого себя. Онъ въ тѣхъ-же доспѣхахъ, какіе были на немъ, когда онъ сражался съ честолюбивымъ норвежцемъ, и я однажды видѣлъ, какъ онъ такъ-же нахмурилъ брови, когда послѣ сердитыхъ переговоровъ вышвырнулъ поляка изъ саней и ударилъ его о ледъ. Очень это странно.

Марцелль. Тоже дважды было и ранѣе и въ тотъ-же самый глухой часъ ночи. Онъ тою-же воинственною походкой прошелъ мимо насъ, пока мы стояли на часахъ.

Гораціо. Чѣмъ собственно объяснить все это, не знаю; но, по моему крайнему разумѣнію, это служить для нашего государства предзнаменованіемъ великихъ бѣдствій.

Марцелль. Хорошо, сядемте, и пусть тотъ, кто знаетъ, объяснить мнѣ зачѣмъ заставляютъ подданныхъ этой страны мучиться каждую ночь, стоя на часахъ, и строго, и зорко исполнять обязанности стражи. Скажите также, зачѣмъ ежедневно отливаются новыя мѣдныя пушки, зачѣмъ всѣ эти купленные въ чужихъ краяхъ военные запасы? Зачѣмъ заставляютъ рабочихъ, строящихъ суда, трудиться такъ усиленно, что для нихъ нѣтъ даже разницы между воскресеньемъ и буднями? Къ чему эти торопливыя приготовления, производящіяся въ потѣ лица и заставляющія ночь принимать участіе в работѣ трудового дня? Объясни мнѣ это, кто можетъ?

Гораціо. Я могу... насколько, по крайней мѣрѣ, я слышалъ. Покойный нашъ король, образъ котораго намъ только-что являлся, получилъ, какъ вамъ

извѣстно, отъ Фортинбраса норвежскаго, подстрекаемаго гордостью потягаться силами съ властелиномъ Даніи, вызовъ на бой. Нашъ доблестный король Гамлетъ, — а къмъ во всемъ извѣстномъ мірѣ не были признаны его доблести? — убилъ Фортинбраса. Въ силу условія, какъ слѣдуетъ скрѣпленнаго печатами и законнымъ образомъ засвидѣтельствованнаго герольдикой, Фортинбрасъ вмѣстѣ съ жизнью лишился и всѣхъ своихъ земель, которыя должны были перейти къ побѣдителю. Точно такъ-же и нашъ король обязанъ былъ отвѣчать соотвѣтствующею частью своихъ владѣній, которыя должны были-бы достаться Фортинбрасу, если бы побѣда осталась за послѣднимъ, такъ-же, какъ, въ силу нѣсколькихъ статей того-же договора, земли побѣжденнаго перешли къ королю Гамлету. Теперь, другъ мой, молодой Фортинбрасъ, какъ-бы выкованный изъ грубаго металла, юноша необузданный и пылкій, собралъ на окраинахъ Норвегіи значительную толпу изъ непризнающихъ никакихъ законовъ головорѣзовъ, которые изъ за пищи, чтобы только быть сытыми, готовы отважиться на какое угодно предпріятіе, лишь бы отъ него была пожива для желудка. Дѣлается это, — по предположеніямъ нашего правительства, — съ цѣлью вооруженною рукою вернуть себѣ земли, утраченныя его отцомъ. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, идутъ такія приготовления, зачѣмъ всюду разставляютъ стражу, и вотъ почему во всемъ государствѣ кипитъ такая спѣшная суতোлка.

Бернардо. Мнѣ также кажется, что ты правъ, и другихъ причинъ быть не можетъ. Пожалуй, этимъ объясняется и появленіе зловѣщаго образа, въ полномъ вооруженіи проходящаго мимо стража и такъ сильно похожаго на покойнаго короля, который и былъ, и есть главной причиной обѣихъ войнъ, прошедшей и предстоящей.

Горацио. Пылинка эта способна омрачить зрѣніе разсудка. Въ самое славное и цвѣтущее время Рима, не задолго передъ тѣмъ, какъ погибнуть могущественному Юлію, могилы оставались пустыми, а мертвые въ саванахъ съ зубовнымъ скрежетомъ и съ воемъ бродили по римскимъ улицамъ. Это сопровождалось появленіемъ звѣздъ съ огненными хвостами, кровавою росой; на солнцѣ выступали предвѣщающія несчастія пятна, а влажное свѣтило, подъ чьимъ вліяніемъ находится царство Нептуна, померкло и казалось, будто затменію конца не будетъ до самаго страшнаго суда. Тѣ-же самыя знаменія, предвѣщающія грозныя событія, всегда идутъ впереди рѣшеній судьбы и служатъ предшественниками неизбѣжныхъ бѣдствій. Они появляются и на небѣ, и на землѣ; ихъ-то могутъ теперь видѣть у насъ наши соотечественники (*призракъ возвращается*). Но, тише! Смотрите сюда! Онъ возвращается! Я прегражду ему дорогу, даже если бы меня за это убило громомъ... Стой, призракъ! Если ты можешь издать хоть одинъ звукъ, если имѣешь возможность говорить, отвѣчай мнѣ! Если надо сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, могущее способствовать твоему успокоенію или моему спасенію, отвѣчай мнѣ! Если тебѣ извѣстно, что родной твоей странѣ грозитъ какая-нибудь бѣда, которую можно счастливо предотвратить, узнавъ о ней заранее, отвѣчай! Или

если ты при жизни, вынужденный силою какихъ-нибудь обстоятельствъ, зарылъ въ нѣдра земли накопленныя сокровища, а за это ты, призракъ, осужденъ блуждать по землѣ послѣ смерти, говори (*Вдали кричитъ пѣтухъ*). Остановись и отвѣчай! Удержи его, Марцелль.

Марцелль. А если прядется ударить его бердышемъ?

Гораціо. Если онъ не захочетъ остановиться ударъ!

Марцелль. Онъ все еще здѣсь?

Гораціо. Да, здѣсь (*призракъ удаляется*).

Марцелль. Ушелъ. Напрасно мы къ такому величавому существу обращались съ угрозою и даже прибѣгли къ насилію. Онъ неуязвимъ, какъ воздухъ, и наши удары имѣютъ только видъ злой насмѣшки.

Бернардо. Онъ, кажется, хотѣлъ заговорить, но ему помѣшала пѣтухъ.

Гораціо. Онъ содрогнулся, словно преступное существо, слыша грозный окликъ. Я слыхалъ, что пѣтухъ — трубачъ утра, пробуждающій бога дня своимъ громкимъ и пронзительнымъ голосомъ, и по этому сигналу, всѣ заблудшіе и бродящіе ночью призраки, гдѣ бы они ни находились: — на днѣ морскомъ или въ огнѣ, на землѣ или въ воздухѣ, должны мгновенно вернуться въ могилы. Доказательствомъ этому служить то, что мы сейчасъ видѣли.

Марцелль. Да, онъ исчезъ тотчасъ послѣ того, какъ запѣлъ пѣтухъ. Увѣряютъ, будто при наступленіи времени, когда мы празднуемъ Рождество Христа-Спасителя, эта птица, предвѣстница зари, поетъ на пролетъ всю ночь, и тогда, говорятъ, не смѣетъ появляться ни одинъ призракъ. Ночи эти здоровы; время это такъ свято и милостиво, что ни одна планета не можетъ имѣть вреднаго вліянія, ни одной вѣдьмѣ не дозволено сѣять бѣдствія, ни одной колдуньѣ пускать въ ходъ свои чары.

Гораціо. Я слыхалъ то же самое и отчасти этому вѣрю. Однако, смотрите, на востокѣ утро, одѣтое въ красноватый плащъ, ступаетъ по росѣ высокаго пригорка. Теперь и намъ пора уйти съ караула. Мой совѣтъ вамъ — сообщить молодому Гамлету все, что мы видѣли за нынѣшнюю ночь; я убѣжденъ, что этотъ призракъ, оставшійся нѣмымъ, при нашихъ заклинаніяхъ, съ нимъ-то заговорить. Я думаю, вы оба согласны, что необходимо повѣдать принцу эту тайну. Къ тому обязываютъ насъ и наша къ нему привязанность, и нашъ долгъ.

Марцелль. Такъ мы и поступимъ. Я знаю, гдѣ всего вѣроятнѣе можно будетъ встрѣтить его въ наступающее утро.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Эльсиноръ. Тронный залъ въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Вольтимандъ, Корнелій, придворные и свита.

Король. Хотя кончина нашего дорогого брата Гамлета еще свѣжа у насъ въ памяти; хотя я понимаю, что скорбь должна была бы переполнять наши сердца и отражаться во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ нашихъ подданныхъ, однако разсудокъ, находящійся въ вѣчной борьбѣ съ чувствомъ, заставляетъ насъ благоразумно скорбѣть объ умершемъ, но въ то-же время не забывать и о себѣ. Вотъ та наша бывшая сестра, а теперь наша королева и соправительница надъ воинственнымъ государствомъ, которую мы избрали себѣ въ супруги. Подавленные страданіемъ въ то-же время радостно вступили мы въ этотъ бракъ, улыбаясь однимъ глазамъ, тогда-какъ на другомъ выступали слезы. Похоронные нагѣвы чередовались съ свадебными пѣснями. Грусти отводилось ровно столько-же мѣста, какъ и веселью. Во всемъ этомъ дѣлѣ мы не могли устоять противъ вашихъ мудрыхъ совѣтовъ, предложенныхъ вами добровольно; примите-же всѣ нашу благодарность. Однако, перейдемъ теперь къ другому. Какъ вамъ извѣстно, юный Фортинбрасъ, — вѣроятно, имѣя слабое понятіе о нашихъ боевыхъ силахъ или воображая, будто за смертью дорогого нашего брата все наше государство даетъ трещины и готово превратиться въ развалины, а также будучи черезъ чуръ высококаго мнѣнія о себѣ самомъ, — не перестаетъ докучать намъ своими посланіями, требуя возврата земель, законно перешедшихъ отъ его отца къ нашему добрѣйшему брату. Теперь узнайте причины, подавшія поводъ къ этому собранію. Мы приготовили посланіе къ королю норвежскому, — онъ дядя молодого Фортинбраса, — человѣку разслабленному, не встающему съ постели и едва знакомому съ намѣреніями своего племянника, прося его положить конецъ затѣямъ сумасброднаго юноши, такъ-какъ послѣдній вербуетъ солдатъ и набираетъ войско исключительно изъ норвежскихъ подданныхъ. Поэтому мы поручаемъ тебѣ, любезный Корнелій, и тебѣ, Вольтимандъ, отвести наше полное всякихъ добрыхъ пожеланій посланіе старику-норвежцу. Чѣмъ ограничиваются ваши личныя полномочія въ сношеніяхъ вашихъ съ королемъ, вы узнаете вотъ изъ этихъ письменныхъ и подробныхъ указаній. Поѣзжайте-же; скоростью исполненія возложеннаго на васъ порученія вы докажете мнѣ свою преданность.

Корнелій и Вольтимандъ. Мы въ данномъ случаѣ докажемъ вамъ ее такъ-же, какъ и во всемъ другомъ.

Король. Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Прощайте. Отъ всего сердца желаю вамъ счастливаго пути (*Вольтимандъ и Корнелій уходятъ*). Что новаго скажешь намъ ты, Лаэртъ? Ты намъ говоришь, что имѣешь къ намъ просьбу. Въ чемъ-же она заключается? Если то, чего ты желаешь отъ короля Даніи, разумно, ты не потратишь своихъ словъ даромъ. Чего-бы ты ни пожелалъ, Лаэртъ, я заранѣе готовъ дать свое согласіе на все, даже не зная еще содержанія просьбы. Голова не такъ готова служить сердцу, а руки рту, какъ престоль Даніи готовъ доказать Полонію свою благосклонность. И такъ, Лаэртъ, чего-же ты желаешь?

Лаэртъ. Высокочтимый государь, я прошу васъ разрѣшить мнѣ снова вернуться во Францію. Я добровольно по-кинулъ эту страну и прибылъ въ Данію, чтобы привѣтствовать васъ при вашемъ коронованіи; теперь-же, когда эта обязанность исполнена, я не могу не сознаться, что всѣ мысли мои, всѣ желанія стремятся къ Франціи. Затѣмъ, государь, смиренно прося прощенія, снова повторяю прежнюю свою просьбу.

Король. А отецъ согласенъ отпустить тебя? Что говоритъ Полоній?

Полоній. Государь, онъ такъ докучалъ своею просьбой, что, наконецъ, вырвалъ у меня согласіе. Однако, хоть и скрѣпи сердце, я согласился и теперь умоляю васъ позволить ему уѣхать.

Король. Поѣзжай когда угодно, Лаэртъ. Время принадлежитъ тебѣ; распоряжайся имъ, такъ, какъ тебѣ подскажутъ самыя прихотливыя твои желанія... Ну, а ты, Гамлетъ, племянникъ нашъ и сынъ...

Гамлетъ (*про себя*). Родство между нами близкое, но все-таки мы далеки одинъ другому.

Король. Зачѣмъ облака печали до сихъ поръ омрачаютъ твое чело?

Гамлетъ. Не можетъ этого быть, государь: я слишкомъ близко стою къ солнцу.

Королева. Добрый мой Гамлетъ, сними съ себя черныя какъ ночь, одежды и обрати на короля Даніи дружественный взоръ. Подними свои опущенныя вѣки и перестань упорно отыскивать въ прахѣ у себя подъ ногами прахъ твоего благороднаго отца. Это всеобщая участь; ты знаешь самъ: — все живущее должно когда-нибудь по волѣ природы перейти въ вѣчность.

Гамлетъ. Да, государыня, эта участь всеобщая.

Королева. Зачѣмъ-же, если такъ, оно въ данномъ случаѣ кажется тебѣ чѣмъ-то особеннымъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, государыня, оно мнѣ не кажется, а есть на самомъ дѣлѣ. Ничего кажущагося здѣсь нѣтъ. Ни мой темный, какъ чернила, плащъ, добрая моя родительница, ни этотъ торжественный трауръ, въ который мы одеваемся по обязанности, ни тяжкіе вздохи, вылетающіе изъ подавленной груди, ни ручьи, изливающіеся изъ глазъ, ни унылое выраженіе лица, ни всѣ эти формы, виды и внѣшніе признаки скорби не могутъ дать понятія о томъ, что у меня на душѣ. Все это можетъ казаться, потому что выставляется на показъ и можетъ быть притворнымъ. Но то, что происходитъ во мнѣ, притворнымъ быть не можетъ; все остальное только сбруя и украшенія скорби.

Король. Съ твоей стороны очень трогательно и тебѣ дѣлаетъ большую честь, что ты такъ скорбишь по отцѣ и даже послѣ его смерти исполняешь относительно его свой сыновній долгъ. Но ты долженъ знать, что и у твоего отца былъ отецъ, какъ былъ и у послѣдняго тоже отецъ, котораго каждый изъ нихъ лишился. Каждый оставшійся въ живыхъ, ради исполненія сыновняго долга, обязанъ на нѣкоторое время облечься въ печальныя траурныя одежды; но настойчивая, упорная тоска только служить признакомъ безбожнаго упрямства. Такая тоска недостойна человѣка; она служитъ признакомъ, что

воля человѣка возмущается противъ небесъ, что душѣ его такъ-же чужда сила, какъ и способность терпѣливо переносить страданія, что умъ его недалекъ и не въздѣланъ образованіемъ. Скажи, зачѣмъ изъ за того, что, какъ намъ всѣмъ извѣстно, должно было совершиться неизбежно и въ сущности самое обыденное и общее для всѣхъ явленіе, впадать въ угрюмое уныніе и слишкомъ близко принимать это явленіе къ сердцу? Стыдись! это обида небесамъ, обида умершимъ, обида природѣ, нелѣпая обида разуму, для котораго смерть отцовъ не болѣе, какъ общее мѣсто, и который при видѣ трупа какъ перваго покойника, такъ и того, кто умеръ сегодня, неумолимо говоритъ: — «такъ быть должно!» Мы просимъ тебя отбросить эту безсильную скорбь и видѣть въ насъ отца. Знай, — да пусть и всѣ это знаютъ, — что нѣтъ человѣка, ближе стоящаго къ нашему трону, чѣмъ ты, и я люблю тебя самою искреннею отеческою любовью. Что-же касается твоего намѣренія вернуться въ Виттенбергъ и продолжать тамъ ученіе, то, мы умоляемъ тебя, согласишься остаться здѣсь, дабы услаждать и утѣшать наши взоры, такъ какъ первое лицо при нашемъ дворѣ — ты, племянникъ нашъ и сынъ.

Королева. О, Гамлетъ, не заставляй родную мать молить тебя напрасно. Прошу тебя, останься съ нами, не уѣзжай въ Виттенбергъ.

Гамлетъ. Государыня, приложу всѣ старанія, чтобы повиноваться вамъ всегда и во всемъ.

Король. Вотъ это отвѣтъ приличный; въ немъ видна сыновняя привязанность. Оставайся, какъ и мы, въ Даніи. Идемте, королева. Это любезное и невынужденное рѣшеніе Гамлета настолько пріятно моему сердцу, что я хочу, чтобы сегодня, каждый разъ, какъ я поднесу къ губамъ кубокъ, пушки сообщали о томъ облакамъ и чтобы каждый заздравный возгласъ короля повторялся въ небесахъ, какъ отголосокъ громовъ земныхъ. Идемте! (*Король, Королева, Полоній, Лаэртъ и придворные уходятъ*).

Гамлетъ. Ахъ, если-бы это черезъ чуръ крѣпкое тѣло могло растаять, разлиться и разсыпаться росой! О, еслибы Предвѣчный не грозилъ за самоубійство всѣми своими громами! Боже, о Боже, какими утомительными обветшалыми, плоскими и бесплодными кажутся мнѣ всѣ земныя радости! Міръ мнѣ гадокъ, гадокъ! Онъ невыполотый садъ, весь заросшій сорными травами и гдѣ зрѣютъ сѣмена всего, что есть грубаго, отвратительнаго въ природѣ... Кто бы могъ подумать, что дойдетъ до этого?! — Всего два мѣсяца, какъ онъ умеръ! Нѣтъ, даже и двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ еще не прошло, какъ умеръ онъ, такой превосходный король. Разница между ними была такъ-же громадна, какъ между Гиперіономъ и сатиромъ. Какъ нѣжно любилъ онъ мою мать! Онъ, если бы это было возможно, запретилъ бы самому вѣтру небесному слишкомъ рѣзко прикасаться къ ея лицу. О небо и земля, зачѣмъ вынужденъ я помнить? Какъ она льнула къ нему, словно по мѣрѣ ихъ насыщенія желанія ея все возрастали, и всетаки черезъ мѣсяць... Нѣтъ, полно объ этомъ думать. Бренность имя тебѣ, женщина! Въ такой короткій срокъ, какъ мѣсяць! Не износились еще тѣ башмаки, въ которыхъ она провожала

гробъ моего несчастнаго отца, какъ Ніобей, вся въ слезахъ... и вотъ даже она, о Боже! лишенное разума животное и то протосковало-бы долѣе! — да, она жена моего дяди, брата моего отца, который такъ-же мало похожъ на моего отца, какъ я на Геркулеса. И это всего только черезъ мѣсяць, ранѣе, чѣмъ соль ея лживыхъ слезъ перестала раздражать ея покраснѣвшіе глаза, она уже снова замужемъ! Какой позоръ!... Такъ торопливо броситься на кровосмѣсительное ложе! Такой отвратительный поступокъ не можетъ повести ни къ чему хорошему. Надрывайся, сердце, когда я вынужденъ сдерживать языкъ! (*Входятъ Бернардо, Гораціо и Марцелль*).

Горацій. Привѣтъ вамъ, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ видѣть тебя здоровымъ. Вѣдь ты Гораціо, если не измѣняетъ мнѣ память.

Гораціо. Онъ самый, ваше высочество, и какъ всегда вашъ покорнѣйшій слуга.

Гамлетъ. Лучше называй себя моимъ другомъ; обмѣняемся съ тобою этимъ именемъ. Что заставило тебя уѣхать изъ Виттенберга?... А, Марцелль!

Марцелль. Ваше высочество...

Гамлетъ. Очень радъ тебя видѣть. Здравствуй. Однако, скажи-же, Гораціо, почему ты уѣхалъ изъ Виттенберга?

Гораціо. Лѣнь напала, принцъ.

Гамлетъ. Я даже и врагу твоему не позволилъ-бы такъ отзываться о тебѣ. Я не хочу, чтобы ты оскорблялъ мой слухъ такими показаніями противъ себя. Я знаю, что ты не лѣнтий. Однако, по какому дѣлу прибылъ ты въ Эльсиноръ?... Прежде, чѣмъ ты уѣдешь обратно, мы здѣсь научимъ тебя лихо пьянствовать.

Гораціо. Принцъ, я пріѣхалъ сюда, чтобы присутствовать при погребеніи вашего родителя.

Гамлетъ. Прошу тебя, товарищъ по университету, не насмѣхайся надо мною. Я скорѣе предполагаю, что ты пріѣхалъ на свадьбу матери.

Гораціо. Совершенная правда, принцъ. Свадьба черезъ чуръ скоро послѣдовала за похоронами.

Гамлетъ. Все хозяйственные расчеты, Гораціо! Горячія мясныя блюда, изготовленныя для похоронъ, подавались на свадьбѣ холодными. Ахъ, мнѣ легче было-бы отправиться на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ самымъ ненавистнымъ своимъ врагомъ, чѣмъ быть свидѣтелемъ этого проклятаго дня. Бѣдный отецъ! Мнѣ кажется, будто я вижу его.

Гораціо. Какъ, принцъ?

Гамлетъ. Глазами мысли моей, Гораціо.

Гораціо. Я нѣкогда видѣлъ его. Какой онъ былъ величавый король.

Гамлетъ. Онъ всѣмъ и во всѣмъ былъ человѣкомъ; мнѣ не увидать другого, подобнаго ему.

Гораціо. Мнѣ кажется, принцъ, я видѣлъ его прошедшею ночью.

Гамлетъ. Видѣлъ! Кого?

Гораціо. Короля, принцъ, вашего родителя...

Гамлетъ. Короля... моего отца?

Гораціо. Дозвольте на минуту вниманію пересилить ваше удивленіе, чтобы дать мнѣ возможность рассказать вамъ о такомъ чудѣ. Эти господа засвидѣтельствуютъ справедливость моихъ словъ.

Гамлетъ. Ради самого Бога, говори!

Гораціо. Двѣ ночи сряду, эти господа, Марцелль и Бернардо, стоя на стражѣ, во глубокомъ мракѣ глухой ночи, были свидѣтелями слѣдующаго явленія. Имъ явился какой-то образъ, вооруженный съ ногъ до головы и поразительно похожій на покойнаго короля. Онъ торжественною поступью медленно и величаво прошелъ мимо ихъ изумленныхъ и испуганныхъ глазъ на разстояніи того жезла, который онъ держалъ въ рукахъ. Это появленіе повторялось три раза. У нихъ отъ ужаса выступилъ потъ и какъ будто отнялся языкъ, такъ-что они не были въ силахъ заговорить съ видѣніемъ. Они сообщили мнѣ страшную эту тайну, а на слѣдующую ночь я отправился на стражу вмѣстѣ съ ними, и именно въ томъ видѣ и въ тотъ-же самый часъ, какъ до мельчайшихъ подробностей описывали мнѣ его эти господа, видѣніе появилось снова. Я тотчасъ узналъ вашего родителя; сходство между вотъ этими двумя руками едва-ли больше.

Гамлетъ. Гдѣ это произошло?

Марцелль. На платформѣ, гдѣ стояли мы на часахъ.

Гамлетъ. И вы съ нимъ не заговорили?

Гораціо. Заговаривали, принцъ, но онъ намъ не отвѣтилъ. Однако, была минута, когда мнѣ показалось, что онъ поднялъ голову и сдѣлалъ движеніе, какъ-бы намѣреваясь заговорить, но какъ нарочно тогда послышался пронзительный крикъ ранняго пѣтуха. При этомъ крикѣ призракъ торопливо удалился и скрылся отъ нашихъ глазъ.

Гамлетъ. Странно, очень странно.

Гораціо. Но это такая-же правда, принцъ, какъ-то, что я существую. Мы сочли, что долгъ предписываетъ намъ сообщить объ этомъ вашему высочеству.

Гамлетъ. Право, право, господа, это сильно меня смущаетъ. Будете вы стоять на стражѣ и нынѣшнюю ночь?

Всѣ. Будемъ, принцъ.

Гамлетъ. Вы говорите, онъ былъ вооруженъ?

Всѣ. Вооруженъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Отъ головы до ногъ?

Всѣ. Отъ головы до ногъ.

Гамлетъ. Такъ вы не видали его лица?

Гораціо. Напротивъ, принцъ, видѣли. Забрало было поднято.

Гамлетъ. Смотрѣлъ онъ гнѣвно?

Гораціо. Лицо его скорѣе выражало скорбь, чѣмъ гнѣвъ.

Гамлетъ. Былъ онъ блѣденъ или красенъ?

Гораціо. Очень, очень блѣденъ.

Гамлетъ. И онъ смотрѣлъ на васъ?

Гораціо. Очень пристально.

Гамлетъ. Какъ жаль, что меня тамъ не было!

Гораціо. Это видѣніе васъ бы крайне изумило.

Гамлетъ. Вѣроятно такъ. Сколько времени продолжалось его присутствіе?

Гораціо. Столько времени, принцъ, во сколько не особенно торопливо можно сосчитать до ста.

Бернардо и Марцеллъ. Нѣтъ, долѣе, долѣе.

Гораціо. Въ тотъ разъ, когда я его видѣлъ, не долѣе.

Гамлетъ. Въ бородѣ его виднѣлась просѣдь? Да?

Гораціо. Она была такая-же, какъ при жизни покойнаго; въ ней виднѣлась серебряныя нити.

Гамлетъ. Нынѣшнею ночью, я отправлюсь съ вами на стражу; можетъ-быть, онъ явится опять.

Гораціо. Ручаюсь, что явится.

Гамлетъ. Если призракъ явится въ образѣ моего отца, я заговорю съ нимъ, хотя бы весь адъ своею зіяющею пастью приказывалъ мнѣ молчать. Теперь вотъ просьба ко всѣмъ вамъ. Если вы никому до сихъ поръ не говорили объ этомъ видѣніи, продолжайте о немъ молчать, а то, что бы ни произошло сегодня ночью, пусть знаетъ ваша мысль, но не болтаетъ вашъ языкъ. Теперь, до свиданія. Я приду на платформу между одиннадцатю и двѣнадцатю часами.

Всѣ трое. Позвольте откланяться вамъ, принцъ.

Гамлетъ. Подарите мнѣ вашу дружбу, какъ я предлагаю вамъ свою. Прощайте (*Гораціо, Марцеллъ, Бернардо уходятъ*).

Гамлетъ. Призракъ моего отца явился въ полномъ вооруженіи. Это не къ добру. Я предвижу какую-нибудь гнусную трагедію. Ахъ, еслибы скорѣе наступала ночь! До тѣхъ поръ, душа, старайся сохранять спокойствіе. Черныя дѣянія, хотя-бы ихъ и покрывала собою вся земля, предстанутъ передъ глазами людей. (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаэртъ и Офелія.

Лаэртъ. Моя поклажа уже на кораблѣ; прощай. Если вѣтеръ будетъ благопріятный, а корабль готовъ къ отплытію, не спи, а присылай мнѣ о себѣ вѣсточки.

Офелія. Развѣ ты въ этомъ сомнѣваешься?

Лаэртъ. Что-же касается Гамлета и его пустого вниманія къ тебѣ, смотри на нихъ, какъ на прихоть, какъ на игру его крови. Все это — что фіалка во время юности весны; цвѣтокъ она ранній, но не долговѣчный, прелестный, но

отцвѣтающій скоро, и свой чудный запахъ онъ издаетъ всего одну минуту. Такъ и вниманіе Гамлета.

Офелія. Неужто только?

Лаэртъ. Да, повѣрь мнѣ, что не болѣе. Природа во время роста развиваетъ не одни мышцы и крѣпость тѣла; по мѣрѣ того, какъ храмъ становится обширнѣе, растутъ и обязанности, возлагаемыя на умъ и душу. Можетъ-быть, теперь онъ и любить тебя. Можетъ-быть, его намѣренія до сихъ поръ честны, и ни одно пятно не омрачаетъ чистоты его желаній, но ты должна помнить, принимая въ расчетъ высоту; его положенія, что воля его принадлежитъ не ему самому; онъ рабъ своего рожденія. Ему не дозволено, какъ людямъ, стоящимъ не такъ высоко, располагать собою, потому что отъ его выбора зависятъ благосостояніе и здоровый ростъ государства. Выборъ этотъ долженъ быть одобренъ и скрѣпленъ согласіемъ того тѣла, годовою котораго состоитъ онъ. Итакъ если онъ говоритъ, что любить тебя, ты поступишь благоразумно, если словамъ его будешь придавать настолько вѣры на сколько по самому своему положенію онъ имѣетъ власть оправдать свои слова на дѣлѣ, а эту власть сильно ограничиваетъ голосъ великой Даніи. Сообрази-же, какое пятно легло-бы на твою честь, если-бы ты слишкомъ довѣрчивымъ ухомъ стала слушать тотъ вздоръ, который онъ тебѣ напѣваетъ; тебѣ придется или разбить свое сердце, или, уступивъ его необузданнымъ требованіямъ, запятнать свою непорочность. Берегись, Офелія, берегись, дорогая сестра! Держи себя подалѣе отъ его страсти, такъ-чтобы стрѣлы его любви не могли долетать до тебя. Самая осторожная дѣвушка окажется крайне неосмотрительною, если она дозволить мѣсяцу полюбоваться на ея красоту. Какъ ни будь добродѣтельна, ты все таки не избавишься отъ жала клеветы. Нерѣдко червь уничтожаетъ первенцевъ весны ранѣе, чѣмъ успѣютъ вполнѣ распуститься ихъ распуколки; именно во время разцвѣта жизни, опрысканнаго прозрачною росой, заразительныя повѣтрія бывають особенно опасны. Будь-же осторожна; нѣтъ лучшаго охранителя, какъ страхъ. Молодости достаточно той борьбы, которую ей приходится выдерживать съ собою; гдѣ-же ей еще обороняться отъ постороннихъ враговъ.

Офелія. Я запечатаю въ душѣ твои добрые совѣты; они послужатъ охраной моему сердцу. Но и ты, дорогой братъ, не слѣдуй примѣру безбожныхъ пастырей; указывая мнѣ крутой и тернистый путь, ведущій къ небесамъ, самъ не обращая никакого вниманія на собственныя наставленія, какъ легкомысленный и беззаботный гуляка, не попади на усѣянный цвѣтами путь наслажденій.

Лаэртъ. За меня не бойся. Однако, я замѣшкался... но вотъ идетъ отецъ.

Входитъ Полоній.

Лаэртъ (*отцу*). Благословите меня еще разъ. Для меня большое счастье, что случай доставилъ мнѣ возможность еще разъ проститься съ вами.

Полоній. Ты все еще здѣсь, Лаэртъ! Скорѣ на корабль, скорѣ на корабль! Какой стыдъ! Вѣтеръ уже вздуваетъ паруса, а ты заставляешь себя ждать (*Кладетъ руку на голову сына*). Вотъ тебѣ мое благословеніе, а также нѣсколько житейскихъ правилъ; занеси ихъ хорошенько въ память. Не давай воли языку, не допускай его высказывать каждую твою мысль и не позволяй себѣ ни одного необдуманнаго поступка. Будь ласковъ въ обхожденіи, но ни съ кѣмъ за панибрата. Если ты найдешь друга, разумѣется, испытаннаго, прикрѣпи его къ душѣ стальными ободами, но не натирай себѣ на ладони мозолей, пожимая руку каждому только-что высиженному и неоперившемуся товарищу. Избѣгай ссоръ, но если случится поспориться, держи себя такъ, чтобы противникъ тебя остерегался. Выслушивай всѣхъ, но самъ дѣлись мыслями съ немногими. Соглашайся съ мнѣніемъ каждаго, но свое мнѣніе держи про себя. Одѣвайся сообразно тѣмъ средствамъ, которыя будутъ у тебя въ карманѣ, но избѣгай странностей въ одеждѣ, не гоняйся за преувеличеніями моды; платье на тебѣ можетъ быть дорогое, но оно не должно бросаться въ глаза; по платью часто виденъ самъ человѣкъ. Это тѣмъ болѣе необходимо во Франціи, что тамъ у людей знатныхъ и образованныхъ вкусъ самый утонченный и благородный. Денегъ не занимай ни у кого, но и самъ не давай никому займы. Часто, давъ деньги займы, лишаешься и денегъ, и пріятеля, а заниманіе денегъ отучаетъ отъ расчетливости. Прежде всего будь честенъ относительно самого себя и также неизмѣнно, какъ день смѣняется ночью; держась этого правила, ты будешь поступать честно и относительно другихъ. Прощай; пусть мое благословеніе служить приправой къ этимъ совѣтамъ.

Лаэртъ. Прощаюсь съ вами, какъ почтительный сынъ.

Полоній. Пора, ступай; слуги тебя ожидаютъ..

Лаэртъ. Прощай, Офелія. Помни то, что я тебѣ говорилъ.

Офелія. Все это заперто у меня въ памяти, а ключъ у тебя.

Лаэртъ. Прощай (*Уходитъ*).

Полоній. А что онъ такое говорилъ тебѣ, Офелія?

Офелія. Онъ предостерегалъ меня на счетъ принца Гамлета.

Полоній. И поступилъ очень умно. Я слышалъ, что за послѣднее время вы очень часто оставались наединѣ, и что ты не скупилась на свиданія, даже была въ этомъ отношеніи не въ мѣру щедра. Мнѣ за тѣмъ объ этомъ сообщили, чтобы я принялъ мѣры предосторожности, и если это правда, то ты кажется, не особенно ясно понимаешь свое положеніе и не отдаешь себѣ отчета, какъ слѣдуетъ вести себя честной дѣвушкѣ вообще и моей дочери въ особенности. Скажи мнѣ правду: — что между вами такое?

Офелія. За послѣднее время, онъ много разъ предлагалъ мнѣ свою привязанность.

Полоній. Привязанность? Пфа! Видно, что все въ тебѣ еще молодо-зелено, и ты не понимаешь той опасности, которой подвергаешься. Вѣришь ты его предложеніямъ, какъ ты ихъ называешь?

Офелія. Право, не знаю, что объ этомъ думать.

Полоній. А я тебя научу. Думай, что ты еще глупая дѣвочка, поэтому и приняла за чистую монету фальшивыя деньги. Цѣни себя дороже и, — чтобы не затемнять смысл моей рѣчи обиняками, скажу прямо, — не поставь меня въ дураки.

Офелія. Онъ настойчиво увѣрялъ меня въ любви, но самымъ приличнымъ образомъ.

Полоній. Это она называетъ «образомъ»! Ну, продолжай.

Офелія. И чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, подкрѣплялъ ихъ самыми священными клятвами.

Полоній. Все это только силки, чтобы улавливать глупыхъ птицъ. Я знаю, когда кровь кипитъ, сердце не скупится подсказывать языку самыя торжественныя клятвы. Не принимай, дочь моя, за настоящее пламя эти вспышки, издающія болѣе свѣта, чѣмъ тепла. Онѣ обыкновенно угасаютъ въ ту самую минуту, когда на нихъ всего болѣе рассчитываешь. На будущее время, дочь моя, будь нѣсколько поскупѣ на свое дѣвственное присутствіе, придавай болѣе цѣны своимъ разговорамъ и не расточай своихъ словъ предъ каждымъ, словно по заказу. А на счетъ того, что думать о принцѣ Гамлетѣ, я скажу тебѣ: — онъ молодъ, и веревка, на которой онъ привязанъ, отпущена свободнѣе, чѣмъ у тебя, поэтому онъ можетъ позволять себѣ больше, чѣмъ ты. Словомъ, Офелія, не вѣрь его клятвамъ, потому что онѣ служатъ не выразительницами тѣхъ намѣреній, въ платьяхъ которыхъ онѣ рядятся, а только посредницами для святотатственныхъ желаній; онѣ только прикрываются святостью и набожностью, что-бы успѣшнѣе обмануть. Разъ навсегда говорю тебѣ въ ясныхъ словахъ: не смѣй отнынѣ тратить ни одной минуты свободного времени на пустую болтовню съ принцемъ Гамлетомъ. Повторяю, помни это, а теперь ступай своею дорогою.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Платформа.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелль.

Гамлетъ. Холодъ кусается сильно. Морозъ здоровый.

Гораціо. Да, пощипываетъ исправно.

Гамлетъ. Который теперь часъ?

Гораціо. Я думаю, недалеко до полуночи.

Марцелль. Нѣтъ, полночь уже пробило.

Гораціо. Въ самомъ дѣлѣ? Я не слыхалъ. Если такъ, то близится то время, когда призракъ имѣетъ обыкновеніе появляться (*Доносятся звуки трубъ и громъ пушекъ*). Что это значитъ, принцъ?

Гамлетъ. Король спать еще не ложился; нахальный выскочка пируетъ, пьянствуетъ и пляшетъ. Всякій разъ, какъ онъ, осушивъ одинъ кубокъ съ

рейнскимъ виномъ, поднимаетъ другой и провозглашаетъ чье нибудь здоровье, въ отвѣтъ ему гремятъ пушки и литавры.

Гораціо. Это такой обычай?

Гамлетъ. Да, обычай. Хотя я родился въ этой странѣ и привыкъ къ такому обычаю, но все-таки нахожу, что похвальнѣе нарушать его, чѣмъ исполнять. За эти одуряющія голову попойки, о насъ у всѣхъ народовъ востока и запада идетъ дурная слава; насъ считаютъ пьяницами и позорятъ такими прозвищами, какъ «свиньи», и такія худыя слова, дѣйствительно, отзываются на мозгу костей, на самой сердцевинѣ нашихъ доблестныхъ подвиговъ. Тоже нерѣдко случается и съ отдѣльными личностями, если онѣ отъ природы надѣлены какимъ-нибудь порокомъ, словно родимымъ пятномъ. Онѣ нерѣдко отъ рожденія, — въ чемъ онѣ, конечно, не виноваты, такъ-какъ выбирать врожденныя качества никто не властенъ — бываютъ чрезмѣрно надѣлены какою-нибудь порочною склонностью, низвергающею иногда всѣ ограда и укрѣпленія, воздвигаемыя разумомъ, или какою-нибудь привычкою, пятнающею своею закваскою самыя похвальныя качества. Когда на этихъ людяхъ, говорю я, — ляжетъ пятно какого-нибудь недостатка, все равно, будь этотъ недостатокъ прирожденный или привитой случайно, одинъ этотъ недостатокъ омрачить въ глазахъ общественнаго мнѣнія всѣ другія достоинства такого человѣка, еслибы даже они оказались чисты, какъ благодать, и достигали крайнихъ предѣловъ всѣхъ совершенствъ, доступныхъ человѣческому роду. Самая крошечная, но нечистая капля, — и, благодаря такой позорящей примѣси, все вещество становится негоднымъ, несмотря на остальные свои высокія качества (*Появляется призракъ*).

Гораціо. Смотрите, принцъ! Вотъ онъ.

Гамлетъ. О, ангелы, силы небесныя, примите насъ подъ свою защиту! — Ктобъ ни былъ ты, — благотворный-ли духъ или преданный проклятью демонъ; несешь-ли ты съ собой струи небеснаго эѳира или палящее дыханіе ада; явился-ли ты съ губительными или съ добрыми умыслами, ты принялъ такой чарующій образъ, что я долженъ, поговорить съ тобою. Я буду называть тебя Гамлетомъ, королемъ, отцомъ, царственнымъ датчаниномъ! О, отвѣчай мнѣ! Не дай мнѣ терзаться невѣдѣніемъ; скажи, почему твои мертвыя кости, похороненныя, какъ того требовали обряды церкви, разорвали свой саванъ? почему твоя могила, въ которой ты у насъ на глазахъ лежалъ такъ спокойно, раскрыла свои тяжелыя мраморныя челюсти и извергла тебя изъ своихъ нѣдръ? Почему ты, безжизненный трупъ, весь закованный въ стальныя доспѣхи, бродишь при лунномъ сіяніи, ночь наполняешь ужасами, а у насъ, жалкихъ игрушекъ природы, съ такою страшною силою потрясаешь воображеніе и возбуждаешь въ насъ вопросы, недоступныя нашему пониманію. Скажи, почему это? Зачѣмъ? Чего ты отъ насъ хочешь?

Гораціо. Онъ приглашаетъ васъ слѣдовать за нимъ, какъ бы желая вамъ что то сообщить, но только вамъ однимъ.

Марцелль. Смотрите, какимъ вѣжливымъ движеніемъ руки онъ зоветъ васъ въ болѣе отдаленное мѣсто. Но вы не слѣдуйте за нимъ.

Гораціо. Нѣтъ, ни подѣ какимъ видомъ!

Гамлетъ. Здѣсь говорить онъ не хочетъ, такъ я пойду за нимъ.

Гораціо. Не ходите, принцъ!

Гамлетъ. Почему-же, нѣтъ? Чего мнѣ бояться? Жизнь для меня не дороже булавки; что же касается души моей, то ей онъ ничего не сдѣлаетъ, когда она у меня такъ-же бессмертна, какъ и у него? Онъ опять зоветъ меня, и я за нимъ послѣдую.

Гораціо. Дорогой принцъ, что, если онъ заведетъ васъ въ морскую пучину или на страшную вершину того утеса, что на своемъ основаніи нависъ надъ моремъ, а, заведя васъ туда, приметъ вдругъ такой ужасающій образъ, что вы утратите царственную силу разума и сойдете съ ума? Подумайте: — даже при обыкновенныхъ обстоятельствахъ у каждаго кружится голова и являются страшныя мысли, когда съ такой ужасающей высоты взглянешь на чернѣющее море, грозно шумящее у подножія утеса.

Гамлетъ. Онъ продолжаетъ меня манить (*Призраку*). Ступай; я пойду за тобою слѣдомъ.

Марцелль. Мы васъ не пустимъ, принцъ.

Гамлетъ. Руки прочь!

Гораціо. Будьте благоразумны, не ходите, принцъ.

Гамлетъ. Меня призываетъ судьба; она каждую ничтожнѣйшую мою жилу дѣлаетъ такую крѣпкою, какъ могучія мышцы немейскаго льва (*Призракъ дѣлаетъ знаки*). Онъ продолжаетъ меня звать! (*Вырывается изъ рукъ Марцелла и Гораціо*). Пустите меня, господа! всякій, кто посмѣетъ удерживать меня, самъ превратится въ призракъ! Прочь, говорю я вамъ! (*Призраку*). Иди, а я послѣдую за тобой. (*Призракъ удаляется; за нимъ Гамлетъ*).

Гораціо. Призракъ довелъ его до изступленія.

Марцелль. Идемъ за нимъ. Ослушаться его повелѣваетъ намъ долгъ.

Гораціо. Идемъ! Чѣмъ-то все это кончится?!

Марцелль. Какъ видно, въ Даніи что-то подгнило.

Гораціо. Богъ милостивъ.

Марцелль. Идемъ-же за принцемъ (*уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть платформы.

Появляются Гамлетъ и Призракъ.

Гамлетъ. Куда ты ведешь меня? Говори, или я далѣе неиду.

Призракъ. Слушай меня внимательно.

Гамлетъ. Слушаю.

Призракъ. Ужъ близится часъ, когда я долженъ буду снова вернуться въ сѣрное пламя, въ которомъ я терзаюсь.

Гамлетъ. Несчастнй призракъ!

Призракъ. Не жалѣй обо мнѣ, а слушай внимательно, что я тебѣ открою.

Гамлетъ. Говори, я обязанъ слушать.

Призракъ. Какъ обязанъ будешь отомстить, когда узнаешь все.

Гамлетъ. Что ты сказалъ?

Призракъ. Я духъ твоего отца, обреченный на нѣкоторое время по ночамъ бродить по землѣ, а днемъ выносить страшныя муки въ огненной тюрьмѣ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока огонь не очиститъ меня отъ черныхъ прегрѣшеній, совершенныхъ во время моей земной жизни. Если бы мнѣ не было запрещено открывать тебѣ моей заgrabной тайны, я повѣдалъ-бы тебѣ нѣчто такое ужасное, что каждое мое слово растерзало-бы твою душу, оледенило-бы твою молодую кровь, заставило-бы твои сіяющіе, словно звѣзды, глаза, выйти изъ своихъ впадинъ, распрямило-бы твои расчесанныя кудри, и каждый волосъ на твоей головѣ сталь-бы дыбомъ, словно иглы у разъяреннаго дикобраза. Но рассказы о вѣчномъ пламени не должны касаться слуха существа, имѣющаго плоть и кровь. Гамлетъ, если ты когда-нибудь любилъ такъ нѣжно любившаго тебя отца, слушай! О, слушай!

Гамлетъ. Создатель мой!

Призракъ. Я сдѣлался жертвой ужаснаго, противоестественнаго убійства. Отомсти за меня.

Гамлетъ. Убійства?

Призракъ. Самое извинительное убійство вообще гнусно, но это убійство гнусно, странно и противоестественно въ высшей степени.

Гамлетъ. О, дай мнѣ скорѣе узнать, въ чемъ дѣло, и я на крыльяхъ, такихъ-же быстрыхъ, какъ мысль, какъ греза о любви, полечу и отомщу за тебя.

Призракъ. Я вижу твою готовность. Если-бы то, что ты слышишь, не потрясло тебя до глубины души, ты оказался-бы такимъ-же негоднымъ, какъ тѣ сорныя травы, которыя жирѣютъ и гніютъ на берегахъ Леты. Теперь, Гамлетъ, слушай. Распустили слухъ, будто меня ужалила змѣя, пока я спалъ въ саду. Этимъ вымышленнымъ рассказомъ о причинѣ моей смерти была самымъ наглымъ образомъ обманута вся Данія. Знай, благородный мой юноша, ужалившая меня змѣя носить теперь мой вѣнецъ.

Гамлетъ. Дядя! О, моя душа, ты пророчица!

Призракъ. Волшебной силою ума и своими предательскими чарами, — о, будь прокляты и этотъ умъ, и эти силы, когда имъ дана власть доводить оболъщеніе до такой степени! — этому кровосмѣстителю, этому прелюбодѣю, этому животному удалось подчинить королеву, казавшуюся самою добродѣтельною женщиною, своему постыдному сластолюбію. Какое страшное паденіе, Гамлетъ! Послѣ меня, чья любовь имѣла хоть то достоинство, что она шла рука объ руку съ обѣтомъ, даннымъ въ день брака, снизойти до негодяя, который если не принимать во вниманіе кое-какихъ внѣшнихъ его способностей, ни въ чемъ меня не стоитъ. Но такъ-же, какъ истинная добродѣтель даже и тогда остается непоколебимой, когда увивающійся около

нея порокъ является въ видѣ небеснаго образа, такъ и любострастью, будь оно подругою даже небеснаго ангела и наслаждайся оно на ложѣ райскомъ блаженствомъ, все-таки захочется окунуться въ грязь. Но чу! Кажется, повѣяло предразсвѣтнымъ вѣтромъ и мнѣ приходится быть краткимъ. Итакъ, я, какъ всегда послѣ обѣда, уснулъ въ саду. Пока я покоился мирнымъ сномъ, твой дядя съ полной стеклянкой сока проклятаго омега, — а этотъ сокъ смертоносень, — подкрался ко мнѣ и влилъ мнѣ его въ раковину уха. Эта отравка губительно дѣйствуетъ на кровь. Быстрѣ ртути она устремляется по всѣмъ путямъ и каналамъ нашего тѣла; отъ нея самая чистая, самая здоровая кровь стучается и свертывается, какъ свертывается молоко, когда въ него попадетъ капля кислоты. Я испыталъ именно это, но вдругъ почувствовалъ, что все гладкое мое тѣло, какъ у Лазаря, покрывается проказой. Вотъ какимъ образомъ рука брата, во время моего сна, разомъ похитила у меня и жизнь, и корону, и королеву. Смерть застигла меня среди полного цвѣтенія моихъ прегрѣшеній, неприготовленнымъ, безъ покаянія, безъ Святаго Причастія, и вотъ я, весь погрязшій въ грѣхахъ, предсталъ передъ лицо Верховнаго Судіи. О, ужасъ, ужасъ, ужасъ! Если ты не выродокъ, ты не оставишь этого безъ наказанія: королевское ложе Даніи не должно оскверняться любострастіемъ и окаяннымъ кровосмѣшеніемъ, но какова-бы ни была намѣченная тобою кара, не клади себѣ на душу страшнаго преступленія; воздержи себя отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ матери; предоставь ее гнѣву Божію и злобнымъ терніямъ, терзающимъ ей душу. Разъ навсегда прощай. Свѣтлякъ возвѣщаетъ, что утро близко; его безсильный блескъ начинаетъ меркнуть. Прощай, прощай, Гамлетъ! Помни обо мнѣ (*Исчезаетъ*).

Гамлетъ. О, войско небесное, силы небесныя! О, земля! Что еще? Не призывай-ли и адъ?... Какъ это гнусно! О, сердце, тише, не бейся такъ сильно! а вы, мышцы мои, не одряхлѣйте сразу, а сохраняйте прежнюю силу! Помнить о тебѣ? Да, несчастная тѣнь, я буду помнить о тебѣ, пока способность помнить сохранится въ этой головѣ! Помнить о тебѣ? Да, я сотру со страницъ памяти всѣ обыденныя и пустыя замѣтки, все, вычитанное въ книгахъ, всѣ вынесенныя изъ жизни прежнія впечатлѣнія, начертанныя тамъ молодостью и наблюденіями. Въ мозгу моемъ сохранится только одинъ твой завѣтъ безъ малѣйшей къ нему низшей примѣси! О, зловреднѣйшая женщина! О, злодѣй, злодѣй, улыбающійся и проклятый злодѣй!... Гдѣ моя записная книжка? надо внести въ нее, что человѣкъ можетъ улыбаться, улыбаться и все-таки быть злодѣемъ; я убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, въ Даніи это возможно (*пишетъ*). Ну, дядюшка, вы сюда попали! Теперь пароль: «Прощай, прощай и помни обо мнѣ».

Гораціо (*издали*). Ваше высочество, ваше высочество!

Марцеллъ (*такъ-же*). Принцъ Гамлетъ!

Гораціо (*такъ-же*). Защити его Богъ!

Марцеллъ (*такъ-же*). Спаси его!

Гораціо (*такъ-же*). Откликнитесь, принцъ!

Гамлетъ. Сюда, сюда, дѣтки мои! сюда, мои соколы! (*Входитъ Гораціо и Марцелль*).

Марцелль. Ну, что-же, принцъ?

Гораціо. Что здѣсь произошло?

Гамлетъ. Чудеса! Чудеса!

Гораціо. Расскажите-же намъ, принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ вы разболтаете.

Гораціо. О, конечно, не я; клянусь небесами!

Марцелль. Клянусь и я!

Гамлетъ. Что вы на это скажете? — Какой человѣческой умъ могъ-бы это подумать! Но вы никому не скажете?

Гораціо и Марцелль. Никому! Клянусь!

Гамлетъ. Если въ Даніи есть злодѣй, онъ отъявленный мошенникъ!

Гораціо. Призраку не стоило вставать изъ могилы, чтобы сообщить вамъ только это.

Гамлетъ. Правда... Ты совершенно правъ. Итакъ, я нахожу, что намъ безъ дальнѣйшихъ объясненій слѣдуетъ пожать взаимно руки и разойтись. Вы отправитесь, куда знаете, по своимъ дѣламъ и нуждамъ, такъ-какъ у каждого человѣка есть какія-нибудь дѣла и нужды, а я... я пойду молиться.

Гораціо. Принцъ, въ вашихъ словахъ есть какая-то растерянность... онѣ такъ неясны.

Гамлетъ. Мнѣ сердечно жаль, если это васъ обижаетъ!.. Право, жаль отъ всей души.

Гораціо. Здѣсь нѣтъ никакой обиды, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь святымъ Патрикомъ, обида есть и очень сильная. Насчетъ видѣнія, осмѣлюсь вамъ сказать, что это призракъ честный. Если-же у васъ есть желаніе узнать, что между нами было, умѣрьте его, насколько это вамъ возможно. А теперь, друзья мои, если вы на самомъ дѣлѣ мои друзья, товарищи по ученію и по оружію, исполните одну ничтожную съ моей стороны просьбу.

Гораціо. Съ величайшею охотою, принцъ. Въ чемъ-же дѣло?

Гамлетъ. Никому ни слова о томъ, что вы видѣли сегодня ночью.

Гораціо и Марцелль. Даже ни полслова.

Гамлетъ. Поклянитесь мнѣ.

Гораціо. Честное слово, принцъ, никому и никогда!

Марцелль. Такъ-же, какъ и я.

Гамлетъ. Поклянитесь на моемъ мечѣ.

Марцелль. Мы уже дали клятву, принцъ.

Гамлетъ. Да, въ самомъ дѣлѣ... но на моемъ мечѣ.

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. А, пріятель, и ты говоришь тоже? Такъ ты здѣсь, цѣнная, не фальшивая монета? Ну, скорѣй-же. Слышите голосъ этого молодчика изъ погреба? — Клянитесь.

Гораціо. Въ чемъ-же клясться?

Гамлетъ. Никому не говорить о томъ, что вы видѣли. Клянитесь на мечѣ!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. *Nic et ubique?* Перейдемъ на другое мѣсто. Кладите еще разъ руки на мой мечъ и клянитесь никому не говорить о томъ, что вы видѣли и слышали.

Призракъ (*изъ подъ земли*). На мечъ его клянитесь!

Гамлетъ. Хорошо сказано, старый кротъ! Неужели ты можешь такъ скоро рыть землю? Ты отличный землекопъ!.. Друзья, перемѣнимъ еще разъ мѣсто.

Гораціо. Беру въ свидѣтели и ночь, и день, что все это поразительно странно.

Гамлетъ. А поэтому и привѣтствуй это «странное», какъ странника. На небѣ и на землѣ, Гораціо, есть много такого, что даже не снилось нашей мудрости. Но слушайте: — поклянитесь еще, какъ прежде, что, при Божіей помощи, какъ-бы загадочно я ни ведъ себя, еслибы я даже счелъ нужнымъ притвориться, будто я не въ своемъ умѣ, вы, скрестивъ руки вотъ такъ или вотъ такъ, покачивая головою, или какимъ-нибудь намекомъ вродѣ: — «Хорошо, хорошо, понимаю!» или «Стоитъ намъ захотѣть и мы могли бы,» или «Если-бы намъ вздумалось говорить,» или, наконецъ; — «Отъ насъ-бы зависѣло», а также какимъ-нибудь двухмысленнымъ выраженіемъ въ томъ-же родѣ, — не дадите понять, что у меня есть какая-то тайна, извѣстная вамъ. Поклянитесь мнѣ въ этомъ, и да придетъ въ случаѣ надобности на помощь къ вамъ небесное милосердіе! — Клянитесь!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. Успокойся, успокойся, потревоженный духъ. Затѣмъ, господа, я съ полною любовью поручаю себя вамъ и все, что такой человекъ, какъ бѣдняга Гамлетъ, въ состояніи будетъ сдѣлать, чтобы доказать вамъ свою привязанность или свою дружбу, будетъ при помощи Божіей сдѣлано. Итакъ, вернемтесь вмѣстѣ и держите постоянно языкъ за зубами. Время вышло изъ своей колеи. Досадно, что, по волѣ проклятой судьбы, на мою долю выпала обязанность поставить его на прежнее мѣсто. Идемте-же, идемъ (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнальдо.

Полоній. Эти деньги и эти бумаги ты отдашь ему, Рейнальдо.

Рейнальдо. Слушаю.

Полоній. Было-бы необычайно умно съ твоей стороны, любезный мой Рейнальдо, если-бы ранѣе, чѣмъ повидаться съ нимъ, ты навелъ справки о его поведеніи.

Рейнальдо. Я и самъ имѣлъ это намѣреніе.

Полоній. Ей Богу, хорошо сказано, даже очень хорошо! Видишь-ли, мой милый, прежде всего разузнай, кто изъ датчанъ проживаетъ въ Парижѣ, а также какъ, съ кѣмъ, на какія средства и гдѣ они живутъ, въ какомъ бываютъ обществѣ и много-ли тратятъ денегъ; когда-же, послѣ такого ряда постороннихъ вопросовъ, ты попытаешься, что знаютъ и моего сына, приступи къ вопросамъ болѣе точнымъ, но все-таки не объявляя прямо, зачѣмъ тебѣ нужны эти свѣдѣнія, а приблизительно съ такими подходами: — «я знаю его отца, многихъ его друзей и отчасти его самого». Хорошо ли ты понялъ меня?

Рейнальдо. Какъ нельзя лучше.

Полоній. «Да, отчасти и его самого», — можешь ты добавить, — «но не очень близко; говорятъ, что этотъ сумасбродъ дѣлаетъ то-то и то-то», а потомъ взваливай на него все, что тебѣ вздумается, но, разумѣется, ничего такого, что могло бы пятнать его честь; отъ этого остерегись, говори, что онъ вѣтренъ, любитъ кутнуть, словомъ, тѣ обычные грѣшки, которые служатъ неразлучными спутниками молодости и свободы.

Рейнальдо. Если я, напримѣръ, скажу, что онъ имѣетъ пристрастіе къ игрѣ?

Полоній. Ничего. Можешь также сказать, что онъ любитъ выпить, что онъ забіяка, любитъ заводить ссоры, сквернословить, гоняться за дѣвицами легкаго поведенія и все такое. Говорить это про него я тебѣ позволяю.

Рейнальдо. Однако, это не будетъ служить къ его чести.

Полоній. Конечно, нѣтъ, если ты не съумѣешь смягчить своихъ отзывовъ. Ты не будешь, напримѣръ, взваливать на него, будто онъ развратникъ по природѣ. Я хочу не этого, а чтобы ты приписывалъ ему всякіе грѣшки въ легкой степени. Въ твоихъ отзывахъ должно чувствоваться, что всѣ эти грѣшки неизбѣжныя слѣдствія полной свободы, искры и взрывы пылкой души и игра горячей крови, обыкновенно свойственные молодости.

Рейнальдо. Однако...

Полоній. А знаешь-ли, зачѣмъ я хочу чтобы ты это сдѣлалъ?

Рейнальдо. Нѣтъ, не знаю.

Полоній. Такъ знай, милый мой, цѣль моя вотъ въ чемъ, и планъ мой не можетъ не удался. Когда ты взведешь, на него обвиненіе въ легкихъ грѣшкахъ, весьма часто питающихъ людей, живущихъ не затворниками, то, — обрати вниманіе на мои слова, — если твой собесѣдникъ, то-есть, тотъ, отъ кого ты желаешь выпытать правду, самъ замѣчалъ эти грѣшки въ молодомъ человѣкѣ, онъ согласится съ тобою и скажетъ: — «милостивый государь» или «другъ мой» или «почтеннѣйшій» — ну, словомъ, назоветъ тебя согласно обычаю страны или разговаривающаго съ тобою лица...

Рейнальдо. Отлично!

Полоній. Ну, а тогда... тогда онъ... Что-бишь хотѣлъ я сказать? а, вѣдь, я хотѣлъ сказать что-то... На чемъ-же я остановился?

Рейнальдо. Вы говорили: — «онъ согласится съ тобою и скажетъ».

Полоній. «Онъ согласится съ тобою и скажетъ»... Ну, ей Богу, онъ согласится съ тобою и скажетъ такъ: — Я зналъ этого молодого человѣка; я видѣлъ его вчера или на-дняхъ, или тогда-то, въ такое-то время, съ такимъ-то или съ такимъ-то и, какъ говорите и вы, дѣйствительно сидѣлъ за игорнымъ столомъ» или «я засталъ его напивающимся допьяна» или «задиравшимъ другаго молодого человѣка игрою въ мячъ» или, можетъ быть, и такъ: — «Я видѣлъ, какъ онъ входилъ въ домъ подозрительнаго вида, то-есть, попросту — въ непотребный» ну и такъ далѣе. Теперь понимаешь-ли ты? На твою ложь правда попадетъ, какъ карпъ на удочку. Вотъ такъ-то мы, люди дальновидные, со смысломъ, улавливаемъ людей въ сѣти и, вотъ какимъ образомъ, идя кривой дорогою, попадемъ на прямую. Такъ и ты, слѣдуя моимъ предварительнымъ наставленіямъ и совѣтамъ, разознаешь всю правду о Лаэртѣ. Понялъ ты меня?

Рейнальдо. Вполнѣ.

Полоній. Ну, съ Богомъ. Счастливаго пути.

Рейнальдо. Счастливо оставаться.

Полоній. Присматривайся и самъ къ его наклонностямъ. не подавая, конечно, и вида.

Рейнальдо. Не премину.

Полоній. Да скажи, чтобы онъ поприлежнѣе занимался музыкой!

Рейнальдо. Непремѣнно.

Полоній. Прощай (*Рейнальдо уходитъ. Появляется Офелія*).

Полоній. Что съ тобой, Офелія? Ты на себя не похожа.

Офелія. Ахъ, я такъ страшно перепугалась!

Полоній. Чѣмъ? Говори, ради Бога!

Офелія. Я сидѣла у себя въ комнатѣ за шитьемъ. Вдругъ входитъ принцъ Гамлетъ, въ разстегнутомъ камзолѣ, безъ; шляпы, въ спущенныхъ по щиколотку чулкахъ, безъ подвязокъ. Блѣденъ онъ былъ, какъ его рубаха. Колѣни его стучались одно о другое. Весь видъ его былъ такой жалкій. словно онъ вырвался изъ ада, чтобы рассказывать ужасы.

Полоній. Не любовь ли къ тебѣ свела его съ ума?

Офелія. Не знаю! но я, право, такъ сильно перепугалась.

Полоній. Что-же онъ говорилъ?

Офелія. Онъ взялъ меня за запястье, сжалъ его крѣпко, крѣпко. Затѣмъ онъ вытянулъ во всю длину руку, которою меня держалъ, а другую положилъ мнѣ на голову и сталъ пристально всматриваться мнѣ въ лицо, такъ пристально, будто хотѣлъ настолько подробно изучить и запомнить мои черты, чтобы потомъ ихъ нарисовать. Такъ простоялъ онъ долго. Наконецъ, слегка потрясая мою руку, онъ три раза кивнулъ головою сверху внизъ и вздохнулъ такъ горько, такъ глубоко, что казалось, грудь его разорвется и настанетъ его конецъ. Послѣ этого онъ выпустилъ мою руку и направился къ выходу, повернувъ голову ко мнѣ и продолжая смотрѣть на меня изъ-за плеча... Такъ добрался онъ до двери, не прибѣгая къ помощи глазъ, такъ-какъ они все время устремлены были на меня.

Полоній. Я отправляюсь къ королю; идемъ со мною... По всему видно, что онъ спятилъ съ ума отъ любви. Любви свойственно губить себя своею-же силой и она также-же часто доводитъ человѣка до отчаянныхъ поступковъ, какъ и всякая другая страсть въ подлунномъ мірѣ, присущая человѣку. Это мнѣ весьма прискорбно! Не сказала-ли ты ему за послѣднее время чего-нибудь непріятнаго, жесткаго?

Офелія. Ничего я такого ему не говорила. Я по вашему приказанію только возвратила ему его письма и просила перестать посѣщать меня.

Полоній. Это-то и свело его съ ума. Мнѣ очень жаль, что я судилъ о немъ недостаточно осмотрительно и слишкомъ опромечтиво. Мнѣ казалось, будто онъ только играетъ тобою, желая довести тебя до паденія. Но да будетъ проклята моя подозрительность. Кажется, людямъ нашего возраста такъ же свойственна чрезмѣрная осторожность, какъ молодому поколѣнію недостаточное благоразуміе. Пойдемъ къ королю. Надо ему рассказать все это. Утаивъ о любви принца, можно нажить болѣе непріятностей, чѣмъ вызвавъ гнѣвъ ея оглаской. Идемъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернь и свита.

Король. Добро пожаловать, дорогіе Розенкранцъ и Гильденштернь. Помимо желанія видѣть васъ, вызвать васъ такъ поспѣшно заставила насъ и нужда въ вашихъ услугахъ. Вы, разумѣется, уже слышали о переворотѣ, — какъ я это называю, — происшедшемъ въ Гамлетѣ. Онъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны сталъ совсѣмъ не похожъ на того человѣка, какимъ былъ прежде. Были-ли, кромѣ смерти отца, другія причины, заставившія его потерять разсудокъ? — я не знаю. Вы съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитывались вмѣстѣ съ нимъ ровесниками и остались его товарищами вслѣдствіе сходства въ наклонностяхъ, поэтому мы обращаемся къ вамъ съ просьбой побыть нѣкоторое время при нашемъ дворѣ. Постарайтесь своимъ обществомъ заставить Гамлета снова почувствовать утраченную склонность къ наслажденіямъ жизни, а также, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, вывѣдывать тѣ неизвѣстныя намъ причины, которыя довели его до такого печальнаго состоянія. Когда причина недуга сдѣлается извѣстной, найдется, можетъ-быть, и средство для исцѣленія.

Королева. Дорогіе гости, онъ часто говорилъ о васъ, и я убѣждена, что на свѣтѣ нѣтъ еще двоихъ людей, къ которымъ онъ былъ-бы такъ расположенъ, какъ къ вамъ. Если вы желаете доказать намъ свою любезность и благорасположеніе, проведите нѣсколько времени у насъ и помогите

осуществленію нашихъ надеждъ. Мы съумѣемъ отблагодарить васъ по королевски.

Розенкранцъ. Ваша царственная власть имѣетъ право повелевать своимъ подданнымъ, даже не спрашивая ихъ разрѣшенія.

Гильденштернъ. Мы преклоняемся предъ вашимъ желаніемъ и съ совершенною готовностью согласны по первому слову повергнуть къ стопамъ вашихъ величествъ наши посильныя услуги.

Король. Благодарю, Розенкранцъ, благодарю, любезный Гильденштернъ.

Королева. Благодарю, Гильденштернъ, благодарю, любезный Розенкранцъ. Прошу васъ, отправьтесь сейчасъ-же къ моему сыну. Онъ очень измѣнился. (*Обращаясь къ свитѣ*). Пусть нѣкоторые изъ васъ проводятъ этихъ господъ къ Гамлету.

Гильденштернъ. Отъ всей души молю Создателя, чтобы наше присутствіе и наши заботы принесли принцу и удовольствіе, и пользу.

Королева. Аминь. (*Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣсколько челоувѣкъ придворныхъ уходятъ*).

Появляется Полоній.

Полоній. Ваше величество, послы вернулись изъ Норвегіи съ добрыми вѣстями.

Король. Ты всегда приносишь радостныя извѣстія.

Полоній. Въ самомъ дѣлѣ, государь? Вѣрите, добрый мой повелитель, что и услуги мои, какъ и моя душа посвящены въ одно и то-же время и Богу, и моему милостивому королю. (*Тихо королю*). Или мой мозгъ утратилъ обычную свою способность нападать въ важныхъ дѣлахъ на настоящій слѣдъ, или я открылъ причину безумія принца Гамлета.

Король. Говори скорѣе. Я нетерпѣливо желаю узнать, въ чемъ дѣло.

Полоній. Примите прежде пословъ, государь, а мое извѣстіе явится, какъ фрукты въ концѣ роскошной трапезы.

Король. Ступай къ нимъ самъ и приведи ихъ сюда (*По уходѣ Полонія, обращаясь къ королевѣ*). Дорогая Гертруда, онъ увѣряетъ, будто открылъ причину и источникъ помѣшательства твоего сына.

Королева. Мнѣ сдается, что нѣтъ другихъ причинъ, кромѣ смерти его отца и нашей черезчуръ поспѣшной свадьбы (*Полоній возвращается; съ нимъ входятъ Вольтимандъ и Корнелій*).

Король (*Королевѣ*). Мы это увидимъ (*Посламъ*). Добро пожаловать, мои друзья. Говори, Вольтимандъ, что отвѣчаетъ намъ нашъ братъ, король Норвежскій.

Вольтимандъ. Полнѣйшій возвратъ любезностей и добрыхъ пожеланій. Послѣ первой же аудіенціи, онъ отправилъ наказъ немедленно прекратить вербовку войскъ, которыя молодой принцъ будто-бы набиралъ для похода противъ поляковъ; однако, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, король нашель, что

эта затѣя дѣйствительно имѣла для вашего величества угрожающій видъ. Король пришелъ въ негодованіе, что Фортинбрасъ воспользовался его старостью и безпомощнымъ его положеніемъ и приказалъ взять племянника подѣ стражу. Принцъ, не сопротивляясь, покорно выслушалъ выговоръ короля и, наконецъ, далъ дядѣ клятвенное обѣщаніе никогда не начинать никакихъ вооруженныхъ попытокъ, направленныхъ противъ вашего величества. Обрадованный этимъ, старый король назначилъ ему три тысячи кронъ кромѣ ежегоднаго содержанія и дозволилъ ему съ набраннымъ войскомъ предпринять походъ противъ Польши (*Подаетъ королю бумагу*). Въ то же время, онъ вотъ въ этомъ посланіи проситъ дозволить его племяннику съ набраннымъ послѣднимъ войскомъ свободный проходъ черезъ ваши владѣнія, а на какихъ условіяхъ и при какихъ обезпеченіяхъ — значитъ въ посланіи.

Король. Мы довольны вполнѣ. На досугѣ мы прочтемъ это посланіе, обдумаемъ его к дадимъ отвѣтъ, а пока благодаримъ васъ за удачное исполненіе порученія. Теперь ступайте и отдохните, а вечеромъ мы отужинаемъ вмѣстѣ; будьте нашими желанными гостями (*Послы уходятъ*).

Полоній. Дѣло окончилось вполнѣ благополучно. Милостивый мой повелитель и вы, государыня, согласитесь, что толковать о томъ, каково должно быть королевское величіе, въ чемъ должны состоять обязанности подданныхъ, о томъ, что день есть день, ночь-ночь, а время-время, значило-бы терять даромъ и день, и ночь, и время. Такъ-какъ краткость есть душа ума, а многословіе только внѣшнее его украшеніе, то я буду кротокъ. Вашъ благородный сынъ помѣшался. Я просто говорю «помѣшался», потому что толковать о томъ, въ чемъ состоитъ истинное помѣшательство, можетъ только помѣшанный. Но оставимъ это.

Королева. Побольше дѣла и поменьше краснорѣчія.

Полоній. Клянусь вамъ, государыня, я нисколько не желаю умышленно прибѣгать къ краснорѣчію. Итакъ, вашъ сынъ помѣшался; это совершенная правда; правда, что это прискорбно, и прискорбно то, что это правда... Оборотъ рѣчи вышелъ преглупый, поэтому я прощаюсь съ краснорѣчіемъ и буду говорить просто. Съ тѣмъ, что онъ помѣшался, мы всѣ согласны; теперь остается открыть причину этого аффекта; нѣтъ, основательнѣе было-бы сказать дефекта, такъ какъ въ основаніи аффекта или дефекта все таки лежитъ какая нибудь основа. Вотъ что намъ остается дѣлать, а вотъ и остатокъ моего разсужденія. Взвѣсьте хорошенько мои слова. У меня есть дочь. Я называю ее своею, потому что она въ самомъ дѣлѣ моя. И такъ, моя дочь, исполняя долгъ послушанія, — замѣтите это, — отдала мнѣ это. Теперь обдумайте хорошенько и выводите заключеніе (*Читаетъ*). «Божественному кумиру души моей, Офеліи, красавицѣ изъ красавицъ». Весьма некрасивый оборотъ и къ тому же пошлый. Что такое «красавицѣ изъ красавицъ?» Это и некрасиво, и пошло. Однако, слушайте далѣе (*Читаетъ*). «Пусть она хранить это на бѣлоснѣжной своей груди».

Королева. Неужели къ Офеліи пишетъ это Гамлетъ?

Полоній. Подождите, государыня! Я читаю слово въ слово (*Читаетъ*). «Сомнѣвайся въ сіяніи звѣздъ. — Въ томъ, что по небу катится солнце. — Въ томъ, что правда есть правда, но только. — Не въ моей безпредѣльной любви. Нѣтъ, ненаглядная Офелія, не мастеръ я излагать свои вздохи въ размѣренныхъ строчкахъ, но все-таки вѣрь, что я люблю тебя искренно и горячо. Прощай пока. Весь твой, безцѣнная моя, до той самой поры, пока душа не вылетитъ изъ моего брэннаго праха. Гамлетъ». Вотъ что, какъ дѣвушка послушная, передала мнѣ дочь. Такъ-же передала она мнѣ всѣ записки, въ которыхъ онъ просилъ ее о свиданіяхъ, точно, обозначая часъ, и мѣсто, и тѣ мѣры, къ которымъ слѣдовало прибѣгать.

Король. Какъ относилась она къ его любви?

Полоній. Какого мнѣнія вы обо мнѣ, государь?

Король. Я считаю тебя человѣкомъ преданнымъ и достойнымъ уваженія.

Полоній. Я душевно желаю, чтобы вы всегда сохраняли обо мнѣ это мнѣніе. Но что сказали-бы вы обо мнѣ, если-бы тотчасъ послѣ того, какъ я замѣтилъ, что любовь принца принимаетъ слишкомъ широкіе размѣры, — а замѣтилъ я, что онъ влюбленъ безъ ума еще ранѣе, чѣмъ сообщила мнѣ объ этомъ дочь, — да, что подумали-бы обо мнѣ и сами вы, и присутствующая здѣсь высокочтимая государыня, если-бы я, изображая изъ себя нѣчто вродѣ конторки или записной книжки, или дозволилъ себѣ снизойти до роли безмолвнаго свидѣтеля, или взглянулъ на эту любовь сквозь пальцы и безучастнымъ окомъ. Да, что подумали-бы вы обо мнѣ тогда? Нѣтъ, я круто приступилъ къ дѣлу и сказалъ своей глупенькой дѣвочкѣ: — «Принцъ Гамлетъ лицо черезъ-чуръ высоко поставленное; ты ему не ровня; любви между вами быть не должно. Затѣмъ я отдалъ ей строгое приказаніе сидѣть, запершись у себя, держаться отъ принца какъ можно далѣе и не принимать ни посланій, ни подарковъ. Она вкусила сокъ моихъ совѣтовъ, а онъ, — доскажу остальное вкратцѣ, — сначала загрустилъ, потомъ у него пропалъ позывъ на пищу, потомъ явились бессонницы, слабость, бредъ, вслѣдствіе осложненій перешедшіе въ то умопомѣшательство, которое мы замѣчаемъ у него теперь и которое всѣхъ насъ повергаетъ въ глубокую печаль.

Король. Такъ-ли это? Какъ находить Королеву?

Королева. Очень вѣроятно.

Полоній. Извѣстенъ-ли вамъ хоть одинъ случай, когда-бы я сказалъ: — «Это такъ!» а вышло не такъ?

Король. Насколько помнится, ни одного.

Полоній (*Указывая на голову и на плечи*). Отдѣлите вотъ это отъ этого, если я ошибаюсь. Если мною руководятъ обстоятельства, я доберусь до истины, будь она спрятана хоть подъ землю.

Король. Какъ-бы намъ убѣдиться, что это именно такъ?

Полоній. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что иногда онъ часа по четыре сряду прогуливается вотъ по той галереѣ.

Королева. Да, это правда.

Полоній. Когда онъ будетъ тамъ, я напущу на него дочь, а вы и я спрячемся за занавѣской. Вы своими глазами увидите все, и если окажется, что онъ не влюбленъ и сошелъ съ ума не отъ любви, пусть я лишусь права засѣдать въ государственномъ совѣтѣ и превращусь либо въ хлѣбопашца, либо въ ломового извозчика.

Король. Испытаемъ это средство *(Показывается Гамлетъ)*

Королева. Посмотрите, какъ онъ, бѣдный, глубоко печаленъ. Онъ смотритъ въ книгу и читаетъ.

Полоній. Умоляю васъ, удалитесь оба, а я сейчасъ-же вступлю съ нимъ въ разговоръ. Дозвольте мнѣ дѣйствовать по своему *(Король и Королева уходятъ; Полоній обращается къ Гамлету.)* Какъ поживаете, добрѣйшій принцъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Ничего, Слава Богу.

Полоній. Вы узнаете меня, принцъ?

Гамлетъ. Разумѣется, узнаю. Ты рыболовъ.

Полоній. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Желалъ-бы я, чтобы и ты былъ такимъ-же честнымъ, какъ эти люди.

Полоній. Честнымъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, по нашимъ временамъ едва-едва отыщется одинъ такой человекъ среди цѣлыхъ десяти тысячъ.

Полоній. Совершенно справедливо, принцъ.

Гамлетъ *(Читаетъ)*. «Хотя солнце и богъ, оно, лаская падаль, зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ» *(Полонію)*. Есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Запрети ей прогуливаться на солнцѣ. Зачатіе есть благодать небесъ, но такъ-какъ твоя дочь, другъ мой, тоже можетъ зачать, берега ее.

Полоній. Что вы хотите этимъ сказать? *(Про себя.)* Все про дочь!.. Однако, онъ узналъ меня не сразу; сказалъ, что я рыболовъ. Его помѣшательство зашло далеко, очень далеко! А, впрочемъ, въ молодости и я много страдалъ изъ-за любви и самъ чуть не дошелъ до такого-же состоянія. Заговорю съ нимъ опять. Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Полоній. А въ чемъ-же дѣло, принцъ?

Гамлетъ. Между кѣмъ?

Полоній. Я спрашиваю, принцъ, о чемъ идетъ рѣчь въ той книгѣ, которую вы читаете?

Гамлетъ. О клеветѣ, почтеннѣйшій. Этотъ мерзавецъ сатирикъ увѣряетъ, будто бороды у стариковъ сѣдыя, будто лицо у нихъ въ морщинахъ, будто изъ ихъ отуманенныхъ глазъ сочится амбра, такая же густая, какъ клей изъ сливнаго дерева, будто у нихъ въ головѣ полное отсутствіе ума и въ тоже время очень слабыя колѣни. Я вполне, непоколебимо убѣжденъ, что все это такъ, но нахожу, что печатать такихъ вещей не слѣдуетъ, потому что если-бы вы сами,

почтеннѣйшій, были такъ-же стары, какъ я, и могли бы, двигаться не впередъ, а только, словно ракъ, пятиться назадъ...

Полоній (*Про себя*). Хоть онъ и сумашедшій, но въ его словахъ все-таки есть система (*Гамлету*). Здѣсь сквозить, принцъ; вы-бы перешли на другое мѣсто.

Гамлетъ. Куда? Въ могилу?

Полоній. Да, тамъ дѣйствительно сквознаго вѣтра не будетъ (*Про себя*). Однако, у него иногда вырываются отвѣты, чреватые умомъ! Впрочемъ, сумашедшіе нерѣдко находятъ такіе счастливые отвѣты, до того разумные и полные здраваго смысла, что и не сумашедшій не скажетъ такъ кстати. Уйду отъ него и обдумаю, какъ-бы приготовить встрѣчу между нимъ и дочерью (*Гамлету*). Высокоуважаемый принцъ, позвольте откланяться вамъ съ глубочайшемъ почтеніемъ.

Гамлетъ. Ни съ чѣмъ, почтеннѣйшій, не разстался бы я такъ охотно, кромѣ жизни, кромѣ жизни!

Полоній. Прощайте, принцъ.

Гамлетъ. Ахъ, какъ надоѣдливы эти старые дураки!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Полоній. Вы, господа, ищете принца Гамлета; онъ здѣсь.

Розенкранцъ (*Полонію*). Да пошлетъ вамъ Господь всякихъ благъ! (*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Высокочитимый принцъ!

Розенкранцъ. Дрожайшій принцъ!

Гамлетъ. Милѣйшіе мои друзья! Какъ поживаешь ты, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ? Да, какъ поживаете?

Розенкранцъ. Такъ, какъ могутъ поживать люди средняго уровня.

Гильденштернъ. Мы, по крайней мѣрѣ, счастливы въ томъ отношеніи, что счастливы не чрезмѣрно. Мы не сіаемъ, какъ драгоценные камни на головной повязкѣ Фортуны.

Гамлетъ. Но и не находитесь подъ подошвами ея сандалій?

Розенкранцъ. Ни тутъ, ни тамъ.

Гамлетъ. Слѣдовательно, находитесь около ея пояса, то есть по близости того мѣста, откуда сыплются самые щедрые ея дары.

Гильденштернъ. Да, мы съ нею въ ладахъ.

Гамлетъ. И пользуетесь ея тайными прелестями? Это совершенно понятно: — вѣдь она потаскушка... Что новаго?

Розенкранцъ. Ничего особеннаго, принцъ, кромѣ развѣ того, что міръ становится добродѣтельнымъ.

Гамлетъ. Близокъ, стало-быть, день страшнаго суда; но извѣстіе это не достовѣрно. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ болѣе личнымъ вопросомъ: — чѣмъ, друзья мои, прогнѣвили вы Фортуны, что она отправила васъ въ тюрьму?

Гильденштернь. Какъ, въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Что-же такое Данія, какъ не тюрьма?

Розенкранцъ. Если такъ, то и весь міръ тюрьма.

Гамлетъ. Да, необъятная тюрьма, въ которой множество подраздѣленій, казематовъ и застѣнковъ. Данія — изъ самыхъ худшихъ ея казематовъ.

Розенкранцъ. Мы этого не находимъ, принцъ.

Гамлетъ. Значить, вамъ тюрьмой она и не кажется. Дурное и хорошее — понятія относительныя; все зависитъ отъ того представленія, какое составляешь себѣ о нихъ. Для меня Данія тюрьма.

Розенкранцъ. Вѣроятно, честолюбіе заставляетъ васъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія. Въ ней тѣсно вашимъ высокимъ стремленіямъ.

Гамлетъ. О, Боже мой, даже въ скорлупѣ орѣха я считалъ-бы себя властелиномъ безпредѣльнаго пространства, если-бы не мучительные сны.

Гильденштернь. Эти-то сны и есть честолюбіе, потому что самая сущность честолюбія только тѣнь сна.

Гамлетъ. Но и сонъ тоже тѣнь.

Розенкранцъ. Совершенно вѣрно. Я считаю честолюбіе чѣмъ-то такимъ воздушнымъ, легковѣснымъ, что оно на мой взглядъ только тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Если такъ, наши нищіе — плотныя тѣни, а наши короли и превозносимые герои — только тѣни нищихъ. Не отправится-ли намъ ко двору? — такъ какъ разсуждать я, право, не расположенъ.

Розенкранцъ и Гильденштернь. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ-же? Я не думаю причислять васъ къ остальнымъ моимъ слугамъ. Говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, у меня и такъ ихъ черезъ-чуръ много. Скажите мнѣ по дружбѣ, зачѣмъ прибыли вы въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ. Чтобы повидаться съ вашимъ высочествомъ и ни за чѣмъ другимъ.

Гамлетъ. Я совсѣмъ нищій; я не имѣю даже средствъ отблагодарить васъ, какъ слѣдуетъ, но я все-таки благодарю васъ, хотя моя благодарность, дорогіе друзья мои, не стоитъ самой мелкой монеты. Вызвали васъ сюда или вы такъ неожиданно прибыли по собственному побужденію? Довѣрьтесь-же мнѣ вполне. Говорите-же, говорите.

Гильденштернь. Не знаемъ, право, что вамъ сказать.

Гамлетъ. Все равно, что хотите, лишь-бы получился отвѣтъ на мой вопросъ. Васъ вызвали. Я вижу это по вашимъ глазамъ; въ нихъ свѣтитъ нѣчто вроде признанія, и вашей скромности не удалось этого затушевать. Я знаю, наши добрые король и королева послали за вами.

Розенкранцъ. Зачѣмъ-же было-бы имъ посылать?

Гамлетъ. Вотъ это-то вы и должны мнѣ объяснить. Умоляю васъ правами нашего товарищества, соотвѣтствіемъ въ нашихъ лѣтахъ, обязательствами нашей неизмѣнной дружбы, словомъ — всѣмъ, что величайшій витія могъ-бы

придумать самага убѣдительнаго, скажите-же мнѣ прямо и откровенно, васъ вызвали сюда?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*). Какъ думаешь, что ему отвѣчать?

Гамлетъ (*Про себя*). Шепчитесь, шепчитесь! я вижу васъ насквозь (*Громко*). Если вы сколько-нибудь меня любите, скажите мнѣ правду.

Гильденштернъ. Да, принцъ, за нами присылали.

Гамлетъ. А я скажу вамъ зачѣмъ. Такимъ образомъ мои предчувствія предупредятъ ваши признанія, и ваша вѣрность королю и королевѣ не потеряетъ ни одного перушка. За послѣднее время я, самъ не знаю почему, утратилъ всю прежнюю веселость, бросилъ всѣ обычныя свои занятія и упражненія. Въ самомъ дѣлѣ, я нахожусь въ настолько мрачномъ настроеніи духа, что даже такое прекрасное зданіе, какъ земля, представляется мнѣ бесплоднымъ утесомъ, и въ такомъ великолѣпномъ балдахинѣ, какъ ясное небо, какъ эта позолоченная солнцемъ кровля, я вижу только скопленіе гнилыхъ и распространяющихъ заразу испареній. Какое чудесное созданіе человѣкъ! Какъ богато одаренъ онъ разумомъ, разнообразными способностями. Какъ прекрасенъ онъ въ своемъ сложеніи, какъ разнообразенъ въ своихъ движеніяхъ. По своимъ поступкамъ онъ ангелъ, по понятливости — богъ! Онъ краса вселенной, вѣнецъ творенія, а для меня между тѣмъ онъ только груда праха. Человѣкъ совсѣмъ мнѣ опротивѣлъ, а женщины въ особенности, хотя по твоей усмѣшкѣ я вижу, что ты этому не вѣришь.

Розенкранцъ. У меня и въ мысляхъ, принцъ, не было ничего подобнаго.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же ты улыбнулся, когда я сказалъ, что человѣкъ пересталъ мнѣ нравиться?

Розенкранцъ. Когда вы сказали, что люди вамъ опротивѣли, мнѣ пришло въ голову, что актеровъ, которыхъ мы обогнали на дорогѣ и которые направляются сюда, ожидаетъ довольно сухой приѣмъ.

Гамлетъ. Играющаго королей я приму съ почетомъ и заплачу должную дань его величеству; мечу и щиту отважнаго рыцаря найдется дѣло, а вздохи любовника не останутся безъ вознагражденія; ворчунъ съ миромъ окончитъ свою роль въ представленіи; комикъ заставитъ хохотать до слезъ даже тѣхъ, у кого вѣчно першитъ въ груди отъ сухаго кашля, а играющій женскія роли станетъ свободно изливаетъ свои чувства, хотя-бы отъ этого и пострадали бѣлые стихи. Что это за актеры?

Розенкранцъ. Тѣ самые, которые, играя трагедію, постоянно такъ нравились вашему высочеству въ городѣ.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же они изъ городскихъ превратились въ странствующихъ актеровъ? Остаться на одномъ мѣстѣ было-бы для нихъ и почетнѣе, и выгоднѣе.

Розенкранцъ. Мнѣ кажется, что новѣйшія постановленія вынудили ихъ прекратить представленія въ городѣ.

Гамлетъ. Въ такой-же ли они славѣ и такіе-же ли дѣлаютъ сборы, какъ прежде?

Розенкранцъ. Далеко не такъ.

Гамлетъ. Почему-же? Стали, быть можетъ, портиться?

Розенкранцъ. Нѣтъ, они свое дѣло исполняютъ съ прежнимъ усердіемъ; но, ваше высочество, я долженъ вамъ пояснить, что въ городѣ появился цѣлый выводокъ новыхъ кобчиковъ, едва вылупившихся изъ яйца, громко кричащихъ противъ малѣйшаго совмѣстничества и тѣмъ вызывающихъ громы рукоплесканій. Они теперь въ милости у публики, о нихъ такъ много пишутъ, громко ругая такъ называемыя ими обыкновенныя сцены, что многіе даже носящіе на боку шпагу, боясь гусиныхъ перьевъ, не смѣютъ носа показать въ другіе театры.

Гамлетъ. Какъ! дѣти играютъ теперь на театрѣ? Кто-же ихъ поддерживаеетъ, кто платитъ имъ жалованіе? Будутъ-ли они продолжать свое ремесло, когда ихъ дѣтскіе голоса перейдутъ въ мужскіе? Вѣроятно, если у нихъ не окажется другихъ средствъ, такъ оно и будетъ. Они сами обратятся въ обыкновенныхъ актеровъ и что скажутъ они о писакахъ, съ такимъ презрѣніемъ относящихся къ ихъ будущему ремеслу?

Розенкранцъ. Было немало враждебныхъ выходокъ съ обѣихъ сторонъ, и общество не считаетъ грѣхомъ натравливать однихъ на другихъ. Было время, когда пьеса только тогда и дѣлала сборы, когда писатели и актеры позволяли себѣ какіе-нибудь намеки.

Гильденштернъ. Да, принцъ, не мало головъ было уже проломлено.

Гамлетъ. И дѣти одерживаютъ верхъ?

Розенкранцъ. Точно такъ, ваше высочество: — и надъ Геркулесомъ, и надъ его ношею.

Гамлетъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Теперь мой дядя состоитъ королемъ Даніи, и люди, при жизни моего отца, относившіеся къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, платятъ теперь по двадцати, по сорока, по пятидесяти и даже по сту червонцевъ за небольшое изображеніе его на кости. Въ этомъ есть нѣчто болѣе, чѣмъ естественное, и наукъ слѣдовало-бы это изслѣдовать (*За сценой трубятъ въ рога*).

Гильденштернъ. Это прибыли актеры.

Гамлетъ. Очень радъ видѣть обоихъ васъ въ Эльсинорѣ. Подойдите. Ваши руки. Правила гостепріимства предписываютъ намъ вѣжливость и любезность. Позвольте мнѣ воздать вамъ свой долгъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости, чтобы вы не нашли, будто ласковый пріемъ, приготовляемый мною актерамъ, радушнѣе того, который встрѣтили у меня вы. Душевно вамъ радъ, но мой дядя-отецъ и тетка-мать все-таки сильно ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ же, дражайшій принцъ?

Гамлетъ. Сумасшедшимъ я бываю только при сѣверо-сѣверо-западномъ вѣтрѣ, а когда онъ дуетъ съ юга, я умѣю отличить сокола отъ вороны.

Входитъ Полоній.

Полоній. Привѣтъ вамъ, господа.

Гамлетъ. Послушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ, тоже. Не каждое ухо по слушателю. Вотъ этотъ старый младенецъ, стоящій передъ вами, до сихъ поръ не вышелъ еще изъ пеленокъ.

Розенкранцъ. Можетъ быть, онъ закутался въ нихъ снова. Говорятъ, будто старикъ вторично становится ребенкомъ.

Гамлетъ. Заранѣ знаю, что онъ заговоритъ объ актеряхъ. Вотъ увидите... Вы правы; это было въ понедѣльникъ утромъ; именно такъ.

Полоній. Принцъ, я къ вамъ съ новостью.

Гамлетъ. А мнѣ, почтеннѣйшій, тоже надо сообщить вамъ новость изъ тѣхъ временъ, когда Росцій былъ актеромъ въ Римѣ.

Полоній. Сейчасъ, ваше высочество, сюда прибыли актеры.

Гамлетъ. Не можетъ быть.

Полоній. Честное слово.

Гамлетъ. При томъ каждый актеръ на своемъ ослѣ.

Полоній. Во всемъ мѣрѣ не найдется лучшихъ актеровъ, какъ для трагедіи, такъ и для комедіи, для историческихъ пьесъ, пасторалей, пастушеской комедіи, историческихъ пасторалей героическо-историческихъ, пасторалей трагикомическо-историческихъ и пьесъ, не подходящихъ ни подъ одинъ разрядъ и ничѣмъ не ограниченныхъ. Для нихъ Сенека не покажется слишкомъ тяжелымъ, а Плавтъ слишкомъ легкимъ. Имъ нѣтъ подобныхъ для того, чтобы согласовать строгія правила искусства съ его свободою.

Гамлетъ. О Іефѳай, судья израильскій, какое ты имѣлъ сокровище.

Полоній. Какое же это сокровище принцъ?

Гамлетъ. А вотъ: — «Прелестную единственную дочь, любимую любовью безконечной».

Полоній (*Про себя*). Опять про дочь.

Гамлетъ. Развѣ я не правъ, старый Іефѳай.

Полоній. Принцъ, вы, вѣроятно, потому называете меня Іефѳаемъ, что у меня тоже есть безконечно любимая дочь?

Гамлетъ. Одно изъ другого нисколько не слѣдуетъ.

Полоній. Что-же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Вотъ: — «Но случайно, Богъ вѣсть почему», а далѣе, ты знаешь — «Вышло то, чего ждатель было надо». Изъ первой строфы этой полудуховной пѣсни ты узнаешь, въ чемъ дѣло, а я продолжать не могу (*Указывая на четверыхъ или пятерыхъ входящихъ актеровъ*) и вотъ тому причина. (*Актерамъ*). Добро пожаловать, господа, всѣ, всѣ добро пожаловать (*Одному изъ актеровъ*). Очень радъ, что вижу тебя въ добромъ здравіи... Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте! (*Другому*). А у тебя, пріятель, лицо успѣло обрости бородою; не затѣмъ-ли ты явился въ Данію, чтобы дразнить меня ею? (*Третьему*). А ты, юная героиня, клянусь Богородицею, съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ тебя, успѣла приблизиться къ небу на цѣлый венеціанскій коблукъ. Дай Богъ, чтобы твой голосъ не надтреснулъ до ободка, какъ червонецъ, утратившій свою цѣну и

изъятый изъ обращенія. Да, друзья мои, я очень, очень вамъ радъ. Но скорѣе къ дѣлу! Какъ французскіе сокольники, мы будемъ гоняться за всякой птицей, какая бы ни попалась на глаза. Что терять время? Скорѣе ка-кой-нибудь монологъ! Покажите намъ обрацики вашихъ талантовъ. Хоть ты прочти какой-нибудь страстный монологъ.

1-й актеръ. Что прикажете прочесть, принцъ?

Гамлетъ. Ты какъ-то при мнѣ читалъ одинъ отрывокъ, который никогда не произносился со сцены, а если и произносился, то всего одинъ разъ. Пьеса не понравилась; она для толпы оказалась чѣмъ-то вродѣ икры, однако, не только я, но и многіе, знающіе толкъ въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ я, нашли ее превосходной. Сцены въ ней расположены и ведены прекрасно, а написана она хоть и скромно, но очень даровито. Я помню, кто-то въ то время сказалъ, что для приправы такого содержанія въ стихахъ нѣтъ достаточнаго количества соли, а въ слогѣ ничего такого, за что автора можно было-бы обвинить въ высокопарности. Однако, всѣ были согласны, что пьеса написана въ честномъ вкусѣ, что она даетъ здоровую и пріятную пищу уму, но что она скорѣе мила, чѣмъ великолѣпна. Больше всего мнѣ понравилось одно мѣсто, именно разсказъ Энея Дидонѣ и въ особенности тотъ отрывокъ, гдѣ говорится объ убійствѣ Пріама. Если отрывокъ еще сохранился въ твоей памяти, начни съ этого стиха... Ахъ, какъ онъ читается?... Да! — «Взбѣшенный Пирръ, какъ злобный день Гирканскій»... Нѣтъ; не такъ!... Только помню, что начинается съ Пирра... (*Читаетъ на память*). «Вдругъ безпощадный Пирръ, въ dospѣхахъ вороненыхъ — и черныхъ, словно ночь иль замыслы его, — изъ темныхъ нѣдръ коня предательскаго вывелъ, — но скоро черный цвѣтъ смѣнилъ онъ на другой, — что былъ еще въ стократъ ужаснѣй. Съ головы — и вплоть до самыхъ пятъ весь залитъ былъ онъ кровью — отцовъ и матерей, сыновъ и дочерей. — Кровь высохла на немъ отъ пламени пожара. — Зажженный греками онъ ярко освѣщаль — убійства звѣрскія и гнусныя дѣянья. — И пламенемъ огня, и гнѣвомъ распаленный, — онъ, грозными, свирѣпыми очами, — въ которыхъ ненависть жестокая сверкала, — вездѣ отыскиваль несчастнаго Пріама»... (*Актеру*). Теперь продолжай ты.

Полоній. Клянусь Богомъ, принцъ, произнесено превосходно! Какъ толково, какое чувство мѣры!

1-й актеръ. «Вотъ онъ нашелъ его, пока тотъ наносилъ удары грекамъ; но удары были слабы, — и прадѣдовскій мечъ не слушался руки. — Пирръ бросился къ нему противникомъ неравнымъ; — мечъ яростно взвился надъ головою старца, — и дряхлый государь палъ отъ его размаха. — Какъ-бы предчувствуя Пріама пораженье, — трескъ оглушительный вдругъ раздался, и рухнулъ — въ одно мгновеніе весь гордый Иліонъ. — Самъ кровожадный Пирръ, увидѣвъ старика — и сребро-бѣлыя сѣдины государя — задумался на мигъ; мечъ въ воздухѣ застылъ, — застылъ и лютый Пирръ. Онъ сходенъ былъ съ картиной, — изображающей злодѣя въ мигъ тяжелой, — мучительной борьбы межъ волею и дѣломъ. — Такъ передъ бурей бываетъ иногда: — на

небѣ тишина; и тучи неподвижны, — и вѣтры буйные молчатъ; какъ будто мертвый — молчитъ въ покоѣ міръ. Но часъ насталъ: внезапно — громъ оглушительный всю землю потрясаетъ! — Такъ было и тогда: Пирръ вышелъ изъ раздумья. — Местъ кровожадная въ немъ снова пробудилась: — онъ бѣшено свершилъ задуманное дѣло. — Едва-ль, едва-ль когда циклоповъ грозный молотъ, — несокрушимые доспѣхи богу Марсу — сковавшій, наносилъ такихъ ударовъ рядъ, — какіе Пирръ теперь сталъ наносить Пріаму. — Стыдъ и позоръ тебѣ, бездушная Фортуна! — О боги, пусть вашъ сонмъ лишитъ ее навѣки — ея безчувственной, несправедливой власти! — Сломите ободъ! да, переломайте спицы — У колеса ея и съ высоты Олимпа — низвергните ее скорѣй въ кромѣшный тартаръ!».

Полоній. Слишкомъ ужъ длинно.

Гамлетъ. Ты хочешь, чтобъ рассказъ подстригли и укоротили, какъ твою бороду? (*Актеру*). Сдѣлай одолженіе, продолжай. Ему по-сердцу только однѣ непристойныя пѣсни да площадныя шутки; все другое нагоняетъ на него зѣвоту. Продолжай о Гекубѣ.

1-й актеръ. «О, еслибъ въ этотъ мигъ увидѣлъ кто царицу, — полураздѣтую...»

Гамлетъ (*перебивая*). Полураздѣтую?

Полоній. Что-жъ, это очень недурно. Увидать полураздѣтую царицу всякому любопытно.

1-й актеръ. «Полураздѣтую, босую, съ головою — незадолго предъ тѣмъ увѣнчанной короной, — теперь обвитою какой-то тряпицей, — съ одною простыней, обернутой вокругъ чреслъ! — Она растерянно по улицамъ металась, — стремясь залить пожаръ потокомъ слезъ горючихъ; — межъ тѣмъ языкъ ея Фортуны вѣроломство — нещадно обливалъ словами укоризны — и яда полными, при видѣ, какъ удары — Пирръ наносилъ ея сраженному супругу, — ругаясь надъ своей безпомощною жертвой. — При этомъ зрѣлищѣ и сами небеса — слезами-бъ залились и горько-бъ зарыдали!»

Полоній. Посмотрите, онъ даже поблѣднѣлъ и на глазахъ слезы. Довольно, довольно! Прошу тебя перестать.

Гамлетъ. Хорошо; ты послѣ доскажешь мнѣ остальное. Почтеннѣйшій Полоній, распорядись, чтобы этимъ господамъ и помѣщеніе отвели приличное, и обращались съ ними какъ можно лучше. Слышишь — какъ можно лучше, потому что они выдержки изъ сокращенной лѣтописи нашего времени. Повѣрь, злая эпитафія послѣ смерти не такъ страшна, какъ ихъ дурной отзывъ о тебѣ при жизни.

Полоній. Принцъ, я приму ихъ согласно ихъ достоинству.

Гамлетъ. Нѣтъ, почтеннѣйшій, лучше, много лучше! Если-бы съ каждымъ обращаться по его достоинствамъ, кто-же избѣжалъ бы порки? обращайся съ ними, сообразуясь съ твоимъ саномъ и съ собственнымъ твоимъ достоинствомъ. И щедрость твоя и доброта сдѣлаютъ тебѣ тѣмъ болѣе чести, чѣмъ менѣе онѣ заслужены. Проводи-же ихъ.

Полоній. Идемте, господа.

Гамлетъ. Ступайте, друзья мои; представлєніе будетъ завтра (*Полоній и всѣ актеры уходятъ, кромѣ перваго. Къ нему обращается Гамлетъ*). Можете вы исполнить убійство Гонзаго?

1-й актеръ. Можемъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Хорошо; вы его сыграете завтра вечеромъ. Кстати, можете вы, въ случаѣ надобности, выучить строкъ двѣнадцать или шестнадцать мною написанныхъ стиховъ и вставить ихъ въ пьесу? Можете?

1-й актеръ. Разумѣется, можемъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Прекрасно, ступай за этимъ старикомъ. Только, если возможно, не насмѣхайтесь надъ нимъ (*Актеръ уходитъ. Гамлетъ обращается къ Розенкранцу и къ Гильденштерну*). А съ вами, друзья мои, я разстанусь до вечера; очень радъ, что вы заглянули въ Эльсиноръ.

Розенкранць. Дражайшій принць...

Гамлетъ. Ступайте съ Богомъ (*Гильденштернъ и Розенкранць уходятъ*). Вотъ я теперь одинъ. О, какой я негодяй, какой подлый рабъ! Развѣ не чудовищно, что этого комедіанта одинъ вымыселъ, одна воображаемая страсть можетъ вдохновлять настолько, что онъ получить способность подчинять этому вымыслу собственную душу, подчинять настолько, чтобы подъ его вліяніемъ вся краска сбѣгала съ лица, на глазахъ появлялись слезы, въ чертахъ лица появился ужасъ, чтобы голосъ становился вдругъ разбитымъ, и чтобы все въ человѣкѣ соотвѣтствовало задуманному образу. А изъ-за чего? — изъ-за вздора, изъ-за Гекубы. Что ему Гекуба и что Гекубъ онъ? а между тѣмъ онъ о ней плачетъ. Какъ-же выразилось бы его горе, если-бы онъ имѣлъ такія же основанія для скорби, какія имѣю я? Онъ залилъ бы всю сцену слезами и оглушалъ-бы зрителей громовыми рѣчами, виноватыхъ онъ довелъ-бы до помѣшательства, вызвалъ бы въ невинныхъ трепеть, смутилъ невѣждъ и привелъ-бы въ ужасъ и зрѣніе, и слухъ изумленныхъ зрителей. А я, что я такое? — жалкій, вылѣпленный изъ грязи бездѣльникъ, безцвѣтный негодяй, праздный мечтатель, неспособный помочь себѣ въ собственномъ своемъ дѣлѣ, неимѣющій ничего сказать, ничего сдѣлать въ пользу короля, съ такимъ проклятымъ коварствомъ лишеннаго и владѣній, и драгоцѣнной жизни. Ужъ не трусь-ли я? О, пусть каждый, кто захочетъ, зоветъ меня подлецомъ, прошибетъ мнѣ башку, вырветъ у меня клокъ бороды и швырнетъ мнѣ его въ рожу, тербитъ меня за носъ и оскорбитъ, заткнувъ мнѣ глотку по самыя легкія словомъ «лжець»! — Я покорно стерплю всѣ оскорбленія, какъ будто это не мое дѣло!.. Печень у меня, должно-быть, голубиная и во мнѣ совсѣмъ нѣтъ желчи, когда мнѣ даже кровная обида не горька. Если-бы не это, я давно всѣхъ летающихъ по поднебесью коршуновъ до отвала накормилъ-бы требухою этого шута! Кровожадный, гнусный злодѣй! не знающій укоровъ совѣсти, вѣроломный, омерзительный, безсердечный злодѣй!.. О, мщеніе!.. Какой-же я осель! и какая удивительная храбрость! Я сынъ дорогого, предательски убитаго отца, подстрекаемый на возмездіе небомъ и землею, словно непотребная

женщина, только облегчаю сердце словами и изливаюсь въ ругательствахъ, какъ уличная дѣвка или какъ судомойка! Какой стыдъ!.. Мозгъ мой, за дѣло! Я слыхаль, что люди съ нечистою совѣстью, присутствуя на театральныхъ представленіяхъ, бывали такъ глубоко потрясены самымъ ходомъ дѣйствія, что тутъ-же во всеуслышаніе каялись въ своихъ злодѣяніяхъ... Убійство, хотя оно и лишено языка, всегда находитъ средство сказаться при помощи какого-нибудь другаго изумительнаго органа. Я прикажу актерамъ сыграть при дядѣ пьесу, имѣющую сходство съ убійствомъ моего отца. Самъ я стану все время слѣдить за выраженіемъ его лица, пытливо загляну въ самую его душу, и если онъ смутится хоть немного, я знаю, что мнѣ останется дѣлать. Однако, весьма можетъ быть, что явившійся мнѣ призракъ — дьяволъ, потому что дьяволъ одаренъ властью принимать самые плѣнительные образы. Да, можетъ-быть, онъ, злоупотребляя слабостью моей воли, убитымъ настроеніемъ моего духа и благодаря той власти, какую онъ имѣетъ надъ людьми, подобными мнѣ, нарочно обманываетъ меня, чтобы загубить мою душу? Мнѣ необходимы улики, болѣе вѣскія, чѣмъ эта. Завтрашняя пьеса послужитъ мнѣ силкомъ, въ который я заманю совѣсть короля.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. И вамъ въ теченіе разговора такъ и не удалось узнать, зачѣмъ онъ напускаетъ на себя помѣшательство? Разстраивая этимъ весь миръ своей души, онъ подвергается опасности сойти въ самомъ дѣлѣ съ ума.

Розенкранцъ. Онъ самъ сознался, что голова его не въ порядкѣ, но онъ не хочетъ сказать, отчего это происходитъ.

Гильденштернъ. При томъ не даетъ никакой возможности выпытать у него хоть что-нибудь. Когда-же мы старались вызвать его на откровенность относительно настоящаго его положенія, онъ тотчасъ-же спѣшилъ отдѣлаться отъ насъ, лукаво напуская на себя умственное разстройство.

Королева. Хорошо онъ васъ принялъ?

Розенкранцъ. Какъ человѣкъ въполнѣ воспитанный.

Гильденштернъ. Но въ его любезности замѣтно было много напускнаго.

Розенкранцъ. На вопросы онъ не былъ щедръ, но отвѣчалъ весьма свободно.

Королева. Предлагали вы ему какія-нибудь развлеченія?

Розенкранцъ. Государыня, случайно вышло такъ, что мы на дорогѣ обогнали городскихъ актеровъ и сообщили объ этомъ принцу. Наше извѣстіе его какъ будто обрадовало. Актеры эти гдѣ-нибудь здѣсь, въ замкѣ, и насколько мнѣ извѣстно, имъ уже приказано дать сегодня вечеромъ представленіе въ присутствіи его высочества.

Полоній. Совершенная правда. Принцъ проситъ, даже умоляетъ меня уговорить ваши величества послушать и посмотрѣть пьесу.

Король. Согласенъ отъ души. Такая склонность очень меня въ немъ радуетъ. Прошу васъ, господа, поддерживайте въ немъ такое настроеніе.

Розенкранцъ. Постараемся, государь (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

Король. Уйди и ты, любезная Гертруда. Мы тайно послали за Гамлетомъ, чтобы онъ какъ-бы случайно встрѣтился лицомъ къ лицу съ Офеліей. Отецъ ея и я, имѣя законное право за ними подсматривать, спрячемся, и такъ, оставаясь невидимыми, окажемся свидѣтелями ихъ встрѣчи. Тогда, по его обращенію можно будетъ безошибочно рѣшить, что заставляетъ его тосковать такъ глубоко: — несчастная любовь или что-нибудь иное.

Королева. Повинуюсь. А тебѣ, Офелія, я скажу, что была-бы очень рада, если-бы оказалось, что твоя красота виною разстройства Гамлета. Тогда явится возможность надѣяться, что твои добродѣтели, къ обоюдной вашей чести, выведутъ его на прежній желанный путь.

Офелія. Государыня, я сама желаю этого отъ всей души. (*Королева уходитъ*).

Полоній. Прогуливайся пока тамъ. А мы, милостивый мой повелитель, съ вашего соизволенія, займемъ свои мѣста. (*Офелія*). Возьми эту книгу; такое подобіе занятія придастъ правдоподобіе твоему одиночеству. Мы нерѣдко впадаемъ въ такой грѣхъ. Случается очень часто, что мы благочестивымъ видомъ и набожными приѣмами обманываемъ самого дьявола и кажемся ему сахарными.

Король. Къ несчастію, это слишкомъ справедливо. Какой жестокой ударъ хлыстомъ наносятъ моей совѣсти его слова. Щеки развратницы, прикрашенныя искусной штукатуркою, не такъ гадки подъ покрывающимъ ихъ слоемъ, какъ отвратительно мое злодѣяніе подъ прикрасами моихъ словъ. О, какое тяжелое бремя!

Полоній. Я слышу его; спрячемтесь, государь (*Прячутся*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Жить иль не жить? — вотъ въ чемъ вопросъ. Что честнѣе, что благороднѣе: сносить-ли злые удары обидчицы-судьбы или вооружиться противъ моря бѣдъ, возстать противъ нихъ и тѣмъ покончить съ ними... Умереть — уснуть — и только... Между тѣмъ, такимъ сномъ мы можемъ положить конецъ и болямъ сердца, и тысячамъ мучительныхъ недуговъ,

составляющихъ наслѣдіе нашей плоти — такой конецъ, къ которому невольно порывается душа... Умереть, уснуть... уснуть!... Быть-можетъ, видѣть сны? — вотъ въ чемъ затрудненіе. Ибо, какіе же сны могутъ намъ грезиться во время этого мертваго сна, когда мы уже сбросили съ себя всѣ земныя тревоги? — Тутъ есть передъ чѣмъ остановиться, надъ чѣмъ задуматься. Изъ-за такого вопроса, мы обрекаемъ себя на долгіе-долгіе годы земнаго существованія... Кто въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ-бы переносить бичеванія и презрѣніе времени, гнетъ притѣснителей, оскорбленія гордецовъ, страданія отвергнутой любви, медленность въ исполненіи законовъ, наглость власти и всѣ пинки, получаемые терпѣливымъ достоинствомъ отъ недостойныхъ, когда онъ самъ могъ-бы избавиться отъ всего этого однимъ ударомъ короткаго кинжала? Кто согласился-бы добровольно нести такое бремя, стонать и обливаться потомъ подъ невыносимую тяжестью жизни, если-бы боязнь чего-то послѣ смерти, страхъ передъ неизвѣданною страной, изъ которой не возвращался ни одинъ путникъ, не смущали нашей воли, заставляя насъ покорно переносить испытанныя уже боли и въ трепетѣ останавливаться передъ невѣдомымъ?... Итакъ, совѣсть превращаетъ всѣхъ насъ въ трусовъ. Такъ природный румянецъ рѣшимости смѣняется блѣднымъ отливомъ размышленія; такъ размышленіе останавливаетъ на полпути исполненіе смѣлыхъ и могучихъ начинаній и они теряютъ названіе «дѣйствія»... Но тише! вотъ хорошенькая Офелія. О, нимфа, въ своихъ святыхъ молитвахъ, помяни и меня, и всѣ мои грѣхи.

Офелія. Дорогой принцъ, какъ вы себя чувствовали за все то продолжительное время, какъ мы съ вами не видались?

Гамлетъ. Благодарю за участіе. Ничего, хорошо, хорошо.

Офелія. Принцъ, иногда вы мнѣ дарили на память разныя вещицы, которыя я давно собираюсь возвратитъ вамъ; примите-же ихъ отъ меня теперь.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда ничего вамъ не дарилъ.

Офелія. Принцъ, вы сами хорошо знаете, что дарили и при томъ съ такими чарующими словами, что сами подарки становились цѣннѣе. Теперь, когда ихъ благоуханіе испарилось, возьмите ихъ назадъ. Для души благородной самые богатые подарки становятся ничтожными, когда утрачено расположеніе дарившаго. Возьмите-же ихъ.

Гамлетъ. А-а-а! Офелія, ты честная дѣвушка?

Офелія. Принцъ!

Гамлетъ. И хороша собою?

Офелія. Что хотите вы этимъ сказать?

Гамлетъ. А вотъ что: если ты честна и красива, не допускай, чтобы честность входила въ какія-бы то ни было сношенія съ красотою.

Офелія. Добродѣтель, принцъ, для красоты — самая лучшая спутница.

Гамлетъ. Ну, нѣтъ! Сила красоты несравненно скорѣе заставитъ добродѣтель превратиться въ сводню, чѣмъ добродѣтель спохватится придать красотѣ свой образъ и подобіе. Я тебя когда-то любилъ.

Офелія. Старались, по крайней мѣрѣ, заставить меня этому вѣрить.

Гамлетъ. А тебѣ не слѣдовало мнѣ вѣрить. Если къ старому пню прививать добродѣтель, онъ все-таки сохранить прежнія свои свойства. Я тебя не любилъ.

Офелія. Теперъ мнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, ясно, что вы меня обманывали.

Гамлетъ. Ступай въ монастырь; это будетъ лучше, чѣмъ рожать грѣшниковъ. Хотя самъ я человѣкъ достаточно честный, но могъ-бы покаяться въ такихъ грѣхахъ, что матери было-бы лучше меня не рожать. Я тщеславенъ, злопамятенъ, честолюбивъ. При случаѣ я способенъ натворить столько преступленийъ, что мысль ихъ не вмѣститъ, не представитъ и не хватить времени осуществить ихъ всѣхъ. Зачѣмъ такимъ людямъ, какъ я, вѣчно пресмыкаться между землею и небомъ? Всѣ мы отъявленные негодяи; не вѣрь ни одному изъ насъ; поэтому ступай лучше въ монахини. Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Ну, и пусть сидитъ тамъ, заперевъ двери, и дома разыгрываетъ дурака, а не при другихъ. Прощай.

Офелія. О, Создатель, помоги ему!

Гамлетъ. Если ты выйдешь замужъ, я вмѣсто свадебнаго подарка наложу на тебя вотъ какую кару: будь цѣломудрена, какъ ледъ, чиста какъ снѣгъ, отъ клеветы ты все-таки не уйдешь. Ступай въ монастырь, ступай! а если ужъ очень захочется выйти замужъ, выходи за дурака, потому что умные люди знаютъ, какими чудовищными украшеніями вы способны ихъ наградить. Ступай въ монахини и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прощай!

Офелія. Милосердыя силы небесныя, верните ему разсудокъ!

Гамлетъ. Не мало слышался я о вашихъ женскихъ прикрасахъ; да, совершенно достаточно. Богъ далъ вамъ одно лицо, а вы сами устраиваете другое; вы ходите въ припрыжку, жеманитесь, шепелявите, каждому созданію Божескому даете свои прозвища и свою порочность прикрываете притворнымъ невѣдѣніемъ добра и зла. Поди, съ меня довольно! Объявляю, что бракосочетаній болѣе не будетъ. Уже успѣвшіе жениться всѣ, кромѣ одного, будутъ жить, а холостые такими-же и останутся. Ступай въ монастырь, ступай! (*Гамлетъ уходитъ*).

Офелія. О, какой великій разумъ затмился такъ печально. Онъ соединялъ въ себѣ все: — взглядъ царедворца, храбрость воина, языкъ ученаго. Онъ былъ лучшею надеждой, розой нашей чудной родины, образцомъ изящества, служившимъ примѣромъ для всѣхъ; на него любовались и не могли налюбоваться! И все это погибло, погибло! А я? Нѣтъ въ мірѣ женщины несчастнѣе меня, болѣе подавленной горемъ. Мнѣ, упивавшейся медомъ его сладкозвучныхъ рѣчей, суждено теперъ видѣть, какъ этотъ благородный, царственный разумъ, словно игра колокольчиковъ, еще недавно звучавшая такъ стройно, теперъ разстроился; какъ несравненная красота его цвѣтущей молодости обезображена безуміемъ. О, горе мнѣ! Что я видѣла прежде и что вижу теперъ.

Король и Полоній возвращаются.

Король. Нѣтъ, не любовь туманитъ его разумъ, и по словамъ его, не смотря на всю ихъ безсвязность, не замѣтно, чтобы онъ дѣйствительно былъ сумашедшимъ. На душѣ у него есть что-то другое, повергающее его въ тоску, въ уныніе, и я боюсь, какъ бы его скорбь не высидѣла какой-нибудь страшной бѣды. Чтобы предупредить такое несчастіе, я быстро сообразилъ, какъ надо поступить, и пришедъ вотъ къ какому рѣшенію. Въ самомъ непродолжительномъ времени, я отправлю его въ Англію за получкой невыплаченной намъ дани. Быть можетъ, моря, различныя страны, множество новыхъ впечатлѣній изгонять изъ его мозга то упорно гнѣздящееся тамъ нѣчто, что постоянно раздражаетъ его и дѣлаетъ его непохожимъ на себя. Что ты на это скажешь?

Полоній. Можетъ-быть, изъ этого и выйдетъ прокъ, но я все-таки продолжаю думать, что происхождение и начало его скорби проистекаютъ изъ отвергнутой любви. Ну, Офелія, тебѣ нечего повторять, что говорилъ принцъ; мы и такъ все слышали... Поступайте, государь, по своему усмотрѣнію, но мнѣ кажется, было-бы недурно, если-бы послѣ представленія королева, его родительница, попыталась выпросить у него причину его горя. Пусть она поговоритъ съ нимъ строго, а я съ вашего соизволенія стану за дверь и услышу ихъ разговоръ. Если Королева ничего отъ него не выпытаетъ, отправьте его или въ Англію, или заключите его... а куда? это подскажетъ вамъ ваша мудрость.

Король. Такъ я и поступлю. Людей высокопоставленныхъ, одержимыхъ безуміемъ, нельзя оставлять безъ надзора (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Большой залъ въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ.

Гамлетъ. Сдѣлай одолженіе, произнеси этотъ отрывокъ, какъ прочелъ его тебѣ я, ровно и безъ запинокъ. Только не вздумай орать, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ актеровъ; если-бы мнѣ требовался крикъ, я свои стихи поручилъ-бы прочесть городскому глашатаю. Не пили слишкомъ усердно воздухъ руками и соблюдай во всемъ чувство мѣры, потому что въ самомъ потокѣ, въ самой бурѣ, такъ сказать, въ самомъ вихрѣ страсти, слѣдуетъ сохранять умѣренность, способствующую стройности впечатлѣнія. Я не могу равнодушно видѣть, какъ иногда дюжій парень, въ растрепанномъ парикѣ, рветъ страсть въ доскутъя, въ лохмотья, чтобы, терзая уши, заслужить одобреніе зрителей заднихъ рядовъ, ровно ничего не понимающихъ, кромѣ бессмысленныхъ пантомимъ и крика. Я просто приказалъ-бы высѣчь такого

парня за его стремление превзойти в свирѣпости Термаганта, свирѣпѣйшаго изъ Иродовъ. Сдѣлай одолженіе, избѣгай этого.

1-й актеръ. Ручаюсь, ваше высочество, что у меня этого не будетъ.

Гамлетъ. Не будь также черезъ чуръ слабъ; пусть тобою руководить собственный твой разсудокъ. Старайся согласовать движеніе съ словомъ и слово съ движеніемъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на то, чтобы не переступить границъ естественности и простоты, потому что всякое преувеличеніе идетъ въ разрѣзъ съ самыми цѣлями сценическаго искусства. Цѣли эти съ самаго основанія театра и до нашего времени состояли и состоятъ въ томъ, чтобы сцена служила какъ бы зеркаломъ природы, показывая добродѣтели настоящее ея лицо, а пороку собственный его образъ, а каждому вѣку, каждой переменѣ, вызванной временемъ, какія у нихъ черты и какое выраженіе. Если передача роли будетъ или слишкомъ преувеличена, или слишкомъ безцвѣтна, она, быть можетъ, доставитъ удовольствіе людямъ не просвѣщеннымъ, но никогда не удовлетворитъ людей болѣе разборчивыхъ, а ты самъ согласишься, что одобреніе такихъ людей несравненно цѣннѣ шумныхъ восторговъ всего театра. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, что похвалы расточались такимъ актерамъ, въ рѣчи, въ движеніяхъ которыхъ не было ни образа человѣческаго, ни подобія. Они до того натуживались и ревѣли, что мнѣ казалось, будто ихъ сотворилъ какой-нибудь поденщикъ природы и сотворилъ плохо, до того скверно подражали они человѣчеству.

1-й актеръ. Мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, мы уже многое изъ этого искоренили.

Гамлетъ. И продолжайте искоренять до конца. Позаботьтесь также, чтобы играющіе комиковъ ничего не вставляли въ свои роли отъ себя. Нѣкоторые изъ такихъ господъ, ради потѣхи невѣжественныхъ зрителей, позволяютъ себѣ кривляться въ такія минуты, когда все вниманіе должно быть устремлено на какое-нибудь важное положеніе, имѣющее важное значеніе. Это постыдно, не достойно искусства и обнаруживаетъ только глупое самомнѣніе шута. Теперь ступайте и приготовьтесь (*Актеры уходятъ*).

Появляются Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ (*Полонію*). Какой-же отвѣтъ? Согласенъ король взглянуть на представленіе?

Полоній. Да, онъ прибудетъ сюда вмѣстѣ съ королевой и даже очень скоро.

Гамлетъ. Передай актерамъ, чтобы они поторопились. (*Полоній уходитъ. Гамлетъ обращается къ Розенкранцу и къ Гильденштерну*). А вы тоже ступайте и поторопите ихъ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Слушаемъ, принцъ. (*Оба уходятъ. Входитъ Гораціо*)

Гамлетъ. Эй, Гораціо!

Гораціо. Къ вашимъ услугамъ, принцъ.

Гамлетъ. Изъ всѣхъ людей, съ которыми мнѣ случалось входить въ сношенія, самый честный человѣкъ — ты.

Гораціо. О, дорогой мой принцъ!

Гамлетъ. Не думай, будто я желаю тебѣ льстить. Съ какою цѣлью могъ-бы я это дѣлать, когда я не могу ожидать отъ тебя никакихъ выгодъ? Вѣдь, у тебя нѣтъ ровно ничего, кромѣ головы, которая и кормитъ, и одѣваетъ тебя? Зачѣмъ льстить бѣдняку? Нѣтъ, медоточивый языкъ лижетъ руки только у нелѣпой пышности; гибкія колѣни преклоняются только передъ тѣми, отъ кого можно выгодно поживиться. Итакъ, слушай! Съ тѣхъ поръ, какъ моя юная душа получила право избирать и приближать къ себѣ людей, мой выборъ тотчасъ-же палъ на тебя, такъ-какъ я видѣлъ въ тебѣ человѣка, умѣющаго переносить страданія такъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не было, человѣка, который все принималъ отъ жизни съ благодарностью: — и благополучіе, и невзгоды. Благословіе небесъ на тѣхъ, въ комъ и горячка крови, и разсудокъ находятся въ полномъ равновѣсіи; такіе люди не простыя дудки въ перстахъ Фортуны, могущей извлекать изъ нихъ какіе ей угодно звуки. Укажите мнѣ человѣка, не состоящаго въ рабствѣ у собственныхъ страстей, и я такому человѣку отведу почетное мѣсто въ своемъ сердцѣ, да, въ самомъ сердцѣ, и ты именно такой человѣкъ... Но довольно объ этомъ. Помнишь, я передавалъ тебѣ нѣкоторыя подробности объ убійствѣ моего отца. Сегодня въ присутствіи короля представлена будетъ пьеса, нѣкоторыми своими сценами напоминающая эти подробности. Когда дѣло дойдетъ до этого мѣста, наблюдай, ради Бога, за королемъ съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Если тайное преступленіе короля не прорвется сквозь какую-нибудь щель и не выдастъ себя словомъ или движеніемъ, значитъ, являвшійся намъ призракъ — выходецъ изъ преисподней и то, что мнѣ кажется, чернѣе самой наковальни Вулкана. Не теряй-же его ни на минуту изъ виду, а самъ я вопьюсь глазами въ его лицо; послѣ представленія мы подѣлимся своими впечатлѣніями и, на основаніи видѣннаго нами, обсудимъ, къ какому заключенію слѣдуетъ придти.

Гораціо. Извольте, принцъ. Считайте меня потомъ негодяемъ, воромъ, мошенникомъ, если ему во время представленія удастся утаить отъ моего вниманія хоть одинъ взглядъ, хоть одно движеніе.

Гамлетъ. Вотъ всѣ они идутъ сюда. Надо напустить на себя безпечный видъ. Займи свое мѣсто, Гораціо.

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ и другія лица изъ свиты. Слуги несутъ зажженные свѣтильники, трубы гремятъ датскій маршъ.

Король. Какъ чувствуешь ты себя, Гамлетъ?

Гамлетъ. Превосходно. Питаюсь пищею хамелеона, ѣмъ воздухъ, начиненный обѣщаніями. Этимъ вы каплуновъ не откормите.

Король. Отвѣтъ твой, Гамлетъ, совсѣмъ ко мнѣ нейдетъ. Это совсѣмъ не мои слова.

Гамлетъ. Да теперъ уже и не мои (*Полонію*). Почтеннѣйшій, ты говорилъ, что, будучи въ университетѣ, самъ игрывалъ на сценѣ?

Полоній. Игрывалъ, ваше высочество, и считался хорошимъ актеромъ.

Гамлетъ. А въ чемъ ты игралъ?

Полоній. Я изображалъ Юлія Цезаря. Брутъ убивалъ меня въ Капитоліѣ.

Гамлетъ. Со стороны Брута было большимъ скотствомъ убивать такого славнаго теленка... Готовы актеры?

Розенкранцъ. Совершенно готовы; ожидаютъ только вашего приказанія, чтобы начать.

Королева. Подойди сюда, Гамлетъ, и сядь со мною рядомъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, добрая матушка здѣсь есть магнитъ посильнѣе.

Полоній. Ну, такъ, такъ! (*Королю*). Замѣчаете вы это, государь?

Гамлетъ (*Ложась къ ногамъ Офеліи*). Прелестная Офелія, могу я прилечь къ вамъ.

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Я хотѣлъ сказать, позвольте мнѣ прилечь головою къ вашимъ колѣнямъ.

Офелія. Извольте, принцъ.

Гамлетъ. Неужто вы подумали, что я хочу сказать вамъ грубость?

Офелія. Я ничего не думала, принцъ.

Гамлетъ. Впрочемъ, это было-бы самымъ естественнымъ желаніемъ.

Офелія. Что, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы сегодня веселы, ваше высочество.

Гамлетъ. Кто, я?

Офелія. Вы, принцъ.

Гамлетъ. Да, я хочу быть вашимъ забавникомъ. Что-же лучше можетъ придумать человѣкъ, находящійся въ веселомъ настроеніи? Взгляните, какъ весела моя мать, а между тѣмъ прошло всего два часа съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой отецъ.

Офелія. Ошибаетесь, принцъ: — съ тѣхъ поръ прошло уже два мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ давно?.. Пусть, если такъ, самъ чортъ облачается во все черное, я буду носить одежды не иначе, какъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, обшитыя соболемъ. О, Боже мой! Умеръ уже два мѣсяца тому назадъ и еще не забыть! Въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что слава великаго человѣка переживетъ его на цѣлыхъ полгода. Но для этого необходимо, чтобы онъ настроилъ побольше соборовъ, иначе, клянусь Пресвятой Дѣвой, ему грозитъ та-же участь, какъ и деревянному коню на пружинѣ, удостоившемуся, какъ вамъ извѣстно, такой эпитафіи: — «Увы, забыть деревянный конь, увы!.. забыть на вѣкъ!»

Трубятъ въ рожки; пантомима начинается.

Входятъ Гонзаго и Баптиста, нѣжно обнявшись. Королева цѣлуетъ мужа, а потомъ, ставъ передъ нимъ на колѣни, жестами изъясняетъ ему свою любовь. Онъ поднимаетъ ее, ложится на дерновую скамью, склоняетъ голову ей на плечо и засыпаетъ. Королева, видя, что онъ заснулъ, уходитъ. Тогда появляется новое лицо. Человѣкъ этотъ снимаетъ со спящаго корону, цѣлуетъ ее и вливаетъ ядъ въ ухо короля, а затѣмъ уходитъ. Королева возвращается, видитъ мужа мертвымъ и выражаетъ бурное отчаяніе. Отравитель въ сопровожденіи двухъ или трехъ безмолвныхъ личностей возвращается и тоже принимается вмѣстѣ съ вдовою оплакивать умершаго. Покойника уносятъ. Отравитель начинаетъ объясняться королевы въ любви и предлагаетъ ей подарки. Она сначала отталкиваетъ его, но потомъ склоняется на его любовь).

Офелія. Что это означаетъ, принцъ.

Гамлетъ. Для меня самого смыслъ темень, но, должно быть, изображается какая нибудь темная продѣлка.

Офелія. Въ пантомимѣ, вѣроятно, излагается содержаніе пьесы. (*Входитъ Прологъ*).

Гамлетъ. Вотъ этотъ молодецъ объяснить намъ все. Актеры ничего не умѣютъ сохранять въ тайнѣ; вѣчно все выболтаютъ.

Офелія. Объяснить онъ намъ смыслъ пантомимы?

Гамлетъ. Сдѣлайте ему какой угодно пантомимный знакъ, онъ его пойметъ и какъ бы ни былъ безстыденъ этотъ знакъ, онъ объяснить вамъ его тоже безъ малѣйшаго стыда.

Офелія. У васъ злой языкъ, принцъ; очень злой. Дайте мнѣ слушать пьесу.

Прологъ. Для насъ и для нашей трагедіи — мы просимъ у васъ снисхожденія — вниманія, какъ и терпѣнія (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Что это, прологъ или девизъ на перстнѣ?

Офелія. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень коротокъ.

Гамлетъ. Какъ женская любовь.

На вторыхъ подмосткахъ появляются театральнй король Гонзаго и театральная королева Баптиста.

Гонзаго. Вотъ тридцать разъ уже, какъ Феба колесница — объѣхала вокругъ соленыхъ странъ Нептуна — и вокругъ округлостей владѣній твердыхъ Тэлла — и тридцать дюжинъ лунъ уже заемнымъ — сіяніемъ своимъ двѣнадцать взятыхъ разъ — мракъ тридцати ночей собою разгоняли — съ тѣхъ поръ, какъ въ насъ Амуръ зажегъ огонь любви, — а Гименей связалъ насъ крѣпкими цѣпями.

Баптиста. Столько-жъ разъ еще пусть солнце и луна — свой путь размѣренный спокойно совершаютъ, — для насъ конецъ любви взаимной не настанетъ. — Но вотъ ужъ сколько дней ты боленъ, измѣнился — утратилъ прежнюю веселость и меня — твое здоровіе тревожитъ не на шутку. — Но какъ

ни велика моя тревога, ты, безцѣнный властелинъ, вниманья на нее — не обращай. Вѣдь ей такое-же пространство — отведено въ душѣ у женщинъ, какъ любви. — И той, какъ и другой иль въ сердцѣ нѣтъ совѣмъ, — иль если есть любовь, должна быть и тревога. — А какъ сильна моя любовь, о мой Гонзаго! — тебѣ доказано давно уже на дѣлѣ, — и ей равна моя душевная тревога. — Тамъ, гдѣ любовь сильна, тревога возрастаетъ; — тревога чѣмъ сильнѣй, тѣмъ и сильнѣй любовь.

Гонзаго. Увы! разстаться намъ съ тобой придется скоро: — отказъ встрѣчаю я у престарѣлыхъ силъ — служить мнѣ долѣе. А ты? ты безъ меня — въ живыхъ останешься, въ сіяніи величья. — И, можетъ быть, другой найдется человекъ; — полюбишь ты его, вторично выйдешь замужъ.

Баптиста. Молчи! нѣтъ, никогда! Такой поступокъ былъ-бы — измѣной гнусною со стороны моей! — Пусть надо мною гнѣвъ небесный разразится — когда рѣшуся я вступить вторично въ бракъ. — Вѣдь новая любовь былую убиваетъ.

Гамлетъ (*про себя*) Все это имъ полынь, полынь!

Баптиста. Заставитъ женщину вторично въ бракъ вступить — одинъ, одинъ расчетъ лишь можетъ, не любовь, — Я мужа прежняго вторично убиваю, — когда меня другой въ объятіяхъ сжимаетъ.

Гонзаго. Я вѣрю, искренни слова твои, Баптиста. — Намѣренья-же, увы! мѣняются нерѣдко; — рабами памяти рѣшенія бывають. — Хотя его порой и сильно проявленье, — но жизни силъ въ немъ нѣтъ: — оно не долговѣчно. — Незрѣлый плодъ виситъ на зыбкой вѣтви крѣпко; — но лишь созрѣетъ онъ, какъ тотчасъ отпадетъ — безъ посторонняго усилья. О, мало-ль — чего не насулимъ мы подъ вліяньемъ страсти, — но страсть остыла и... всѣ клятвы позабыты. — Какъ сильны-бъ ни были и радости, и горе — они въ концѣ концовъ себя уничтожаютъ. — Гдѣ радости живѣй, тамъ и обильнѣй слезы. — При каждомъ случаѣ удобномъ, радость въ грусть, — а грусть тяжелая вдругъ въ радость переходятъ. — Когда не вѣчень міръ, чему-же удивляться, — что въ немъ мѣняются и наши ощущенья? — и не рѣшенъ вопросъ, любовь-ли правитъ счастьемъ — иль счастье въ свой чередъ любовью управляетъ? — Падеть-ли славный мужъ, льстецы всѣ вдругъ исчезнуть; — возвысится бѣднякъ, враги друзьями станутъ. Такъ идутъ объ руку и счастье, и любовь: — не знающій нужды, всегда друзей имѣетъ, — а если кто въ нуждѣ захочетъ испытать — друзей, друзья въ враговъ сейчасъ-же обратятся. — Но, чтобы къ выводу разумному придти, — я вотъ чѣмъ заключу: да, наша воля съ волей — судьбы расходится такъ сильно, что намъ рѣдко — свои намѣренья исполнить удается — Мысль — наша собственность; ея же исполненье — зависитъ не отъ насъ. Такъ: рѣшено теперь — тобой не выходитъ вторично замужъ, но, — умри твой первый мужъ, измѣнится рѣшенье.

Баптиста. Пускай земля давать откажется мнѣ пищу, — а небо отпускать и свѣтъ мнѣ, и тепло; — пусть никогда не знать покоя мнѣ и счастья; пускай отчаяньемъ всѣ смѣнятся надежды; — пускай мнѣ узницы достанется удѣлъ; —

пускай превратности судьбы туманятъ радость — и отравляютъ жизнь мнѣ горечью своею; — пощады пусть не знать ни здѣсь мнѣ, ни за гробомъ, — коль, овдовѣвъ, опять я выйти замужъ!

Гамлетъ (*Офеліи*). Что, если она измѣнитъ клятвамъ?

Гонзаго. Уйди, Баптиста; мнѣ-бъ отъ всѣхъ дневныхъ заботъ — хотѣлось отдохнуть въ объятяхъ сладкихъ сна, — а голова моя такъ тяжела! Ступай-же.

Баптиста. Пускай твой мозгъ найдетъ отдохновеніе въ снѣ, — и никогда ничто не станетъ между нами (*Гонзаго засыпаетъ, Баптиста уходитъ*).

Гамлетъ. Государыня, какъ вамъ нравится пьеса?

Королева. Мнѣ кажется, что жена надавала слишкомъ много клятвъ.

Гамлетъ. Но она ихъ сдержитъ, сдержитъ. Это вѣрно!

Король. Тебѣ извѣстно содержаніе? Нѣтъ въ немъ ничего предосудительнаго?

Гамлетъ. О, ровно ничего! Все въ пьесѣ происходитъ такъ, шутки ради. Есть, правда, ядъ, но это даже не ядъ, а пустая стеклянка.

Король. А какъ названіе пьесы?

Гамлетъ. «Мышеловка». Вы желаете знать, въ какомъ смыслѣ? — разумѣется, въ переносномъ. Въ ней изображено происшествіе, случившееся въ Вѣнѣ. Короля зовутъ «Гонзаго», королеву «Баптистой». Вотъ увидите, что будетъ далѣе: — нѣчто отвратительное, но для насъ оно все равно: и у вашего величества, и у меня совѣсть чиста, слѣдовательно намъ нечего принимать къ сердцу то, что происходитъ на сценѣ. Пусть клячи лягаются, сколько угодно, намъ нечего бояться; спинной хребетъ останется у насъ въ добромъ здравіи (*Входитъ другой актеръ въ роли Люціана*). А вотъ этотъ — нѣкто Люціанъ.

Офелія. Вы отлично исполняете должность хора, принцъ.

Гамлетъ. О, я объясню, что угодно. Увидавъ кукольную комедію, я, пожалуй, объясню, что происходитъ между вами и вашимъ любовникомъ.

Офелія. Вы колки, принцъ, очень колки.

Гамлетъ. Вамъ стоитъ только вскрикнуть, и колкость моя притупится.

Офелія. Чѣмъ далъше, тѣмъ хуже.

Гамлетъ. Такое разочарованіе готовятъ вамъ всѣ мужья... Ну, начинай-же, убійца!... Полно ломаться!... Скорѣе къ дѣлу!... Знаешь крикъ ворона? Онъ каркаетъ и каркаетъ — крови! крови!

Люціанъ. Готовы слѣдовать внушенію мыслей черныхъ — вотъ эти руки. Чась мнѣ кажется удобнымъ. — Сама судьба со мной въ сообщество вступаетъ. — Никто, никто меня не можетъ здѣсь увидѣть. — О, зелье адское, сама, сама Геката — влила въ тебя свои отравленные соки; — такъ прояви-жь свои убійственныя силы — и разомъ сокруши здоровіе и жизнь! (*Вливаетъ ядъ въ ухо спящему Гонзаго*).

Гамлетъ. Онъ отравляетъ короля въ саду. Короля зовутъ «Гонзаго». А потомъ вы увидите, какъ отравитель завладѣваетъ любовью жены Гонзаго. Это истинное происшествіе, описанное на чистѣйшемъ итальянскомъ языкѣ.

Офелія. Смотрите, король вскочилъ съ мѣста.

Гамлетъ. Онъ испугался блуждающаго огонька.

Королева. Что съ вами, государь?

Полоній. Прекратите представленіе!

Король. Огня, побольше огня!

Всѣ. Огней сюда побольше! Огней! огней! огней! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо*).

Гамлетъ. Пусть раненный олень бѣжитъ въ слезахъ.

А лань здоровая смѣется!

Одинъ здѣсь бодрствуетъ, пока другіе спятъ;

Вѣдь такъ на свѣтѣ все ведется!

А что Гораціо, если-бы мнѣ пришлось извѣдать превратности судьбы, вѣдь, меня, — да еще съ лѣсомъ перьевъ на головѣ и съ розами на пестрыхъ башмакахъ съ высокими каблуками, — приняли-бы въ любую трупку актеровъ.

Гораціо. На половинный окладъ, принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, на полный!

Ты знаешь, другъ Дамонъ здѣсь Зевсъ царилъ когда-то

И всѣ дѣла онъ лично велъ.

На мѣстѣ-жъ Зевса кто, — пойми! — вдругъ оказался?

Простой, ну, да, простой... павлинь!

Гораціо. Вы могли-бы поставить рифму, принцъ.

Гамлетъ. О, для меня теперь каждое слово призрака дороже тысячи червонцевъ! Замѣтилъ ты?

Гораціо. Отлично замѣтилъ, принцъ.

Гамлетъ. А когда дѣло дошло до отравленія?

Гораціо. Тоже замѣтилъ.

Гамлетъ. Эй, музыку сюда! Флейты и гобои! Когда представленіе королю не по вкусу, ну, значить... оно не по вкусу ему! Вотъ и только... Эй, музыку!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гильденштернъ. Добрѣйшій принцъ, позвольте сказать вамъ пару словъ.

Гамлетъ. Хоть цѣлую рацею.

Гильденштернъ. Король...

Гамлетъ. Что съ нимъ такое?

Гильденштернъ. Онъ ушелъ къ себѣ и очень разстроенъ.

Гамлетъ. Можетъ-быть, выпилъ лишнее?

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, онъ страдаетъ желчью.

Гамлетъ. Вы поступили-бы несравненно умнѣе, еслибы увѣдомили объ этомъ его врача, а не меня. Если я пропишу ему очистительное, оно, пожалуй, разстроитъ его еще сильнѣе.

Гильденштернъ. Добрѣйшій принцъ, приведите хоть сколько-нибудь въ порядокъ свои мысли и не уклоняйтесь такъ упорно отъ нити разговора.

Гамлетъ. Вотъ я усмиренъ окончательно. Глагольте.

Гильденштернъ. Королева глубоко огорчена и посылаетъ меня къ вамъ.

Гамлетъ. Добро пожаловать.

Гильденштернъ. Такая чрезмѣрная вѣжливость не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Угодно будетъ вамъ дать мнѣ здравый отвѣтъ, я исполню порученіе, возложенное на меня вашею матерью, не угодно — я попрошу у васъ извиненія, удалюсь и этимъ покончу дѣло.

Гамлетъ. А если я не могу?

Гильденштернъ. Почему-же, принцъ?

Гамлетъ. Какъ-же могу я дать вамъ разумный отвѣтъ, когда мозгъ мой разстроень? Но если вы удовольствуетесь такимъ отвѣтомъ, какой я въ состояніи вамъ дать, я къ вашимъ услугамъ или скорѣе, — какъ говорили вы сами, — къ услугамъ моей матери. Итакъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, къ дѣлу. Что угодно матери?

Розенкранцъ. Она говоритъ, что ваше поведеніе повергло ее въ печаль и въ изумленіе.

Гамлетъ. Удивительный сынъ, если онъ способенъ повергнуть въ изумленіе даже родную мать. Однако, по пятамъ за материнскимъ изумленіемъ не слѣдуетъ-ли еще что-нибудь?

Розенкранцъ. Она желаетъ, чтобы ранѣе, чѣмъ отойти ко сну, вы повидались съ нею въ ея комнатѣ.

Гамлетъ. Еслибы она десять разъ была нашею матерью, мы и тогда исполнили бы ея желаніе. Имѣете вы сказать намъ еще что-нибудь?

Розенкранцъ. Принцъ, вы когда-то меня любили.

Гамлетъ. Клянусь всѣми ворами и татями, что люблю и теперь,

Розенкранцъ. Если такъ, принцъ, повѣдайте мнѣ причину вашего разстройства. Отказываясь подѣлиться своимъ горемъ съ другомъ, вы сами запираете передъ собою дверь, за которою васъ ожидаетъ освобожденіе.

Гамлетъ. Жажда власти, любезный другъ.

Розенкранцъ. Какой-же вамъ еще власти, принцъ, когда король и такъ уже провозгласилъ васъ наслѣдникомъ датскаго престола.

Гамлетъ. Такъ-то оно такъ, но... вы, вѣдь, знаете пословицу: — «пока трава выростетъ, конь успѣетъ издохнуть». Отъ этой пословицы уже нѣсколько отдаетъ затхлымъ (*Входитъ музыкантъ съ флейтой*). Эй, флейтщикъ, дай мнѣ свою дудку (*Розенкранцу и Гильденштерну*). Послушайте, господа, что это вы все вертитесь около меня, словно соломенки, брошенныя въ воздухъ, чтобы узнать, откуда дуетъ вѣтеръ, и какъ будто хотите опутать меня сѣтями?

Гильденштернъ. О, принцъ, если мое усердіе и слишкомъ смѣло, оно доказываетъ всю искренность моей любви.

Гамлетъ. Я это не особенно хорошо понимаю. Сыграй мнѣ что-нибудь на этой дудкѣ.

Гильденштернъ. Не умѣю, принцъ.

Гамлетъ. Ну, сдѣлай одолженіе.

Гильденштернъ. Право, не умѣю.

Гамлетъ. Ну, ради меня.

Гильденштернъ. Повѣрьте, принцъ, не умѣю.

Гамлетъ. Играть на ней такъ-же легко, какъ лгать. Надо положить пальцы на эти отверстія, потомъ дуть вотъ сюда, и выйдетъ прелестная музыка.

Гильденштернъ. Хотя это, быть можетъ, и легко, но все-таки нужно умѣніе, а его-то у меня и нѣтъ.

Гамлетъ. Если такъ, какимъ-же ничтожествомъ считаете вы меня? Вы хотите играть на мнѣ, какъ на дудкѣ; хотите доказать, будто знаете, какъ за меня взяться; хотите вырвать у меня душу моей тайны; хотите заставить меня зазвучать всего и выказать все протяженіе моихъ звуковъ отъ самой низкой до самой высокой ноты, когда не умѣете извлекать звуковъ даже изъ этой флейты, поющей такъ пріятно. Неужто, чортъ возьми, вы воображаете, будто на мнѣ играть легче, чѣмъ на дудкѣ. Считайте меня какимъ угодно инструментомъ; разстроить меня вы можете, но играть на мнѣ — нѣтъ! *(Входитъ Полоній)*. Желаю вамъ всѣхъ благъ, почтеннѣйшій.

Полоній. Принцъ, королева желаетъ немедленно переговорить съ вами.

Гамлетъ. Взгляните на это облако. Какъ оно похоже на верблюда.

Полоній. Клянусь Богомъ, совершенно верблюдъ.

Гамлетъ. Или на лисицу.

Полоній. Да, да, совсѣмъ лисица.

Гамлетъ. Или, нѣтъ! — скорѣе на кита.

Полоній. Да, въ самомъ дѣлѣ на кита.

Гамлетъ. Хорошо, скажи, что я приду сейчасъ. *(Про себя)*. Съ ними, пожалуй, совсѣмъ одурѣешь! *(Полонію)*. Сейчасъ приду.

Полоній. Такъ я и доложу *(Уходитъ)*.

Гамлетъ. Сказать «сейчасъ» не трудно. Друзья мои, удалитесь и вы *(Гильденштернъ, Розенкранцъ и Гораціо уходятъ)*. Вотъ наступилъ часъ, благопріятный для ночныхъ чародѣйствъ, когда могилы отворяются, и дыханіе ада распространяетъ по землѣ заразу. Теперь я въ состояніи былъ-бы упиться горячею кровью, натворить такихъ страшныхъ дѣлъ, что, взглянувъ на нихъ, содрогнулось-бы само солнце... Однако, надо идти къ матери. О, сердце, не утрачивай своихъ природныхъ свойствъ; пусть въ эту крѣпкую грудь никогда не вселится душа Нерона. Я могу быть неумолимымъ, но извергомъ не сдѣлаюсь никогда. Пусть, словно кинжалъ, ранить ее мой языкъ, но не рука. Пусть на этотъ разъ и душа моя, и языкъ напустятъ на себя лицемѣріе. Какими бы угрозами я ни разражался, о, моя душа! не допускай, чтобы онѣ перешли въ дѣло *(Уходитъ)*.

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. Я имъ очень недоволенъ, да и давать волю сумашедшему для насъ не безопасно. Будьте-же готовы. Я сейчасъ-же сдѣлаю необходимыя распоряженія, и онъ отправится съ вами въ Англію. Мы обязаны не допускать, чтобы его безуміе подвергало опасности благосостояніе нашего государства.

Гильденштернь. Заботиться о безопасности такого громаднаго количества лицъ, живущихъ только вашимъ величествомъ, обязанность святая.

Розенкранць. Даже частный человѣкъ обязанъ напрягать всѣ силы ума, чтобы оградить себя отъ всего вреднаго, а тѣмъ болѣе монархъ, отъ жизни котораго зависитъ спокойствіе многотысячной толпы его подданныхъ. Смерть монарха не есть смерть одного человѣка. Она, какъ бездна, притягиваетъ къ себѣ все, стоящее къ нему близко. Онъ — исполинское колесо, стоящее на вершинѣ высочайшей горы; великое множество второстепенныхъ личностей связано съ нимъ, прикрѣплено къ нему, образуя его громадныя спицы. Если падеть оно, его шумное паденіе повлечетъ за собою гибель и всѣхъ этихъ мелкихъ второстепенностей. Послѣдній вздохъ короля никогда не бываетъ одинокимъ; его всегда сопровождаетъ стонъ всего народа.

Король. Прошу васъ, приготовьтесь скорѣе къ спѣшному отъѣзду. Мы надѣнемъ оковы на угрожающее намъ пугало пользующееся до сихъ поръ слишкомъ обширной свободой.

Розенкранць и Гильденштернь. Мы скоро будемъ готовы (*Уходятъ. Появляется Полоній*).

Полоній. Государь, принць Гамлетъ сейчасъ отправляется въ комнату королевы, а я спрячусь за коверъ и подслушаю весь разговоръ. Ручаюсь, что она сдѣлаетъ ему строжайшій выговоръ; однако, согласно вашимъ-же словамъ и словамъ въ высшей степени мудрымъ, необходимо, для большой вѣрности, чтобы чье-нибудь постороннее ухо искусно воспользовалось заявленіями сына, помимо уха матери, такъ-какъ матери по самой своей природѣ бываютъ пристрастны. Будьте здоровы, государь. Я еще загляну къ вамъ, прежде чѣмъ вы ляжете почивать, и расскажу вамъ все.

Король. Благодарю, любезный мой Полоній. (*Полоній уходитъ*). Смердь отъ моего гнуснаго злодѣянія доходитъ до самого неба. На этомъ преступленіи лежитъ первое, самое древнее проклятіе, проклятіе за братоубійство. Я не могу молиться, хотя желаніе и воля влекутъ меня къ молитвѣ. Чудовищность моего злодѣянія превозмогаетъ силу моего намѣренія. Я нахожусь теперь въ положеніи человѣка, на которомъ лежитъ исполненіе двухъ обязанностей. Не зная, съ которой начать, онъ не исполняетъ ни той, ни другой. Неужели, еслибы кровь брата легла на эту проклятую руку еще вдвое болѣе толстымъ слоемъ, чѣмъ сама эта рука, небеса окажутся на столько немилосердыми, что у нихъ не хватитъ дождя, чтобы омыть эту руку отъ крови и снова придать ей снѣжную бѣлизну? Въ чемъ-же состоитъ сущность милосердія, какъ не въ томъ, чтобы противопоставлять его преступленію? и что такое молитва, какъ не двоякая сила? Одна изъ этихъ силъ помогаетъ удерживаться отъ преступления, другая

— заслужить прощенье, когда преступление уже совершилось... Преступление мое — дѣло уже прошлое; возведемъ-же глаза къ небесамъ... Но въ какихъ выраженіяхъ молиться? Сказать-ли такъ: — «Господи, прости мнѣ гнусное мое убійство?» Нѣтъ, это невозможно, потому что я до сихъ поръ пользуюсь тѣми благами, изъ-за которыхъ оно совершено, то-есть, изъ-за короны, изъ-за власти, изъ-за жены. Можно-ли получить прощенье, не разставшись съ этими благами? Продажное земное правосудіе можно подкупить золотомъ, и оно оправдаетъ виноватаго; на этотъ подкупъ нерѣдко уходитъ все то, чѣмъ воспользовался преступникъ! Но тамъ, на небесахъ, не то. Тамъ увертки немыслимы и дѣянія являются въ истинномъ своемъ свѣтѣ; мы сами должны изложить ихъ во всей ихъ наготѣ. Что-же остается дѣлать? да, что дѣлать? Попытаться узнать, къ чему можетъ привести раскаяніе? Въ чемъ можетъ оно помочь? Но къ чему такая попытка, когда въ душѣ нѣтъ настоящаго раскаянія?.. Положеніе ужасное! О, совѣсть моя, ты черна, какъ смерть! О, бѣдная моя, погрязшая въ грѣхахъ душа, чѣмъ ты болѣе отъ нихъ отбиваешься тѣмъ они облѣпливаютъ тебя все сильнѣе. Ангелы небесные, напрягите силы и помогите мнѣ!... Согнитесь, мои неподатливыя колѣни, а ты, желѣзное сердце, смягчись и будь такъ-же нѣжно, какъ мышцы новорожденного младенца!.. Все еще можетъ быть замолено! (*Становится на колѣни. Входитъ Гамлетъ съ обнаженнымъ кинжаломъ.*)

Гамлетъ (*остановившись сзади короля*). Теперь было-бы удобно нанести ударъ... Онъ молится, и я воспользуюсь минутой... Но тогда онъ отправится прямо на небеса, а развѣ мнѣ такое нужно мщеніе?.. Это необходимо обсудить. Злодѣй убилъ моего отца, а я, единственный сынъ убитаго, отправлю вдругъ убійцу на небеса!.. Такой исходъ былъ-бы милостью, наградой, а не мщеніемъ. Онъ умертвилъ моего отца предательски, заставъ того неподготовленнымъ, не въ мѣру сытымъ и въ такомъ полномъ расцвѣтѣ грѣховъ, какъ природа въ маѣ. Кто, кромѣ Бога, знаетъ, каково ему отдавать теперь отчетъ въ этихъ грѣхахъ? По имѣющимся даннымъ и по моему предположенію — крайне тяжело, и развѣ значило-бы отомстить человѣку, убивъ его въ такое время, когда онъ очищалъ душу, когда онъ принялъ всѣ мѣры и приготовился къ далекому пути? Нѣтъ. Подожди, мой кинжалъ! Приготовься нанести болѣе жестокой ударъ, когда онъ будетъ или спать пьяный, предаваться гнѣву, или вкушать наслажденіе на кровосмѣсительномъ ложѣ; или за игрой въ такое время, когда онъ ругается и сквернословитъ, или когда онъ вообще совершаетъ какое-нибудь далеко не душеспасительное дѣяніе. Вотъ въ подобную минуту ты нанесешь ему такой ударъ, чтобы только его пятки обращены были къ небу, а окаянная душа его была такъ-же черна, какъ тотъ адъ, гдѣ ей указано мѣсто!.. Однако, меня ожидаетъ мать. (*Глядя на короля*). Это хоть и цѣлебное для души средство, но оно не излечитъ тебя, а только продлитъ твою болѣзнь. (*Гамлетъ уходитъ; Король перестаетъ молиться и встаетъ*).

Король. Слова стремятся въ высъ, а мысли на землѣ; слова безъ мысли никогда не вознесутся до небесъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Комната королевы.

Входятъ Королева и Полоній.

Полоній. Онъ скоро явится. Обойдитесь съ нимъ посуровѣе; это необходимо. Скажите ему, что нѣтъ силъ переносить его дерзкихъ выходокъ, и что только чувство состраданія къ нему заставляютъ ваше величество сдерживать справедливый гнѣвъ. Я же спрячусь вотъ сюда и буду молчать, а вы, повторяю, обойдитесь съ нимъ, какъ можно строже.

Гамлетъ *(За сценой)*. Матушка! матушка!

Королева. Ручаюсь вамъ; не бойтесь за меня. Уйдите, я слышу его приближеніе *(Полоній прячется за висячіе ковры)*.

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Что вамъ угодно, матушка?

Королева. Гамлетъ, ты жестоко оскорбилъ отца.

Гамлетъ. Нѣтъ, матушка, мой отецъ жестоко былъ оскорбленъ вами.

Королева. Перестань! Ты отвѣчаешь мнѣ языкомъ сумасброда.

Гамлетъ. А вы допрашиваете меня, какъ виноватаго.

Королева. Что это значитъ, Гамлетъ?

Гамлетъ. Вамъ что отъ меня угодно?

Королева. Ты забываешь, кто я!

Гамлетъ. Нѣтъ, клянусь святымъ крестомъ, не забываю! Вы королева, жена мужнина брата и, — отъ всей души желаю, чтобы по милосердію Божию было не такъ, — вы моя мать.

Королева. Я позову людей, которые съумѣютъ научить тебя, какъ слѣдуетъ говорить.

Гамлетъ. Ну, полно, полно, сядьте. Вы до тѣхъ поръ не двинетесь съ мѣста и не уйдете, пока я не покажу вамъ такого зеркала, которое дастъ вамъ заглянуть во всѣ тайники вашей души.

Королева. Что хочешь ты сдѣлать? убить меня? Помогите, помогите! Ко мнѣ!

Полоній *(за коврами)*. Что такое? Помогите!

Гамлетъ *(обнаживъ шпагу)*. А! Тамъ крыса! *(Наноситъ ударъ черезъ коверъ)*. Убить! Червонецъ объ закладъ, убить.

Полоній *(за ковромъ)*. Онъ убилъ меня! *(Умираетъ)*.

Королева. Боже мой, что ты сдѣлалъ!

Гамлетъ. Право, самъ не знаю... Тамъ король? *(Откидываетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія)*.

Королева. Какой жестокой, какой кровавый поступокъ!

Гамлетъ. Да, поступокъ кровавый; онъ почти такъ-же преступень, какъ убить короля и выйти замужъ за его брата.

Королева. «Какъ убить короля?»

Гамлетъ. Да, королева, это мои слова (*Обращаясь къ Полонію*). А ты, наглый шутъ, глупецъ, вмѣшивающійся не въ свои дѣла, прощай! Я принялъ тебя за другого, занимающаго болѣе высокій санъ; помирись съ своею судьбою. Теперь ты знаешь по опыту, что избытокъ усердія можетъ иной разъ вовлечь въ бѣду (*Королеву*). Перестаньте терзать свои руки. Молчите, сядьте; я намѣренъ истерзать ваше сердце, и истерзаю его, если оно не сотворено изъ несокрушимаго матеріала, и если привычка къ преступленію не обратила его въ мѣдъ, такъ что никакое чувство ему теперь не доступно.

Королева. Но что-же я сдѣлала? За что такъ жестоко язвить меня твой языкъ?

Гамлетъ. Ты виновата въ такомъ проступкѣ, отъ котораго блекнетъ краска стыда, пропадаетъ красота скромности, добродѣтель обращается въ лицемѣріе, съ чела непорочной любви спадаютъ розы и замѣняются гнойными язвами; данныя при вступленіи въ бракъ обѣты превращаются въ зароки игрока! Да, отъ такого проступка святыня брака становится собраніемъ пустыхъ, бессмысленныхъ словъ. Само небо краснѣетъ отъ твоего грѣха, а земля, эта твердая и прочная масса, принимаетъ такой мрачный видъ, что думается, не наступаетъ-ли день страшнаго суда, и все это отъ твоего болѣзненно бессмысленнаго проступка.

Королева. Но что-же это за проступокъ, на который ты обрушиваешься всѣми своими громами?

Гамлетъ. Посмотри вотъ на эту картину и на эту. На картинахъ изображены два брата. Смотри, какую прелестью дышало лицо одного изъ нихъ: — кудри Гиперіона! чело самого Юпитера, взглядъ такой-же повелительный и грозный, какъ у Марса! Осанка, какъ у вѣстника боговъ, Меркурія, когда тотъ, легко взлетѣвъ подъ самое небо, остановится на мигъ на вершинѣ лобызающаго небо холма. Кажется, будто каждое божество наложило свою печать на этого избранника, чтобы дать землѣ настоящаго человѣка! — и этотъ человѣкъ былъ твоимъ мужемъ... Теперь смотри сюда: — вотъ теперешній твой мужъ! — Это негодное сѣмя, братоубійствомъ уничтожившее сѣмя добра! Гдѣ-же были у тебя глаза? Какъ могла ты промѣнять вершины величія на смрадное болото и погрязнуть въ этомъ болотѣ? Да, гдѣ были у тебя глаза? Не ссылайся на любовь! Въ твои года самая пылкая кровь уже перестаетъ кипѣть, остываетъ и становится покорною разсудку (*Указывая на картины*). Какое разумное существо захотѣло-бы промѣнять вотъ этого на этого. У тебя непременно должны быть мыслительныя способности, потому что иначе ты не могла-бы мыслить, но онѣ въ ту минуту, когда ты согласилась выйти замужъ за брата мужа, вѣроятно, разбиты были параличемъ, такъ какъ даже безуміе не впало-бы въ такую ошибку. Безуміе не до такой степени подавляетъ разсудокъ, чтобы при такой громадной разницѣ лишить его способности видѣть всю

нелѣпость выбора. Какой чортъ натолкнулъ тебя на выборъ, сдѣланный тобою словно съ завязанными глазами. Зрѣніе безъ осязанія, осязаніе безъ зрѣнія, слухъ безъ рукъ и безъ глазъ, обоняніе безъ всего этого, даже ни одна больная часть нашихъ здоровыхъ чувствъ не могла-бы поступить такъ нелѣпо. О, позоръ! Гдѣ твоя стыдливость? О, кромѣшный адъ! Если ты имѣешь власть такъ сильно распалить страсть въ женщинѣ, достаточно уже зрѣлой, добродѣтель въ глазахъ молодости окажется только воскомъ, тающимъ отъ собственнаго огня. За что-же клеймить позоромъ прегрѣшенія, совершенныя подъ внушеніемъ кипучей страсти, когда даже снѣгъ способенъ воспламеняться, а разумъ позволять распутствовать желанію?!

Королева. О, замолчи, Гамлетъ! Ты заставилъ меня заглянуть въ глубь собственной души, и я вижу въ ней такія черныя, такія упорныя пятна, что ихъ не смоешь ничѣмъ, ничѣмъ на свѣтѣ!

Гамлетъ. И видя эти пятна, продолжать жить въ омерзительномъ хлѣву, дышать смрадными испареніями грязнаго ложа и на кучѣ навоза вкушать наслажденія любви въ объятіяхъ...

Королева. Довольно, ни слова болѣе! Твои слова вонзаются въ мой слухъ, словно кинжалы! Перестань, добрый мой Гамлетъ!

Гамлетъ (*продолжая*). Въ объятіяхъ убійцы, изверга, мерзавца, не стоящаго и двадцатой доли перваго твоего мужа! Шута, изображающаго порока, а не короля! Карманника, похитившаго государство и власть, укравшаго съ полки драгоцѣнный королевскій вѣнецъ и спрятавшаго его въ карманъ.

Королева. Довольно!

Гамлетъ (*продолжая*). Короля изъ лоскутьевъ и изъ заплатъ!... (*Появляется призракъ*). О, стражи неба, спасите меня, защитите меня своими крыльями! Чудный образъ, чего ты хочешь отъ меня?

Королева. О, горе! онъ совсѣмъ сошелъ съ ума!

Гамлетъ. Не затѣмъ-ли ты пришелъ, чтобы укорять нерѣшительнаго сына за то, что онъ, пылая и гнѣвомъ, и жаждой мести, все-таки откладываетъ исполненіе твоего грознаго велѣнія? О, говори!

Призракъ. Не забывай! Являюсь тебѣ на этотъ разъ за тѣмъ, чтобы заострить твою почти совсѣмъ притупившуюся рѣшимость. Но взгляни на мать, она въ ужасѣ. Помоги ей выйти побѣдительницею изъ обуревающей ее душевной борьбы. Заговори съ нею.

Гамлетъ. Что съ вами, матушка!

Королева. Нѣтъ, ты скажи, что съ тобою? Зачѣмъ устремлены твои глаза въ пустое пространство и зачѣмъ обращаешься ты съ разговорами къ безплотному воздуху? Твои растерянные мысли сказываются въ твоихъ дико блуждающихъ взорахъ. Почему, словно разбуженные тревогой воины, становятся дыбомъ твои волосы, лежавшіе до сихъ поръ на твоей головѣ гладко и спокойно, какъ сонные? О, милый мой сынъ, остуди жаръ и пламя своего безумнаго бреда нѣсколькими холодными каплями терпѣнія. На кого ты смотришь?

Гамлетъ. На него! На него! Смотри, какъ онъ блѣденъ и какъ сердито смотрять его глаза. Если бы онъ сталъ проповѣдывать мщеніе даже камнямъ, и они были бы растроганы его видомъ! (*Призраку*). О, не гляди на меня такъ печально, иначе въ смягченной состраданіемъ душѣ угаснетъ твердая рѣшимость и то, что предстоитъ мнѣ сдѣлать, приметъ другую окраску! Я въ отмщенъе за тебя не кровь пролью, а зальюсь слезами.

Королева. Съ кѣмъ ты говоришь?

Гамлетъ. Развѣ ты ничего не видишь?

Королева. Ничего ровно.

Гамлетъ. И ничего не слыхала?

Королева. Ничего, кромѣ нашихъ-же словъ.

Гамлетъ. Смотри сюда!.. Смотри, какъ медленно удаляется онъ, мой отецъ... Одѣтъ онъ такъ-же, какъ обыкновенно бывалъ при жизни... безъ латъ... Смотри, вотъ онъ ужь у двери... (*Призракъ уходитъ*). Ушелъ!

Королева. Все одинъ обманъ зрѣнія, вызванный игрой воображенія, горячечнымъ бредомъ безумія.

Гамлетъ. Воображеніе, бредъ! Нѣтъ, я не брежу! Мой пульсъ бьется такъ-же ровно, какъ и у тебя, и такъ-же мѣрно отбиваетъ тактъ. какъ музыкантъ. То, что я говорилъ, не было плодомъ безумія, и если ты желаешь въ этомъ убѣдиться, я слово въ слово еще разъ готовъ передать тебѣ все, что говорилъ. У сумашедшаго не хватило бы настолькоъ памяти. Нѣтъ, матушка, не пытайся утѣшать сердечное страданіе утоляющимъ боль елеемъ; не успокаивай себя, воображая, будто говоритъ мое безуміе, а не твой проступокъ. Ты этимъ не залечишь, а только затянешь наружную язву, ядовитый гной которой съ непобѣдимой силой разольется по твоимъ внутреннимъ органамъ и заразитъ тебя всею своею незримою заразой. Исповѣдуйся передъ Создателемъ; раскайся во всемъ прошломъ и предупреди бѣды, могущія явиться въ будущемъ; не удобряй сорныя травы навозомъ, отъ котораго онѣ стануть рости еще сильнѣе. Прости мнѣ такую просьбу; въ наше разжирѣвшее и страдающее одышкой время добродѣтель должна просить прощенія у порока и, униженно изгибаясь передъ послѣднимъ, на колѣняхъ молить его, чтобы онъ дозволилъ придти къ нему на помощь.

Королева. О, Гамлетъ, ты надвое разсѣкъ мнѣ сердце.

Гамлетъ. Отбрось негодную часть и, очищенная, живи, сохраняя другую половину. Покойной ночи; но не ходи болѣе на ложе къ дядѣ, и если ты не добродѣтельна, притворись добродѣтельною. Такое чудовище, какъ *привычка*, не слушающее никакихъ разумныхъ доводовъ, обыкновенно являющееся демономъ, вдругъ становится ангеломъ, если она приучаетъ къ доброму, къ хорошему, и такимъ образомъ облакаетъ насъ въ ризы, надѣвать которыя не такъ ужь трудно. Воздержись нынѣшнюю ночь и воздержаніе завтра покажется тебѣ уже менѣе тяжелымъ, а дальнѣйшее еще болѣе легкимъ, такъ какъ сила привычки измѣняетъ даже врожденныя свойства; она способна съ изумительнымъ могуществомъ отражать демона и даже совсѣмъ сокрушать

его. Еще разъ, покойной ночи, и если ты для себя желаешь благословенія Божія, благослови меня (*Указывая на Полонія*). Что-же касается этого господина, я глубоко раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ; небеса хотѣли наказать насъ обоихъ, его черезъ меня, а меня черезъ него; вотъ они и взвалили на меня обязанность явиться и орудіемъ палача, и самимъ палачемъ. Я беру его на свое попеченіе и готовъ отвѣчать за причиненную ему смерть. Ну, еще разъ доброй ночи. Какъ быть, я вынужденъ прибѣгать къ жестокости, чтобы оказаться человѣчнымъ. Начало грустное, но дальше будетъ еще тяжелѣе.

Королева. Что-же мнѣ дѣлать?

Гамлетъ. Отнюдь не то, что я совѣтовалъ. Отправляйтесь опять на ложе къ своему вздущемуся королю, позволяйте ему щипать васъ за щеки, называть своею мышкой, а потомъ, когда онъ парюю омерзительныхъ поцѣлуетъ, щекоча вамъ шею своими проклятыми пальцами и другими ласками вынудить у васъ полное признаніе въ томъ, что произошло межъ нами, скажите ему прямо, что мое мнимое помѣшательство — только хитрость, но что я вовсе не сумасшедшій. Съ вашей стороны это будетъ прекрасно. Сообразите сами, развѣ королевѣ, красивой, умной и цѣломудренной, возможно не сообщить этой жабѣ, этой летучей мыши, этому жирному коту такихъ важныхъ для него тайнъ? Да, кто-бы въ состояніи поступить такъ? Не смотря на здравый смыслъ и на святость довѣренной тайны, влѣзьте съ клѣткой на крышу, отворите дверку, и когда птицы улетятъ, сами, въ видѣ опыта, по примѣру извѣстной обезьяны, влѣзьте въ клѣтку и сломите себѣ шею, грохнувшись на землю.

Королева. Вѣрь, если слово есть дыханіе, а дыханіе жизнь, у меня не хватитъ жизни, чтобы выдохнуть хоть одно слово изъ всего, что ты мнѣ говорилъ.

Гамлетъ. Да, кстати! Знаете ли вы, что меня отправляютъ въ Англію?

Королева. Къ сожалѣнію. Я совсѣмъ забыла, что твой отъѣздъ рѣшенъ.

Гамлетъ (*Про себя*). Уже готовы запечатанныя посланія и доставить ихъ по назначенію поручено двоимъ моимъ школьнымъ товарищамъ, которымъ я довѣряю настолько-же, насколько двумъ ехиднамъ, готовымъ меня ужалить. Имъ поручено указывать мнѣ дорогу и завести меня въ западню. Но пусть они продолжаютъ начатое. Очень будетъ пріятно видѣть, какъ фейерверкера разорветъ имъ-же самимъ изготовленный снарядъ, и окажется верхомъ несчастія, если мнѣ подъ ихъ подкопъ не удастся подвести другой, на одинъ или на два фута глубже, и тѣмъ заставить ихъ взлетѣть до самаго мѣсяца. Да, будетъ весьма забавно посмотрѣть, какъ два хитрые замысла сойдутся на одной линіи лицомъ къ лицу (*Показывая на Полонія*). А тебя, почтенный, придется взвалить на плечи и снести со всѣми твоими кишками въ сосѣдную комнату. Покойной ночи, матушка. Какой у него теперь важный, сосредоточенный видъ, какъ онъ молчаливъ и смиренъ, тогда какъ при жизни этотъ премудрый совѣтчикъ на самомъ дѣлѣ былъ только глупымъ и болтливымъ шутомъ. Ну, почтенный, надо съ тобой покончить. Покойной ночи, матушка. (*Королева уходитъ. Гамлетъ, взваливъ на плечи Полонія, уходитъ за нею*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король и Королева.

Король. Если его глубокіе вздохи, его постоянное разстройство можно объяснить какими-нибудь тайными причинами, ты должна мнѣ ихъ сообщить; намъ слѣдуетъ имѣть о нихъ основательныя понятія. Гдѣ твой сынъ?

Королева. Ахъ, милостивый мой повелитель, какихъ ужасовъ насмотрѣлась я нынѣшней вечеръ!

Король. Что такое, Гертруда? Какимъ тебѣ показался Гамлетъ?

Королева. Совсѣмъ сумасшедшимъ. Бѣснуется, словно море, тягающееся силою съ вѣтромъ. Во время одного изъ такихъ дикихъ припадковъ, что-то зашевелилось; онъ быстро обнажилъ шпагу, съ крикомъ: — «Тамъ крыса, крыса!» прокололъ коверъ и въ безумномъ заблужденіи убилъ спрятаннаго тамъ несчастнаго и почтеннаго старика.

Король. Проступокъ тяжкій. И насъ постигла-бы та-же участь, если-бы мы находились тамъ. Оставлять его на свободѣ невозможно; опасность отъ него угрожаетъ и самой тебѣ, и намъ, и вообще любому человѣку. Кто, напримѣръ, отвѣтитъ за сегодняшнее кровавое дѣяніе? Будутъ винить насъ въ недостаткѣ предусмотрительности. На насъ лежала обязанность во-время удалить изъ общества сумасшедшаго принца. Но привязанность къ молодому безумцу такъ ослѣпляла насъ, что мы не поняли сразу самой понятной вещи. Мы въ данномъ случаѣ поступили такъ-же, какъ человѣкъ, одержимый какою-нибудь отвратительною болѣзнью; человѣку этому стыдно въ ней признаться, и вотъ онъ умираетъ, отъ нея, прогнивъ до мозга костей. Гдѣ-же теперь Гамлетъ?

Королева. Унесъ куда-то убитаго имъ Полонія. Но, словно золото, несмотря на примѣсь менѣе благородныхъ металловъ, душа его все-таки осталась чистой. Онъ горько оплакивалъ совершенный имъ поступокъ.

Король. Уйдемъ, Гертруда! Какъ только солнце выглянетъ изъ-за горы, мы отправимъ Гамлета на корабль. Что-же касается ужаснаго его злодѣянія, намъ придется прибѣгнуть ко всей нашей власти, ко всей нашей ловкости, чтобы объяснить и потушить это дѣло. Эй, Гильденштернъ! (*Входятъ Гильденштернъ и Розенкранцъ*). Друзья мои, возьмите себѣ нѣсколько человѣкъ на подмогу. Гамлетъ въ помѣшательствѣ закололъ Полонія и унесъ его куда-то изъ комнаты матери. Отыщите принца, поговорите съ нимъ ласково, а покойника отнесите въ часовню. Прошу васъ, исполните это поскорѣе (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Пойдемъ, Гертруда. Мы созовемъ самыхъ мудрыхъ изъ нашихъ друзей, объяснимъ имъ наши намѣренія, а также сообщимъ о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ вслѣдствіе недостатка осторожности. Такимъ образомъ

клевета, словно пушечное ядро, несущееся къ цѣли, можетъ не попасть въ насъ, а поразить только неуязвимый воздухъ. Пойдемъ! У меня въ душѣ такой ужасъ, такое смятеніе (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ. Спрятанъ въ надежномъ мѣстѣ.

Голоса за сценой. Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Что тамъ за шумъ? Кто-то зоветъ Гамлета... А, вотъ они идутъ сюда (*Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Розенкранцъ. Принцъ, что сдѣлали вы съ трупомъ?

Гамлетъ. Смѣшалъ его съ прахомъ, съ которымъ онъ въ близкомъ родствѣ.

Розенкранцъ. Скажите, куда вы его спрятали, чтобы мы могли отнести его въ часовню.

Гамлетъ. И не воображайте.

Розенкранцъ. Чего?

Гамлетъ. Чтобы я сталъ хранить ваши тайны, а не свои. Потомъ, какой отвѣтъ можетъ дать королевскій сынъ, когда его допрашиваетъ какая-то губка?

Розенкранцъ. Развѣ, принцъ, вы принимаете меня за губку?

Гамлетъ. Да, милѣйшій, за губку, впивающую въ себя милости короля, его подачки и даже часть его власти. Впрочемъ, такого рода приспѣшники оказываютъ иногда королю очень большія услуги. Нашъ король кладетъ ихъ за щеку, какъ обезьяна пищу, чтобы хорошенько прожевать ихъ ранѣе, чѣмъ проглотить. Когда ему понадобится обратно то, чѣмъ вы отъ него поживились, онъ только выжметъ васъ, какъ губку, и вы снова сдѣляетесь сухи.

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ. Плутоватая рѣчь въ глупомъ ухѣ спить.

Розенкранцъ. Вы, принцъ, обязаны сказать намъ, гдѣ мертвое тѣло, и пойти съ нами къ королю.

Гамлетъ. Тѣло до сихъ поръ у короля, хотя король еще не у тѣла. Король есть нѣчто.

Гильденштернъ. Что-же такое, принцъ?

Гамлетъ. Нѣчто ничего не стоящее. Ведите меня къ нему. Станемъ играть въ прятки (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая комната.

Входитъ Король со свитою.

Король. Я приказалъ разыскать и его, и трупъ. Оставлятъ этого человѣка на свободѣ очень опасно, но относительно его нельзя прибѣгать къ слишкомъ суровымъ мѣрамъ, требуемымъ закономъ. Безсмысленная толпа любитъ его до обожанія, такъ-какъ ея любовью руководятъ не разсудокъ, а глаза; въ подобныхъ случаяхъ она взвѣшиваетъ не самое преступленіе, а только тяжесть наказанія. Для того, чтобы все прошло тихо и гладко, необходимо, чтобы внезапный отъѣздъ принца имѣлъ видъ чего-то строго обдуманнаго и рѣшеннаго еще ранѣе. Когда положеніе больного отчаянно, необходимо прибѣгать тоже къ отчаяннымъ средствамъ (*Входитъ Розенкранцъ*) или ровно ни къ какимъ. (*Розенкранцу*). Ну, что? Какъ обстоитъ дѣло?

Розенкранцъ. Мы никакъ не могли добиться, куда съспряталъ трупъ.

Король. А гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ. Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ за нимъ зорко наблюдаютъ въ ожиданіи минуты, когда вашему величеству угодно будетъ призвать его.

Король. Пусть его приведутъ сейчасъ-же.

Розенкранцъ. Эй, Гильденштернъ, веди сюда принца.

Входятъ Гамлетъ и Гильденштернъ.

Король. Отвѣчай-же, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На ужинѣ.

Король. Какъ, на ужинѣ? Гдѣ?

Гамлетъ. Тамъ, гдѣ не онъ ѣсть, а гдѣ ѣдятъ его. Около него въ довольно значительномъ количествѣ образовался политическій съѣздъ червей. Относительно ѣды, червь царь всѣмъ царямъ. Мы откармливаемъ разныхъ животныхъ, чтобы они откармливали насъ; мы-же откармливаемъ себя для червей. Жирный король и тощій нищій только разные виды угощенія, два разныхъ блюда на одномъ и томъ-же столѣ. Вотъ и все.

Король. Увы! Увы!

Гамлетъ. Человѣкъ можетъ при помощи червя, съѣвшаго короля, выудить рыбу, и самъ съѣсть ее, съѣвщую червя.

Король. Что ты хочешь этимъ сказать?

Гамлетъ. Ничего. Я хотѣлъ только пояснить вамъ, какъ король можетъ совершить путешествіе по кишкамъ бѣдняка.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ. Пошлите кого-нибудь узнать, такъ-ли это? а если его тамъ не окажется, ищите его сами въ противоположной сторонѣ. Впрочемъ, если вы не найдете его въ теченіе этого мѣсяца, вашъ носъ вынюхаетъ его присутствіе подъ лѣстницей, ведущей на галерею. Король (*нѣкоторымъ изъ свиты*). Отыщите его.

Гамлетъ. Будьте покойны; онъ дожидается вашего прихода (*Нѣкоторые изъ свиты удаляются*).

Король. Гамлетъ, какъ ни скорбимъ мы о твоёмъ ужасномъ поступкѣ, твоя безопасность намъ все-таки дорога и вотъ, ради нея-то, ты долженъ съ быстротою молніи покинуть Данію. Приготовься-же. Корабль снаряжень; вѣтеръ дуетъ попутный, спутники твои ожидаютъ тебя, сдѣланы уже всѣ распоряженія для твоей поѣздки въ Англію.

Гамлетъ. Въ Англію?

Король. Да.

Гамлетъ. Хорошо.

Король. Ты принялъ это извѣстіе такъ, какъ будто заранѣе зналъ о нашихъ намѣреніяхъ.

Гамлетъ. Я выдаюсь съ нѣкимъ херувимомъ, который ихъ видитъ. Хорошо, отправимся въ Англію. Прощайте, милая матушка,

Король. Нѣтъ, Гамлетъ, любящій тебя отецъ.

Гамлетъ. А я говорю: — мать. Отецъ и мать — вѣдь мужъ и жена, а мужъ и жена — одна плоть, поэтому я и называю васъ матерью. Ну, теперь ѣдемъ въ Англію (*Уходитъ*).

Король (*Розенкранцу и Гильденштерну*). Слѣдуйте за нимъ по пятамъ и заманите его поскорѣе на корабль. Я хочу, чтобы онъ отплылъ непременно сегодня-же. Все, что нужно для этого дѣла, уже исполнено и скрѣплено печатями. Поторопитесь-же, прошу васъ. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Ну, любезный братъ нашъ, король англійскій, если ты настолько дорожишь нашею дружбою, насколько тебѣ это совѣтуетъ наше великое могущество, — вѣдь рубецъ, нанесенный тебѣ датскимъ мечемъ, еще не зажилъ: онъ все еще красенъ, и ты до сихъ поръ платишь намъ дань уваженія, — ты исполнишь наше державное желаніе, ясно выраженное въ моемъ посланіи къ тебѣ и требующее немедленной смерти Гамлета. Поспѣши, король Англій, исполнить это, потому что онъ портитъ мнѣ кровь и волнуетъ ее хуже, чѣмъ горячка, и ты долженъ исцѣлить меня. Не видать мнѣ радости, не вкушать покоя, пока я не узнаю, что дѣло это исполнено. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входитъ Фортинбрасъ со своимъ войскомъ.

Фортинбрасъ. Отправьтесь, капитанъ, и привѣтствуйте отъ моего имени короля датскаго. Скажите ему, что съ его согласія Фортинбрасъ просить разрѣшенія пройти съ своимъ войскомъ по его владѣніямъ. Вы знаете, гдѣ назначено мѣсто свиданія. Если его величество чего-нибудь отъ насъ

потребуется, мы явимся лично, чтобы засвидѣтельствовать ему свое уваженіе. Передайте это ему.

Капитанъ. Будетъ передано, принцъ.

Фортинбрасъ. Ну, теперь впередъ, только осторожно (*Уходитъ съ своимъ войскомъ*).

Появляются Гамлетъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ (*капитану*). Сдѣлайте одолженіе, скажите, кому принадлежитъ это войско?

Капитанъ. Норвегіи.

Гамлетъ. А куда оно направляется?

Капитанъ. Оно идетъ противъ одной части Польши.

Гамлетъ. Подъ чьимъ-же начальствомъ?

Капитанъ. Подъ начальствомъ Фортинбраса, племянника норвежскаго короля.

Гамлетъ. Думаетъ-ли онъ проникнуть въ самое сердце Польши или дальше границъ не поидетъ?

Капитанъ. Говоря безъ преувеличенія, мы идемъ отвоевывать себѣ небольшой клочекъ этого государства; Доходъ съ этого клочка — чисто нарицательный. Если бы мнѣ предложили взять его на аренду, я не далъ бы за него и пяти червонцевъ, даже и тѣхъ-бы не далъ. Если-бы Норвегіи или Польшѣ вздумалось продавать его въ вѣчное владѣніе, то и тогда никто не далъ бы дороже.

Гамлетъ. Значитъ, поляки не будутъ его отстаивать?

Капитанъ. Напротивъ; войско для его защиты уже собрано.

Гамлетъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ о соломенкѣ, придется загубить двѣ тысячи душъ и истратить двадцать тысячъ червонцевъ. Вотъ нарывъ, образовавшійся отъ слишкомъ большаго изобилія и отъ слишкомъ продолжительнаго мира; онъ вскроется внутрь и причинитъ больному смерть... Благодарю васъ за свѣдѣнія.

Капитанъ. Да хранить васъ милость Божія (*Уходитъ*).

Розенкранцъ. Принцъ, угодно вамъ продолжать путь?

Гамлетъ. Идите впередъ; я скоро догоню васъ (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Эта встрѣча служитъ мнѣ живымъ укоромъ и подстрекаетъ меня къ немедленному мщенію. Что такое человекъ, если онъ лучшими благами жизни, высшимъ благополучіемъ считаетъ сонъ и ѣду? Въ такомъ случаѣ онъ только животное. Разумѣется, тотъ, кто создалъ насъ, одарилъ насъ всеобъемлющимъ разумомъ, способностью заглядывать и въ прошлое, и въ будущее, надѣлилъ насъ этими неоцѣненными дарами, не для того, чтобы они коснѣли въ насъ бездѣятельно. Что заставляетъ меня медлить? — скотская-ля забывчивость или не въ мѣру осторожная щепетильность, привыкшая слишкомъ тщательно вглядываться въ послѣдствія, тогда какъ,

раздѣливъ эту шепетильность на четыре части, только въ одной изъ нихъ найдемъ долю здраваго смысла, а въ трехъ остальныхъ ничего, кромѣ трусости?.. Не знаю самъ, почему я до сихъ поръ все продолжаю говорить себѣ: — «Необходимо сдѣлать то-то», когда у меня есть основаніе, желаніе, сила и возможность это сдѣлать? Примѣры, такіе-же вѣскіе, какъ сама земля, наталкиваютъ меня на это. Свидѣтельствомъ тому служить вотъ это многочисленное и сильное войско, подъ предводительствомъ юнаго принца, отвагу котораго подкрѣпляетъ божественное честолюбіе, идущее впередъ на встрѣчу самымъ грознымъ опасностямъ, даже смерти, съ полнымъ пренебреженіемъ относясь къ невидимымъ угрозамъ, а изъ-за чего? — изъ-за какого-то выѣденнаго яйца. Чтобы оказаться истинно великимъ человѣкомъ, не слѣдуетъ быть слишкомъ уступчивымъ безъ крупныхъ и основательныхъ на то причинъ; надо спорить даже изъ-за соломенки, если затронута честь... Но что-ж такое я, имѣющій полное основаніе мстить за смерть отца, за позоръ матери, а все-таки, словно сонный, остающійся въ бездѣйствіи? Между тѣмъ я вижу, какъ мимо меня двадцать тысячъ человѣкъ идутъ на неизбѣжную гибель изъ-за пустаго призрака мишурной славы, идутъ на вѣрную смерть, какъ на постель, изъ-за ничтожнаго клочка земли, который окажется для ихъ труповъ слишкомъ тѣсною могилой. О, вы мои помыслы, всѣ вы будете отнынѣ или кровожадны, или ничтожны! (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Королева и Гораціо.

Королева. Я не хочу ее видѣть.

Гораціо. Однако, она настаиваетъ. Она, очевидно, не въ своемъ умѣ, но очень жалка.

Королева. Чего она хочетъ?

Гораціо. Она много говоритъ объ отцѣ, увѣряетъ, будто всюду на свѣтѣ одинъ обманъ, вздыхаетъ, бьетъ себя кулаками въ грудь и раздражается отъ каждой малости, топаетъ ногами, а затѣмъ раздражается рѣчами, въ которыхъ только на половину доберешься смысла. Слова ея бессмысленны, однако, они вызываютъ раздумье въ тѣхъ, кто ихъ слышитъ. Ищешь послѣдовательности въ этихъ словахъ и стараешься найти связь въ ея безсвязныхъ мысляхъ. По вздрагиванію ея вѣкъ, по качанію головою, по движеніямъ, сопровождающимъ то и другое, право, можно подумать, будто во всемъ томъ есть мысль, хотя и неопредѣленная, но горькая и мрачная. Вамъ слѣдовало-бы принять ее, чтобы своимъ отказомъ повидаться съ нею не возбудить толковъ среди нерасположенныхъ вамъ людей.

Королева. Пускай войдетъ (*Гораціо уходитъ*). Таково уже свойство поступка, что для больной моей души каждая мелочь служитъ предвѣстницей какой-то ужасной бѣды. Преступленіе всегда ведетъ къ глупому недоувѣрію и, боясь обличенія, только обличаетъ само себя.

Гораціо возвращается съ Офеліей.

Офелія. Гдѣ красавица королева Даніи?

Королева. Что съ тобою, Офелія?

Офелія (*поетъ*). Почемъ-же отличу я друга своего,

Когда среди другихъ идетъ онъ мимо?—

Да по сандаліямъ, по посоху, потомъ

По круглой шляпѣ пилигрима.

Королева. Милая дѣвушка, что хочешь ты сказать своею пѣсней?

Офелія. Слушайте и узнаете (*Поетъ*).

Ахъ, умеръ онъ, царица, умеръ онъ.

Навѣкъ угасъ въ немъ жизни пламень.

Подъ головой его зеленый дернъ,

А на груди тяжелый камень.

Боже! Боже! (*Рыдаетъ*).

Королева. Послушай, Офелія.

Офелія. Нѣтъ, слушайте вы (*Поетъ*).

Бѣлый саванъ его, что былъ снѣга бѣлѣй...

Входитъ Король.

Королева. Посмотрите, государь, какая жалость!

Офелія (*продолжая*) ... что былъ снѣга бѣлѣй

Дальнихъ горъ, забросали цвѣтами,

И въ могилу его коченѣющій трупъ

Проводили мы всѣ со слезами.

Король. Какъ поживаешь, хорошенькая Офелія?

Офелія. Ничего, не дурно. Благослови васъ Богъ за вниманіе. Говорятъ, сова когда-то была дочерью пекаря. Мы, государь, всѣ, знаемъ, что мы такое, но не можемъ ручаться, чѣмъ сдѣлаемся. Да осчастливить Господь вашу трапезу своимъ присутствіемъ.

Король. Что это? намекъ на отца?

Офелія. Прошу васъ, перестанемъ говорить объ этомъ, но когда васъ спросятъ, что это значитъ, отвѣчайте!.. (*Поетъ*).

Завтра Валентиновъ день,

И когда заря забрежжетъ,

Милый мой, явлюся я

Предъ твоимъ окошкомъ».

И пришла. Онъ отперъ дверь.

Сжалъ ее въ объятяхъ;

Та дѣвицею вошла

Но ушла съ изъяномъ.

Король. Перестань, Офелія.

Офелія. Не бойтесь! богохульствовать я не стану (*Поетъ*).

Онъ жениться обѣщаль,

Я къ нему взываю...

А какъ вы думаете, что онъ отвѣтилъ? (*Поетъ*).

Если клятвы я забылъ,

Ты-же виновата.

Дурно, вѣдь, это? Дурно? (*Поетъ*).

Стыдъ, неправда-ли, какой?

Но, клянусь Пріаномъ,

Всюду, всюду молодежь

Такъ-же поступаетъ.

Король. Давно она въ такомъ положеніи?

Офелія. Я еще надѣюсь, что все уладится. Надо ждать терпѣливо, а я все-таки не могу удержаться отъ слезъ, когда вспомню, что его положили въ холодную землю. — Братъ все узнаеть... Затѣмъ благодарю васъ за добрый совѣтъ... Гдѣ-жъ моя карета? Покойной ночи вамъ, добрая королева, и вамъ, прекрасныя дамы! Покойной ночи! Покойной ночи! (*Убѣгаетъ*).

Король (*обращаясь къ Гораціо*). Прошу тебя, ступай за нею; слѣди за каждымъ ея шагомъ (*Гораціо уходитъ*). Все это ядъ глубокой скорби, всецѣло вызываемый смертью отца. Видишь-ли, Гертруда, когда является несчастье, оно идетъ не одно, а цѣлыми толпами. Сначала смерть отца, потомъ отъѣздъ твоего сына, единственнаго виновника собственнаго изгнанія. Затѣмъ чернь, подъ вліяніемъ разныхъ предположеній на счетъ исчезновенія преданнаго Полонія, начинаетъ волноваться. Мы поступили неосмотрительно, похоронивъ старика тайно. Бѣдная Офелія сошла съума, а безъ этой высокой способности, что такое человѣкъ? — кукла, животное... Но вотъ-что всего тревожнѣе: братъ Офеліи тайно вернулся изъ Франціи. Юноша этотъ рветъ и мечетъ и, окутывая свои дѣйствія туманами, очевидно что-то замышляетъ. У него нѣтъ недостатка въ наушникахъ, вкривъ и вкось передающихъ ему черныя подробности о смерти отца, а въ ней, по недостатку болѣе точныхъ свѣдѣній, не постыдятся обвинять насъ. Все это, дорогая Гертруда, наноситъ намъ множество мучительныхъ и совсѣмъ излишнихъ ранъ (*За сценой шумъ*).

Королева. Боже мой, что тамъ за шумъ?

Торопливо входитъ придворный.

Король. Позвать стражу! Пусть она тщательно охраняетъ всѣ двери! Что тамъ такое?

Придворный. Спасайтесь, государь! Вышедшія изъ своихъ предѣловъ морскія волны не такъ быстро заливаютъ равнину, какъ Лаэртъ во главѣ возстанія сокрушаетъ преданныхъ вамъ слугъ. Возмутившаяся чернь называетъ его своимъ властелиномъ. Можно подумать, будто міръ только-что начинаетъ свое существованіе; всѣ древнія преданія забыты, и эта чернь, отвергая обычаи при избраніи новаго вѣнценосца, которыми только и крѣпка верховная власть, горланитъ: — «Мы избираемъ Лаэрта! Онъ будетъ нашимъ королемъ!»! Она махаетъ шапками, рукоплещетъ и такъ громко оретъ: «Лаэртъ будетъ нашимъ королемъ. Лаэртъ нашъ король!» что я думаю крики эти долетаютъ до облаковъ.

Королева. Съ какимъ злораднымъ лаемъ мчатся по ложному слѣду сбившіеся съ пути, вѣроломные датскіе псы.

Король. Двери взломаны (*Шумъ за сценой усиливается; вбѣгаетъ Лаэртъ съ обнаженнымъ мечомъ. За нимъ датчане*).

Лаэртъ. Гдѣ король? А вы, друзья, останьтесь за дверями.

Датчане. Нѣтъ, мы остаемся съ тобою.

Лаэртъ. Нѣтъ, прошу васъ, предоставьте дѣйствовать мнѣ.

Датчане. Хорошо, пожалуй.

Лаэртъ. Благодарю васъ. Охраняйте двери (*Датчане уходятъ*). Ну, гнусный король, верни мнѣ моего отца!

Королева. Успокойся, любезный Лаэртъ!

Лаэртъ. Каждая успокоившаяся капля моей крови провозгласитъ меня незаконнорожденнымъ. Она броситъ въ лицо моему отцу слово: — «Рогоносецъ», а мою честную, цѣломудренную, безупречную мать заклеятъ названіемъ потаскушки!

Король. Скажи, Лаэртъ, почему ты своему возмущенію стараешься придать такіе исполинскіе размѣры? Что ото значить? Оставь его, Гертруда; не бойся за нашу особу. Божество ограждаетъ личность королей такую непроницаемою стѣною, что измѣна только выкажетъ свои намѣренія, но для осуществленія ихъ останется безсильной (*Лаэрту*) Скажи, что такъ вскипятило тебя? Не мѣшай ему, Гертруда. Говори, Лаэртъ.

Лаэртъ. Гдѣ мой отецъ?

Король. Умеръ.

Королева. Но въ его смерти король не виноватъ.

Король. Предоставь ему обращаться съ вопросами ко мнѣ.

Лаэртъ. Что было причиной его смерти? Я не дозволю, чтобы меня дурачили! Къ чорту вѣрноподданичество! Ко всѣмъ чернѣйшимъ чертямъ данная присяга! Совѣсть, богобоязнь, ну васъ въ преисподнюю. Я готовъ осудить свою душу на вѣчныя адскія муки! Да, я пожертвую свою жизнь и въ здѣшнемъ, и въ будущемъ мірѣ... Пусть будетъ, что будетъ! Я хочу только одного — до конца довести отмщеніе за смерть отца!

Король. Кто-же тебя удерживаетъ?

Лаэртъ. Собственная воля! Если бы меня вздумалъ удерживать весь міръ, я-бы его не послушался. Что-же касается моихъ средствъ, — я буду распоряжаться ими такъ осторожно, что съ немногимъ достигну многого!

Король. Любезный Лаэртъ, желая узнать истинную причину смерти твоего отца и узнавъ ее, намѣренъ-ли ты для осуществленья мести, да, намѣренъ-ли ты не щадить никого, безпощадно сокрушать всѣхъ: — и враговъ, и друзей, и выигравшихъ, и проигравшихъ?

Лаэртъ. Только врагамъ его пощады не будетъ!

Король. Хочешь-ли теперь узнать, кто эти враги?

Лаэртъ. Для друзей-же его я широко раскрою объятія и, подобно пеликану, жертвующему жизнью для своихъ птенцовъ, для нихъ я пожертвую всею своею кровью!

Король. Вотъ это рѣчь и любящаго сына, и настоящаго рыцаря. Что самъ я нисколько неповиненъ въ смерти твоего отца, что я глубоко скорблю о немъ, скоро станетъ такъ-же яснымъ для твоего разсудка, какъ и Божій день.

Датчане (*За сценой*). Не удерживайте ее. Пусть войдетъ.

Лаэртъ. Что тамъ за шумъ? (*Входитъ Офелія, причудливо убранная цвѣтами и соломой*). Огонь небесный, изсуши мой мозгъ! Трижды соленыя слезы, выжгите мои глаза и лишите ихъ способности видѣть. Офелія, клянусь небесами, что за твое сумасшествіе я до тѣхъ поръ не перестану наносить самыя вѣскіе удары, пока наша чашка вѣсовъ не перетянетъ! О, майская роза! О, дорогая дѣвушка! О, безцѣнная сестра, очаровательная Офелія!... Боже, неужто разсудокъ молодой дѣвушки такъ-же хрупокъ, какъ и жизнь дряхлаго старца?... Человѣческая природа впечатлительна въ высшей степени: — за горькую утрату мы платимся лучшею частью насъ самихъ.

Офелія (*поетъ*).

Схоронили его съ непокрытымъ челомъ...

Горе мнѣ, горе мнѣ, неутѣшное горе!

И поднявшійся холмъ, холмъ могилы его

Мы потоками слезъ оросили...

Прощай, мой голубчикъ!

Лаэртъ. Если бы ты сохранила разсудокъ и подстрекала меня на мщеніе, слова твои не были-бы такъ убѣдительны, какъ твое сумасшествіе.

Офелія. Ну, пойте-же и вы со мной! (*Поетъ*). Схоронили его, схоронили!... (*Говоритъ*). А какъ кстати этотъ припѣвъ! Дѣло, вѣдь, идетъ о вѣроломномъ управителѣ, погубившемъ дочь своего хозяина.

Лаэртъ. Въ такихъ, повидимому, ничтожныхъ подробностяхъ, однако, таится глубокой смыслъ.

Офелія (*разбирая цвѣты*). Вотъ розмаринъ... Это для памяти... Не забывай, милый, не забывай!... А вотъ и анютины глазки; это тоже, чтобы думалъ обо мнѣ.

Лаэртъ. Даже и въ сумасшествіи она даетъ намъ полезный урокъ не отдѣлять мыслей отъ памяти.

Офелія (Королю). Вотъ укропъ. Это для васъ, а также и колокольчики (Королеву). Вотъ вамъ рута... но одну былинку я оставляю себѣ. Ее набожно называютъ травкой благодати, но для васъ она имѣетъ другой смыслъ, чѣмъ для меня... А вотъ ноготки... Я принесла бы вамъ и фіялокъ, но всѣ онѣ тотчасъ-же завяли, какъ только умеръ отецъ... Говорятъ, смерть его не была мучительна (Поетъ).

Ты, Робинъ дорогой,
Моя вся радость...

Лаэртъ. О, горе, грусть, отчаяніе и даже ты, адское бѣшенство, — она всѣмъ вамъ придаетъ поразительную прелесть!

Офелія (поетъ). Онъ не вернется къ намъ,
Во вѣки не вернется.
Вѣдь умеръ онъ, похороненъ.
Изъ гроба онъ не встанетъ
И не вернется къ намъ.
А борода его
Была бѣлѣе снѣга...
Но умеръ онъ, похороненъ.
Ни слезы, ни рыданья
Намъ не вернуть его...
О, Боже, прахъ его
Пускай почиетъ съ миромъ.

Я не перестану молиться за всѣ христіанскія души... Да будетъ на васъ Божіе благословеніе! (Убѣгаетъ.)

Лаэртъ. Создатель мой, видишь ты все это?

Король. Позволь мнѣ, Лаэртъ, присоединиться къ твоей скорби; отказомъ ты лишишь меня священнаго права. Уйдемъ пока отсюда. Избери изъ среды своихъ друзей людей наиболѣе разумныхъ; они услышатъ насъ и будутъ судьями между тобой и нами. Если они найдутъ, что мы прямо или косвенно виноваты хоть въ чемъ нибудь, мы въ вознагражденіе обязуемся отдать тебѣ нашу корону, нашу жизнь, словомъ, все, что мы считаемъ своимъ. Если-же мы окажемся невиноватыми ни въ чемъ, удѣли мнѣ частицу терпѣнія, и мы станемъ дѣйствовать заодно, чтобы твоя жажда мести была удовлетворена по всей справедливости.

Лаэртъ. Согласенъ. Самый родъ его смерти, тайныя похороны, въ которыхъ надъ его гробомъ не развѣвались знамена, мечъ и боевые доспѣхи не лежали надъ его прахомъ; не было ничего торжественнаго, какъ оно слѣдовало-бы при похоронахъ человѣка, занимавшаго такой высокій санъ, все это вопіетъ такъ громко, словно само небо трубятъ объ этомъ землѣ и требуетъ строгаго изслѣдованія.

Король. Никто тебѣ въ этомъ препятствовать не будетъ, а затѣмъ пусть твой грозный топоръ поразитъ виновнаго. Прошу тебя, идемъ со мной. (Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Комната у Гораціо.

Входятъ Гораціо и Слуга.

Гораціо. Кто-же хочетъ со мною видѣться?

Слуга. Какіе-то матросы. Они увѣряютъ, будто у нихъ есть къ вамъ письмо.

Гораціо. Зови ихъ (*Слуга уходитъ*). Не понимаю, изъ какой части свѣта могло прибыть ко мнѣ это посланіе... Можетъ-быть, оно отъ принца Гамлета? (*Входятъ два матроса*).

1-й матросъ. Благослови васъ Богъ.

Гораціо. И тебя также.

1-й матросъ. Такъ оно и будетъ, если окажется угоднымъ Богу. Вотъ вамъ письмо отъ того посла, что уѣхалъ было въ Англію. Оно къ вамъ, если мнѣ сказали правду, что васъ зовутъ Гораціо.

Гораціо (*Читаетъ*). «Гораціо, когда ты прочтешь эти строки, найди возможность препроводить обоихъ молодцовъ къ королю; у нихъ къ нему есть отъ меня письма. Не провели мы и двухъ дней на морѣ, какъ за нами погналось вооруженное по военному судно морскихъ разбойниковъ. Видя, что мы вооружены не такъ сильно, какъ оно, и что ходъ у нашего паруснаго корабля медленнѣе, разбойники напали на насъ, и мы рѣшились на отчаянное средство. Я приказалъ идти на бордажъ, и мы сцѣпились. Вдругъ разбойничье судно отдѣлилось отъ нашего, и я одинъ остался въ плѣну. Разбойники оказались людьми милосердыми, такъ-какъ въ ихъ рукахъ я очутился доходною статьею. Постарайся, чтобы посылаемые письма подали въ руки къ королю, и поспѣши ко мнѣ на встрѣчу съ такою-же быстротою, какъ будто по пятамъ за тобою гонится смерть. Ты услышишь отъ меня такія слова, что онѣмѣешь отъ изумленія; но они все-таки останутся ниже того, о чемъ въ нихъ будетъ идти рѣчь. Матросы укажутъ тебѣ то мѣсто, гдѣ я нахожусь. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ плыть въ Англію. Мнѣ нужно многое рассказать тебѣ на ихъ счетъ. Прощай. Извѣстный тебѣ Гамлетъ.» (*Матросамъ*). Хорошо, идите за мною; я доставлю вамъ случай передать письма... Но торопитесь сдѣлать это скорѣе, чтобы проводить меня къ тому, кто васъ сюда прислалъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король и Лаэртъ.

Король. Совѣсть твоя должна теперь скрѣпить свою печатью мое оправданіе. Зная, что убійца твоего благороднаго отца собственно покушался на мою жизнь, ты долженъ вписать меня въ число своихъ друзей.

Лаэртъ. Сдается мнѣ, что это было именно такъ. Но скажите, почему вы за такія возмутительно преступныя дѣянія не подвергли виноватаго законной отвѣтственности, какъ, казалось-бы, должны были вамъ подсказать личная ваша безопасность, ваше величіе и ваша мудрость?

Король. Поступить меня такъ заставили двѣ особенно важныя причины. Тебѣ онѣ, пожалуй, покажутся недостаточно основательными, но для меня онѣ крайне важны. У королевы, его матери, почти только и свѣта въ глазахъ, что онъ, а съ нею, — не знаю, достоинство это или крупный недостатокъ, — до того сильно связаны и жизнь моя и душа, что я не могу сдѣлать безъ нея ни шагу, какъ не можетъ двигаться спутникъ безъ своего свѣтила. Другая причина, заставившая меня отказаться отъ гласнаго слѣдствія, — необыкновенная любовь къ Гамлету въ народѣ или точнѣе въ простонародьѣ. Эта любовь въ его глазахъ омыла-бы Гамлета отъ всѣхъ прегрѣшеній, и какъ воды источника, превращающія дерево въ камень, превратила бы цѣли принца въ святыню. Вслѣдствіе этого мои слишкомъ легковѣсныя стрѣлы, вмѣсто того, чтобы попасть въ цѣль, обратились бы, при такой сильной бурѣ, противъ меня-же самаго.

Лаэртъ. Однако, я лишился отца, человѣка благороднѣйшаго; сестра, которая, — если можно восхвалять то, чего уже больше нѣтъ, — во всѣ времена считалась бы образцомъ всѣхъ совершенствъ, доведена до безнадежнаго положенія. Но я отомщу за все!

Король. Не лишай себя изъ за этого сна. Не воображай, будто вещество, изъ котораго мы созданы, такъ дрябло, такъ негодно, что оно на всѣ наносимыя ему обиды способно смотрѣть, какъ на пріятное препровожденіе времени. Я выскажусь даже болѣе ясно. Я любилъ твоего отца такъ-же искренно, какъ мы любимъ самихъ себя, и это заявленіе, конечно, убѣдитъ тебя. *(Входитъ посоль).* Что нужно? Развѣ есть какія-нибудь извѣстія?

Посоль. Письма отъ принца Гамлета, государь. Вотъ это къ вашему величеству, а другое въ королевѣ.

Король. Отъ Гамлета? Кто ихъ принесъ?

Посоль. Говорятъ, государь, какіе-то матросы. Самъ я ихъ не видалъ; письма принялъ Клавдіо и передалъ ихъ мнѣ. *(Уходитъ).*

Король. Слушай, Лаэртъ, я пречту тебѣ письмо *(Читаетъ)*. «Великій и могущественный государь! Симъ извѣщаю васъ, что я высаженъ на берегъ въ границахъ вашихъ владѣній, и прошу позволенія завтра лично явиться передъ лицо вашей королевской особы. Тогда, испросивъ у васъ разрѣшенія, я изъясню вамъ причины моего крайне неожиданнаго и еще болѣе страннаго возвращенія. Гамлетъ». Что это значитъ? одинъ вернулся онъ или съ нимъ и другіе? Нелѣпая шутка это или въ самомъ дѣлѣ правда?

Лаэртъ. Его-ли это почеркъ?

Король. Несомнѣнно его. А вотъ и приписка. Въ ней сказано: — «Возвращаюсь одинъ»... Что мнѣ дѣлать? Какъ ты совѣтуешь?

Лаэртъ. Самъ я, государь, совершенно растерялся. Но пусть возвратится. Терзающій мою душу недугъ исцѣлится, когда я доживу до радостной минуты бросить ему прямо въ лицо грозныя слова: — «Вотъ что ты сдѣлалъ!»

Король. Нѣтъ, такъ нельзя... Но какъ-же быть иначе?.. Лаэртъ, предоставь мнѣ право руководить тобою.

Лаэртъ. Охотно, государь, но подѣ непремѣннымъ условіемъ, что вы не потребуете примиренія.

Король. Нѣтъ, я только примирю тебя съ тобою самимъ. Если вѣрно то, что онъ вернулся, онъ, вѣроятно, откажется снова предпринять поѣздку въ Англію, такъ-какъ она и прежде была ему не по душѣ. Тогда я подвергну его испытанію, планъ котораго быстро сложился у меня въ мозгу, а отъ этого испытанія онъ не откажется ни за что на свѣтѣ. Смерть его при такихъ обстоятельствахъ ни съ чьей стороны не вызоветъ ни малѣйшаго неудовольствія, и даже родная мать припишетъ ее простой случайности.

Лаэртъ. Государь я готовъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ, и вы очень очастливите меня, избравъ меня орудіемъ кары.

Король. Такъ именно и будетъ. Послѣ твоего отъѣзда, здѣсь, въ присутствіи Гамлета, сильно превозносили одну изъ твоихъ способностей, которою ты будто-бы просто блистаешь. Изъ всѣхъ твоихъ качествъ, взятыхъ вмѣстѣ, какъ мнѣ показалось, именно эта способность, — хотя лично я не придаю ей особеннаго значенія, — вызвала въ Гамлетѣ сильную зависть.

Лаэртъ. Какая-же это способность, государь?

Король. Она не болѣе, какъ лента на шапкѣ юноши, но какъ украшеніе, все-таки необходима. Легкія и щеголеватыя украшенія такъ-же приличны молодежи, какъ старикамъ мѣховыя одежды, сохраняющія здоровье и придающія почтенный видъ. Мѣсяца два тому назадъ, здѣсь проживалъ нормандскій дворянинъ. Я прежде видалъ французовъ, даже самъ сражался съ ними, поэтому знаю, что они отлично ѣздятъ верхомъ. Но этотъ нормандецъ былъ просто изумительный наѣздникъ. Онъ какъ будто приросталъ къ сѣдлу; заставляя коня продѣлывать самыя удивительныя штуки, онъ, казалось, срастался съ благороднымъ животнымъ. Я до того былъ пораженъ, что воображеніе отказывалось представлять себѣ еще что-нибудь подобное.

Лаэртъ. Вы говорите, онъ нормандецъ?

Король. Нормандецъ.

Лаэртъ. Клянусь жизнью, то вѣрно былъ Ламондъ.

Король. Онъ самый.

Лаэртъ. Я его коротко знаю. Онъ дѣйствительно краса, жемчужина своей страны.

Король. Какъ ни былъ онъ искусенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, онъ во многомъ, а особенно въ умѣнны владѣть рапирой, отдавалъ тебѣ преимущество передъ собою и увѣрялъ, что было бы чудомъ, если-бы кто-

нибудь въ этомъ отношеніи дерзнулъ тягаться силами съ тобою. Онъ говорилъ, что на его родинѣ ни одинъ самый знаменитый фехтовальщикъ не отличается ни такою красотою движеній, ни такими страстными порывами, ни такою вѣрностью взгляда и ловкостью руки, какъ ты. Эти отзывы до такой степени возбуждали въ Гамлетѣ зависть и жажду соревнованія, что онъ много разъ требовалъ твоего возвращенія въ Данію, чтобы имѣть случай сразиться съ тобою. Вотъ изъ этого-то мы извлечемъ то, что намъ нужно.

Лаэртъ. Что-же именно, государь?

Король. Скажи, дѣйствительно-ли ты горячо любилъ отца, или твое отчаяніе только внѣшній обликъ скорби, одно внѣшнее проявленіе, въ которомъ не участвуетъ сердце?

Лаэртъ. Зачѣмъ задаете вы мнѣ этотъ вопросъ, государь?

Король. Не думай, будто я заподозрѣваю тебя въ недостаточной любви къ отцу. Нисколько! — но я знаю, что любовь покорна времени; по опыту, основанному на многочисленныхъ наблюденіяхъ, я знаю также, что съ теченіемъ времени значительно ослабѣваютъ и жаръ ея, и огонь. Въ самомъ пламени любви есть нѣчто въ родѣ свѣтильни или нагара, отъ котораго оно со временемъ гаснетъ. Ничто и никогда не сохраняетъ полного своего совершенства, потому что совершенство само умерщвляетъ себя своимъ избыткомъ, какъ человѣка убиваетъ избытокъ крови. То, чего мы желаемъ, должно быть исполнено, пока мы этого желаемъ, потому что воля измѣнчива. У нея столько-же отговорокъ, отстрочекъ и послабленій, сколько на свѣтѣ есть языковъ, рукъ и случайностей. Тогда исполненіе предстоящей обязанности является чѣмъ-то въ родѣ вздоха расточителя, а этотъ вздохъ тѣмъ именно и вреденъ, что онъ облегчаетъ... Однако, вернемся снова къ самому больному мѣсту язвы. Гамлетъ возвращается. Что намъ ренъ ты предпринять, чтобы не на словахъ, а на дѣлѣ доказать, что ты истинный сынъ своего отца?

Лаэртъ. Я готовъ схватить его за горло даже въ церкви!

Король. Для преступленія святыни мѣста не существуетъ, а мщеніе не терпитъ никакихъ преградъ. Теперь, любезный Лаэртъ, вотъ какъ тебѣ слѣдуетъ поступить. Запрись у себя въ комнатѣ и сиди тамъ смирно. Вернувшись сюда, Гамлетъ узнаетъ и о твоёмъ возвращеніи. Мы подошлемъ къ нему людей, которые постараются навести двойной глянецъ на ту извѣстность, которую своимъ лестнымъ отзывомъ создалъ тебѣ французъ. Затѣмъ мы поставимъ васъ лицомъ къ лицу и будемъ биться объ закладъ — кто за тебя, кто за него. Тебѣ при нѣкоторой ловкости не трудно будетъ выбрать рапиру съ непритупленнымъ концомъ, и ты однимъ изъ одному тебѣ извѣстныхъ пріемовъ отмстишь за смерть отца.

Лаэртъ. Я такъ и сдѣлаю. Для этой цѣли я подвергну рапиру извѣстному помазанію. У одного знахаря я купилъ стклянку съ удивительнымъ снадобьемъ. Стоитъ этимъ снадобьемъ намазать клинокъ и, если выступитъ хоть одна капля крови, раненаго не спасутъ никакія примочки, никакія лекарства. Каждая, самая даже ничтожная царапина становится смертельной. Вотъ этимъ-то

снадобьемъ я намажу свой клинокъ, и если удастся хотя-бы слегка кольнуть Гамлета, ему конецъ.

Король. И такъ, еще разъ обсудимъ хорошенько дѣло, взвѣсимъ до тонкости все, какъ относительно времени, такъ и относительно средствъ исполненія того, что должно повести насъ къ желаемой цѣли. Если эта попытка не удастся, или наши намѣренія будутъ обнаружены, лучше ничего не предпринимать. На тотъ случай, если-бы первый планъ не удался, необходимо имѣть наготовѣ другой, еще болѣе дѣйствительный. Итакъ, надо придумать еще что-нибудь. Постой! Дай сообразить... А! вотъ какая мысль блеснула въ головѣ. За каждый изъ вашихъ ударовъ мы объявимъ торжественный закладъ, и когда Гамлетъ, разгоряченный боемъ, попроситъ пить, ему подадутъ кубокъ съ извѣстнымъ образомъ приготовленнымъ питьемъ. Достаточно будетъ одного глотка. Если твоя отравленная шпага не сдѣлаетъ своего дѣла, его исполнитъ мой напитокъ. Но тише! Кто-то идетъ. (*Входитъ Королева*). Что новаго скажешь ты, Гертруда?

Королева. Одно несчастіе съ неимовѣрною быстротою слѣдуетъ по пятамъ за другимъ. Лаэртъ, твоя сестра утонула.

Лаэртъ. Боже мой! Утонула?Гдѣ?

Королева. На берегу ручья растетъ ива, купающая свои блѣдные листья въ зеркалѣ глубокаго потока. Туда-то пришла твоя сестра съ причудливымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ куриной слѣпоты, изъ крапивы, ромашки и изъ тѣхъ блѣдно-фіолетовыхъ цвѣтовъ, которымъ наши пастухи на своемъ грубомъ языкѣ даютъ такое непристойное названіе, но которые скромныя дѣвушки называютъ «перстами покойника». Потомъ, когда она хотѣла повѣсить вѣнокъ на одну изъ вѣтвей ивы, предательская вѣтвь обломилась, и бѣдняжка съ своими цвѣтами упала въ воду. Вздувшееся платье нѣсколько времени поддерживало ее на поверхности потока, а она, не сознавая опасности своего положенія, плыла, распѣвая отрывки изъ старинныхъ пѣсень, словно сирена или словно существо, самую природою созданное для этой стихіи. Долго продолжаться это не могло. Ея платье, отяжелѣвъ отъ впитанной въ себя влаги, потянуло ее ко дну, и несчастная нашла смерть въ илѣ потока,

Лаэртъ. И такъ все кончено! Бѣдняжка утонула...

Королева. Утонула, утонула!

Лаэртъ. Съ тебя, несчастная Офелія, и такъ достаточно влаги, поэтому я воздержусь отъ слезъ. Однако... (*Горько рыдаетъ*) таково свойство человѣка: — природа сохраняетъ свои права, хотя человѣку и стыдно передъ самимъ собою. Когда я выплачу свое горе, во мнѣ не останется даже тѣни женской чувствительности! Прощайте, государь. Я разразился-бы потокомъ огненныхъ словъ, если-бы ихъ не гасила эта глупая слабость, вызванная безмѣрнымъ горемъ. (*Уходитъ*).

Король. Пойдемъ за нимъ, Гертруда. Мнѣ стоило большаго труда обуздать его изступленіе, и я боюсь, какъ-бы новый этотъ ударъ не разжегъ въ немъ прежняго бѣшенства. Пойдемъ-же за нимъ (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ два могильщика съ заступами.

1-й могильщикъ. Развѣ ее будутъ хоронить по-христіански, когда она но своей волѣ представилась раньше времени?

2-й могильщикъ. Говорятъ тебѣ, что такъ. Копай скорѣе могилу. Слѣдователь разбиралъ дѣло, и нашелъ ее достойною христіанскаго погребенія.

1-й могильщикъ. Да какъ-же это возможно? Или она, можетъ быть, не утопилась, а утонула?

2-й могильщикъ. Должно-быть, порѣшили такъ.

1-й могильщикъ. А мнѣ сдается, что здѣсь былъ умыселъ. Когда человѣкъ тонетъ, онъ борется съ волнами. Если-же онъ топится по своей охотѣ, то совершаетъ одно дѣяніе, а у такого дѣянія три вѣтви: — движеніе, дѣйствіе и исполненіе... argal, она не утонула, а утопилась.

2-й могильщикъ. Да будетъ тебѣ; знай, рой могилу.

1-й могильщикъ. Дай досказать! Вотъ здѣсь, положимъ, вода: хорошо. А вотъ здѣсь, положимъ, стоитъ человѣкъ: прекрасно! Если онъ пошелъ къ водѣ и утопился, смерть, — что тамъ ни говори, — произошла оттого, что онъ пошелъ. Замѣть это хорошенько. Но если вода пойдетъ къ человѣку и утопитъ его, значитъ, онъ утонулъ, а не утопился; argal: кто самъ не виноватъ въ своей смерти, тотъ не покушался на свою жизнь.

2-й могильщикъ. Развѣ въ законѣ это сказано?

1-й могильщикъ. Сказано: — въ законѣ, какъ надо производить слѣдствіе.

2-й могильщикъ. А по моему вся штука вотъ въ чемъ. Будь покойница не изъ знатной семьи, ея не удостоили бы христіанскаго погребенія.

1-й могильщикъ. Совершенно вѣрно. Тѣмъ хуже для знатныхъ, когда ихъ болѣе поощряютъ топиться и вѣшаться, чѣмъ весь остальной христіанскій людъ. Давай, однако, заступь! А по моему знатнѣй людей нѣтъ, какъ садовники, землекопы и могильщики. Ихъ ремесло началось еще съ Адама.

2-й могильщикъ. А что, Адамъ былъ изъ благородныхъ?

1-й могильщикъ. Онъ первый пустилъ въ дѣло руки и орудія.

2-й могильщикъ. Да вѣдь ихъ тогда не было.

1-й могильщикъ. Ахъ, ты безбожникъ этакій! Такъ-то ты понимаешь писаніе. Въ писаніи сказано: — «Адамъ копалъ землю». Какъ бы могъ онъ копать ее, если бы у него не было ни рукъ, ни орудій? Теперь я задамъ тебѣ

вопросъ. Если ты не сумѣешь отвѣтить, какъ слѣдуетъ, ступай прямо на исповѣдь.

2-й могильщикъ. Задавай.

1-й могильщикъ. Кто строить прочнѣе, чѣмъ каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

2-й могильщикъ. Тотъ, кто строить висѣлицы. Сколько на нихъ народу перебываетъ, а онѣ все цѣлы.

1-й могильщикъ. Отвѣтъ замысловатый, и онѣ мнѣ нравятся. Висѣлица, дѣйствительно, стоитъ хорошо. Но для кого продолжаетъ она хорошо стоять? Хорошо стоитъ она только для тѣхъ, кто поступаетъ скверно. Вотъ и ты, говоря, будто висѣлица стоитъ крѣпче церкви, тоже поступаешь скверно. Argal! — тебя слѣдовало-бы отправить на висѣлицу. Поройся въ головѣ; можетъ, отыщешь другой отвѣтъ?

2-й могильщикъ. Кто строить прочнѣе, чѣмъ каменщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

1-й могильщикъ. Ну, да, отвѣтъ, а затѣмъ можешь убираться.

2-й могильщикъ. Хорошо. Сейчасъ отвѣчу.

1-й могильщикъ. Ну...

2-й могильщикъ. Отвѣчу, что, клянусь Богомъ, ничего не могу отвѣтить.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо. Оба останавливаются вдали.

1-й могильщикъ. Перестань ломать надъ этимъ голову; какъ ни стегай лѣниваго осла, прибавить шагу ты его не заставишь. А на слѣдующій разъ, когда тебѣ зададутъ тотъ же вопросъ, отвѣчай: — «Могильщикъ», потому что его постройки держатся до самаго дня страшнаго суда. Ступай, принеси мнѣ чего-нибудь промочить горло. (2-й могильщикъ уходитъ).

1-й могильщикъ (*роетъ землю и поетъ*).

Когда я молодъ былъ,
И я, какъ всѣ, любилъ,
Умнѣй не находилъ
Я ничего на свѣтѣ;
И горя въ эти дни
Не зналъ я ни-ни-ни!
Блаженства лишь одни
Дарили дни мнѣ эти.

Гамлетъ. Этотъ дуралей, кажется, совсѣмъ не понимаетъ того, что дѣлаетъ. Роетъ могилу, а самъ поетъ.

Гораціо. Привычка научила его относиться къ дѣлу равнодушно.

Гамлетъ. Правда. Рука, работающая менѣе, болѣе воспріимчива къ ощущеніямъ.

1-й могильщикъ. Пѣвалъ и я «люди»,
Но годы все текли;

Теперь изъ нѣдръ земли
Я кости добываю (*Выбрасываетъ черепъ*).

Гамлетъ. У этого черепа былъ когда-то языкъ, и онъ, быть-можетъ, умѣлъ даже пѣть. Съ какимъ ожесточеніемъ выбросилъ его этотъ олухъ, словно онъ челюсть Каина, перваго убійцы. А тотъ, къ кому этотъ дуралей относится съ такимъ пренебреженіемъ, быть-можетъ, когда-то былъ государственнымъ мужемъ, мнившимъ себя чѣмъ то равнымъ самому Богу. Развѣ не могло этого быть?

Гораціо. Очень могло, принцъ.

Гамлетъ. Или царедворцемъ, говорившимъ направо и налѣво: — «Здравствуйте, мой милѣйшій!» или: — «Какъ поживаете, мой почтеннѣйшій!» Или, наконецъ: «такимъ-то», восхваляющимъ лошадь «такого-то» въ надеждѣ получить ее?

Гораціо. Можетъ-быть, принцъ.

Гамлетъ. Разумѣется. Теперь эта голова сдѣлалась добычею червей, обглодавшихъ ее до чиста, а осель—могильщикъ разбиваетъ ей киркою челюсти. Такое откровеніе могло-бы служить намъ весьма поучительнымъ урокомъ, если бы мы умѣли имъ пользоваться. Неужто эти кости, когда-то взлелѣянные съ такою заботой, созданы были только затѣмъ, чтобы служить шаромъ при игрѣ въ кегли? При одной этой мысли я уже чувствую ломоту въ костяхъ.

1-й могильщикъ (*Поетъ*). Благодаря судьбѣ,

Ты съ жизнью палъ въ борьбѣ;

За гробомъ-же тебѣ

Покоя я желаю (*Выбрасываетъ другой черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ и другой. Онъ, быть можетъ, былъ черепомъ законовѣда. Гдѣ теперь его доводы, его ухищренія, заключенія и тонкости? Зачѣмъ позволять этому неучу такъ невѣжливо обращаться съ собою и не привлечь его къ суду за оскорбленіе дѣйствіемъ? Фи! Этотъ молодчикъ, благодаря разнымъ закладнымъ, исполнительнымъ листамъ, пенямъ и другимъ взысканіямъ, могъ, въ свое время наживать значительные участки земли. Что-же такое его теперешнее положеніе, его когда-то богатая изобрѣтательностью башка, какъ не пеня за пени, какъ не взысканіе за взысканія? Развѣ его доходы, его обезпеченія, будь они даже вдвое больше, обезпечать ему болѣе мѣста въ землѣ, чѣмъ пространство въ два письменныя условія. Вѣдь всѣ его купчія и иныя цѣнныя бумаги едва вмѣстились-бы въ тотъ деревянный ящикъ, которымъ онъ долженъ довольствоваться послѣ смерти? Улучшатъ-ли они хоть сколько-нибудь его положеніе? Какъ ты думаешь?

Гораціо. Ни на одинъ дюймъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Пергаментъ, на которомъ пишутся крѣпостные акты, кажется, выдѣлывается изъ бараньей кожи?

Гораціо. Да, принцъ, но также и изъ телячей.

Гамлетъ. Значить, всѣ, обезпечивающіе себя крѣпостными актами, ввѣряютъ свое благосостояніе баранамъ я телятамъ?... Я заговорю съ этимъ олухомъ. Эй, почтенный, чья это могила?

Могильщикъ. Моя (*Поеть*).

Благодаря судьбѣ,
Ты жизнью палъ въ борьбѣ...

Гамлетъ. Мнѣ кажется, ты говоришь, будто эта могила твоя, только потому, что ты въ нее забрался.

Могильщикъ. А вы — нѣтъ, слѣдовательно, она не ваша. Я-же хотя въ ней еще не лежу, а все-таки она моя.

Гамлетъ. Она, очевидно, предназначается не для живого, а для умершаго, и ты, любезный, заврался.

Могильщикъ. Нѣтъ, хоть я забрался въ нее, но не заврался.

Гамлетъ. Для кого-же роешь ты могилу? Для мужчины?

Могильщикъ. Совсѣмъ не для мужчины.

Гамлетъ. Такъ для женщины?

Могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Кого-же въ ней похоронять?

Могильщикъ. Ту, которая при жизни была женщиной, но теперь, — упокой Господь ея душу, — она покойница.

Гамлетъ. Какъ этотъ олухъ придирчивъ. Въ разговорахъ съ нимъ слѣдуетъ соблюдать величайшую точность; не то онъ надоѣстъ двусмысленностями. Клянусь небомъ, Горацио, — съ тѣхъ поръ, какъ я наблюдаю міръ, то-есть, за послѣдніе три года, я пришелъ къ заключенію, что все въ мірѣ до того обострилось, что носокъ простолюдина до того близко касается пятки вельможи, что царапаетъ ее. (*Могильщику*) Давно ты занимаешься этимъ ремесломъ?

Могильщикъ. Да съ того памятливаго изъ всѣхъ памятныхъ дней, когда покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. А сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?

Могильщикъ. Неужто вы сами-то не знаете, когда про то знаетъ каждый дуракъ? Произошло оно въ тотъ самый день, когда родился молодой принцъ Гамлетъ, тотъ самый, что сошелъ съ ума, к котораго отправили въ Англію.

Гамлетъ. Затѣмъ-же отправили его въ Англію?

Могильщикъ. А затѣмъ, что онъ помѣшался... Онъ тамъ опять ума наберется, а не наберется, такъ и то не бѣда.

Гамлетъ. Почему?

Могильщикъ. Не замѣтно будетъ. Тамъ, вѣдь, всѣ люди сумасшедшіе.

Гамлетъ. Какъ-же онъ помѣшался?

Могильщикъ. Говорятъ, самымъ страннымъ образомъ.

Гамлетъ. А именно?

Могильщикъ. Взялъ да и спятилъ съ ума.

Гамлетъ. На чемъ-же онъ помѣшался?

Могильщикъ. На своей-же датской землѣ. Я уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ состою могильщикомъ. Поступилъ я на эту должность совсѣмъ еще молодымъ; на ней и состарился.

Гамлетъ. Сколько времени нужно человѣку пролежать въ землѣ, чтобы истлѣть окончательно?

Могильщикъ. Смотря по человѣку. Иные, — а такихъ у насъ за послѣднее время не мало, — до того успѣютъ снить при жизни, что едва могутъ дотянуть до похоронъ. Одни пролежатъ восемь, другіе девять лѣтъ, а дубильщикъ непремѣнно девять.

Гамлетъ. Почему-же дубильщикъ долѣе, чѣмъ другіе?

Могильщикъ. Понятно. Онъ по своему ремеслу до того продубленъ, что вода съ большимъ трудомъ пробивается сквозь его шкуру, а она, нужно вамъ сказать, самымъ непотребнымъ образомъ уничтожаетъ мертвыя тѣла. Смотрите, вотъ черепъ. Онъ пролежалъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей-же это черепъ?

Могильщикъ. Черепъ безпутнаго сына потаскушки, а чей именно, какъ бы вы думали?

Гамлетъ. Право, не знаю.

Могильщикъ. Что-бы ему не было ни дна, ни покрывки за его скверныя шутки! Онъ какъ-то вылилъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнскаго вина. Словомъ, это черепъ придворнаго шута Юрика.

Гамлетъ (*взявъ черепъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

Могильщикъ. Да, его самого.

Гамлетъ. Бѣдный Юрикъ! Я знавалъ его, Гораціо. Веселость у этого человѣка была неистощимая; воображеніе, изобрѣтательность изумительныя. Онъ тысячи разъ нашивалъ меня на плечахъ. Я его очень любилъ, а теперь его черепъ возбуждаетъ во мнѣ одно отвращеніе; меня отъ него даже тошнитъ. Тутъ были губы, въ которыя я цѣловалъ его уже не знаю сколько разъ... Гдѣ теперь твои шутки, Юрикъ, твои пѣсни, твоя рѣзвость, вспышки той веселости, отъ которыхъ бывало помирали со смѣху всѣ сидѣвшіе за королевскимъ столомъ?... Увы! теперь уже нѣтъ ни одной шутки, чтобы вызвать ею смѣхъ въ тебѣ самомъ. Челюсти твои сомкнуты. Ты уже не пойдешь теперь въ уборную красавицы, не разсмѣшишь ее заявленіемъ, что, наложи она себѣ на щеки хоть цѣлый слой румянъ, она все-таки останется такою, какъ есть... Прошу тебя, Гораціо, скажи мнѣ одно.

Гораціо. Что угодно, принцъ?

Гамлетъ. Неужто Александръ Македонскій, лежа въ землѣ, имѣлъ такой-же видъ.

Гораціо. Безъ всякаго сомнѣнія.

Гамлетъ. И издавалъ такой-же отвратительный запахъ? Фи!

Гораціо. Непремѣнно, принцъ.

Гамлетъ. На какія низкія употребленія, Гораціо, могутъ пойти наши останки! Кто помѣшаетъ воображенію, до конца выслѣживающему останки македонскаго героя, найти его кость, служащую втулкой для бочки?

Гораціо. Это было-бы уже черезъ-чуръ странною игрой воображенія.

Гамлетъ. А по-моему, право, нисколько. Мы безъ особеннаго труда, и нисколько не сбиваясь съ пути, могли-бы въ своихъ предположеніяхъ дойти, напримѣръ, до слѣдующаго: Александръ умеръ, Александръ похороненъ, Александръ обратился въ прахъ, а прахъ, вѣдь, земля; изъ земли мы достаемъ глину; что-же помѣшаетъ изъ той, въ которую превратился Александръ, вылѣпить втулку для боченка съ пивомъ?

Да, Цезарь тотъ, что міръ весь устрасалъ,
Въ негодный прахъ по смерти превратился,
И сила та, что управляла міромъ,
Теперь, увы! — замазка лишь для стѣнъ.

Однако, тише! Отойдемъ въ сторону. Сюда идетъ Король, а съ нимъ Королева и вся свита (*Появляется похоронное шествіе съ священниками и пр. во главѣ. За гробомъ Офеліи идутъ Лаэртъ и плакальщицы; за ними Король, Королева и свита*). Кого это хоронятъ? Пышности нѣтъ никакой, а это означаетъ, что провожаютъ какую-нибудь знатную особу, самовольно, въ минуту отчаянія, лишившую себя жизни своею-же рукой. Да, хоронятъ какое-нибудь знатное лицо. Притаимся гдѣ-нибудь и посмотримъ (*Отходитъ въ сторону вмѣстѣ съ Гораціо*).

Лаэртъ. Какой обрядъ предстоитъ совершить?

Гамлетъ. Это Лаэртъ, — честный и благородный юноша... Смотри.

Лаэртъ. Какой обрядъ еще?

1-й священникъ. Похоронный обрядъ совершенъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намъ дозволены. Естественность ея смерти сомнительна, и если бы не приказаніе свыше, лежать-бы ей въ неосвященной землѣ до самаго гласа трубнаго и, вмѣсто молитвъ, ея останки провожали бы камнями и черепками; теперь же она удостоилась и дѣвичьяго вѣнка, возлагаемаго на гробъ честныхъ дѣвушекъ, и ее въ послѣднее жилище провожаютъ съ колокольнымъ звономъ.

Лаэртъ. Значитъ, ничего больше не остается?

1-й священникъ. Ничего. Мы надругались-бы надъ обрядомъ погребенія, если бы и по ней пѣли рэквиемъ и другія священныя молитвы, какъ по другимъ душамъ, отошедшимъ съ миромъ.

Лаэртъ. Опустите-же ее въ могилу, и пусть изъ ея прекраснаго, непорочнаго праха выростутъ весеннія фіалки. Тебѣ, безсердечный пастырь, я говорю, что сестра моя будетъ причислена къ сонму ангеловъ, а ты станешь скрежетать зубами въ аду.

Гамлетъ. Какъ! Эхо хоронятъ прелестную Офелію?

Королева (*бросая въ гробъ цвѣты*). Послѣдніе цвѣты подкошенному цвѣтку... Прощай! Я надѣялась, что ты выйдешь за моего Гамлета; надѣялась, что мнѣ придется убирать цвѣтами твое брачное ложе, а не осыпать ими твою могилу.

Лаэртъ. О, пусть тройныя бѣды, десять разъ взятыя трижды, обрушатся на проклятую голову того, кто своими жестокими поступками лишилъ тебя твоего свѣтлаго разума. Подождите бросать землю; дайте мнѣ еще разъ обнять мою ненаглядную! (*Спрыгиваетъ въ могилу*). Теперь зарывайте могилу и до тѣхъ поръ забрасывайте землю и живого, и покойницу, пока не образуется сперва курганъ, а потомъ цѣлая гора, превосходящая вышиною и старый Пеліонъ, и даже небесную вершину лазурнаго Олимпа.

Гамлетъ (*выступая впередъ*). Кто этотъ человѣкъ, такъ неутѣшно изливающей свое горе, своими неистовыми криками, вызывающей къ блуждающимъ звѣздамъ, заклиная ихъ оставаться и, превратившись въ покорныхъ слушателей, внимать его многорѣчивой скорби? Смотри, я датчанинъ Гамлетъ! (*Тоже спрыгиваетъ въ могилу*).

Лаэртъ. Да возьметъ-же дьяволь твою душу! (*Схватываетъ Гамлета за горло. Борьба*).

Гамлетъ. Молитва твоя достаточно нечестива. Сдѣлай одолженіе, перестань душиить меня. Хотя я и не раздражителенъ, не свирѣпъ, но я все-таки опасенъ и совѣтую тебѣ остерегаться... Прочь руки!

Король. Разнимите ихъ.

Королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

Всѣ. Господа!

Горацио. Добрѣйшій принцъ, успокойтесь! (*Присутствующіе разнимаютъ ихъ и помогаютъ имъ выбраться изъ могилы*).

Гамлетъ. Нѣтъ, по этому поводу я до тѣхъ поръ не перестану бороться, пока мои вѣки не сомкнутся навсегда.

Королева. По какому-же поводу, милый сынъ?

Гамлетъ. Я любилъ Офелію! Если во всей ея совокупности взять любовь сорока тысячъ братьевъ, то и тогда она же сравняется съ моею! (*Лаэрту*). Что готовъ ты сдѣлать для нея?

Король. Видишь, Лаэртъ, — онъ сумашедшій.

Королева (*Мужу*). Ради самага Бога, воздержитесь!

Гамлетъ. Ну, посмотримъ, что-же ты готовъ для нея сдѣлать? Станешь-ли оплакивать ее? Драться изъ-за нея? Морить себя голодомъ? Терзать ногтями грудь? Пить оцетъ? Ъсть крокодилье мясо? — то же самое сдѣлаю и я... Зачѣмъ явился ты сюда? — чтобы ныть? чтобы пристыдить меня тѣмъ, что ты прыгнулъ въ могилу?.. Если ты хочешь, чтобы тебя живого зарыли съ нею, пусть зароютъ и меня!.. А разъ ты что-то болталъ о горахъ, пусть валять на насъ землю съ миллиономъ акровъ, пока знойный поясъ не опалитъ вершины нашей громады, сравнительно съ которой даже Осса окажется только бородавкой! Если ты будешь ревѣть, я зарычу не хуже твоего.

Королева. Это опять припадокъ помѣшательства, но они у него проходятъ скоро. Потомъ онъ снова сдѣлается кротокъ, какъ голубка, согрѣвающая крыльями своихъ золотистыхъ птенцовъ, только-что вылупившихся изъ яйца, и упадетъ въ безмолвное уныніе.

Гамлетъ. Послушай, почтеннѣйшій, за что относишься ты ко мнѣ такъ враждебно? Я всегда любилъ тебя искренно... А впрочемъ, все равно. Тутъ и самъ Геркулесъ ничего-бы не подѣлалъ! Пусть кошка мяучить сколько угодно, собака все-таки дождется своего (*Уходитъ*).

Король. Добрый Гораціо, прошу тебя, ступай за нимъ. (*Гораціо уходитъ*). А ты, Лаэртъ, помни вчерашній нашъ разговоръ и теперь уже не надолго вооружись терпѣніемъ. Мы позаботимся, чтобы развязка наступила скорѣе (*Королевъ*). Дорогая Гертруда, распорядись учредить надзоръ за твоимъ сыномъ (*Королева уходитъ*). Надъ этой могилой надо поставить живой памятникъ. Чась успокоенія для насъ уже не далека; будемъ же ожидать его терпѣливо. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Большая зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ. Объ этомъ, дорогой мой, пока довольно. Обратимся къ другому. Ты помнишь всѣ обстоятельства дѣла?

Гораціо. Какъ не помнить, принцъ?

Гамлетъ. Гораціо, въ душѣ моей происходила какая-то борьба, не дававшая мнѣ заснуть. Я чувствовалъ себя болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ мятежникъ въ оковахъ; я напустилъ на себя смѣлость, и великая ей благодарность въ данномъ случаѣ. Надо принять къ свѣдѣнію, что иногда неосторожность оказываетъ намъ драгоцѣнныя услуги, тогда-какъ неудача нерѣдко выпадаетъ на долю строжайше обдуманнаго разсчета. Это научаетъ насъ, что есть какое-то божество, управляющее нашими судьбами, какъ-бы мы ни поступали.

Гораціо. Совершенно вѣрно.

Гамлетъ. Обернувъ вокругъ себя дорожное платье, словно шарфъ, я вышелъ изъ каюты; въ потьмахъ, оцупью отправился я ихъ отыскивать, и это мнѣ удалось. Я завладѣлъ запечатаннымъ посланіемъ и снова вернулся къ себѣ. Удача придала мнѣ смѣлости настолько, что я, забывая осторожность, отбросивъ всякую разборчивость въ средствахъ, рѣшился вскрыть пресловутое посланіе, и что-же я нашель? — новое доказательство тому, что король Клавдій злодѣй, то-есть, прочель форменный приказъ, опиравшійся на всевозможныя основанія, какъ-то: — на желаніе охранить покой не только Даніи, но и Англіи, на невозможность оставлять въ живыхъ такое пугало, такое чудовище, какъ я, — немедленно отрубить мнѣ голову, не давая времени ни мнѣ опомниться, ни себѣ отточить топоръ.

Гораціо. Возможно-ли?

Гамлетъ. Вотъ само посланіе; можешь прочесть его на досугѣ... Желаетъ знать остальное?

Гораціо. Очень желаю, принцъ.

Гамлетъ. Я совершенно ясно сознавалъ, какъ они старались завлечь меня въ ловушку, поэтому мнѣ не пришлось напрягать мыслительныхъ способностей. Планъ дѣйствія сложился самъ съ собою. Я сѣлъ, сочинилъ другое посланіе и написалъ его настолько четко, насколько могъ. Когда то, какъ и наши государственные люди, я считалъ постыднымъ писать разборчиво, и мнѣ пришлось много трудиться, что-бы отдѣлаться отъ этой привычки; но, другъ мой, мнѣ все-таки удалось оказать себѣ громадную услугу. Хочешь узнать сущность того, что я написалъ?

Гораціо. Разумѣется, дорогой принцъ.

Гамлетъ. Такъ-какъ Англія вѣрная данница Даніи, я къ ея королю обратился съ слѣдующимъ настоятельнымъ требованіемъ: — «Если вы, государь, нашъ братъ и союзникъ; желаете, чтобы пальма мира продолжала зеленѣть между нами, держа свой сплетенный изъ колосьевъ вѣнецъ, служащій намъ соединительною чертою, вы, — по весьма вѣскимъ для насъ обстоятельствамъ, — неотложно подвергнете смертной казни подателей сего посланія, не предавая ихъ никакимъ формамъ суда, не давъ имъ даже времени исповѣдаться».

Гораціо. Какъ-же вамъ удалось запечатать новое посланіе?

Гамлетъ. Тутъ мнѣ опять помогло милостивое ко мнѣ Провидѣніе. Въ кошелькѣ у меня оказалась печать отца съ государственнымъ гербомъ Даніи. Я также сложилъ письмо, какъ прежде, сдѣлалъ надпись, запечаталъ и осторожно положилъ его туда, гдѣ ранѣ лежало другое. Никто не замѣтилъ подмѣны. На другой день произошло наше морское сраженіе, а что изъ него воспослѣдовало, тебѣ давно уже извѣстно.

Гораціо. Итакъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ отправились на вѣрную смерть?

Гамлетъ. Прямо, другъ, прямо. Они сами добивались возложеннаго на нихъ порученія, и ихъ смерть не обременитъ моей совѣсти; она только послѣдствіе ихъ излишняго усердія. Бѣда слабымъ, когда они очутятся между ударами, наносимыми другъ другу болѣе могучими противниками.

Гораціо. О, что за человѣкъ этотъ король!

Гамлетъ. Теперь ты видишь самъ, что на меня возложена священная обязанность ему отмстить, ему, умертвившему моего отца, сдѣлавшему изъ моей матери непотребную женщину, нагло ставшему между волей датскаго народа и моими надеждами, наконецъ, такъ коварно закинувшему уду мнѣ самому? Не имѣю-ли я по совѣсти права сокрушить его вотъ этою рукою? И развѣ съ моей стороны не будетъ преступленіемъ, если я допущу, чтобы гнойная язва продолжала и долѣе разѣдять человѣчество?

Гораціо. Однако, извѣстіе о казни пословъ не замедлитъ дойти изъ Англіи до короля.

Гамлетъ. Разумѣется, незамедлитъ, но я сѣмью воспользоваться этимъ промежуткомъ времени. Иногда человѣкъ не успѣетъ сказать «разъ», какъ

жизнь его уже покончена. Однако, Гораціо, я искренно сожалѣю, что забылся относительно Лаэрта. Мы съ нимъ стоимъ почти въ одинаковомъ положеніи. Я горячо желалъ-бы остаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но его беззащитная похвальба своимъ горемъ вывела меня изъ себя.

Гораціо. Тише; кто-то идетъ.

Входитъ Озрикъ.

Озрикъ. Поздравляю ваше высочество съ возвращеніемъ въ Данію.

Гамлетъ. Душевно благодаренъ. Гораціо, знакомъ ты съ этою водяною мухою?

Гораціо. Нѣтъ, принцъ, незнакомъ.

Гамлетъ. Это дѣлаетъ тебѣ честь, потому что знакомство съ нимъ можетъ приносить одинъ только позоръ. У него много доходныхъ земель. Если поставитъ одного скота королемъ надъ другими такими-же скотами, — вотъ этотъ молодчикъ не побрезгаетъ совать рыло въ королевское корыто. Онъ только галка, но, какъ я уже сказалъ, земель и грязи у него достаточно.

Озрикъ. Дрожайшій принцъ, если у вашего высочества есть досугъ, выслушайте порученіе, возложенное на меня его величествомъ.

Гамлетъ. Если-бы я даже былъ занятъ, я съ величайшею готовностью выслушалъ бы желаніе короля. Однако, пусть твой головной уборъ займетъ подобающее ему мѣсто. Вѣдь онъ предназначенъ для головы.

Озрикъ. Благодарю, ваше высочество... но здѣсь такъ жарко.

Гамлетъ. Напротивъ, здѣсь холодно: вѣтеръ дуетъ съ сѣвера.

Озрикъ. Въ самомъ дѣлѣ, принцъ, какъ будто нѣсколько холодно.

Гамлетъ. Но все-таки по моему сложенію здѣсь жарко и душно.

Озрикъ. Такъ точно, ваше высочество, здѣсь до того жарко и душно, что нѣтъ словъ выразить... Однако, принцъ король поручилъ мнѣ сообщить вашему высочеству, что его величество изволитъ держать за ваше высочество крупный закладъ... Дѣло въ слѣдующемъ.

Гамлетъ (*указывая на головной уборъ*). Надѣньте прежде его.

Озрикъ. Нѣтъ, честное слово, принцъ, мнѣ такъ удобнѣе... честное слово удобнѣе. Итакъ, принцъ, дѣло въ томъ что недавно ко двору явился Лаэртъ, молодой человекъ, — повѣрьте моей совѣсти, — въ высшей степени благообразный, благовоспитанный и надѣленный самыми разнообразными дарами природы и всевозможными совершенствами. Чтобы воздать должную дань хвалы, и характеру, и другимъ его высокимъ качествамъ, честное слово, даже словъ не найдется. Однако, все-таки нельзя не сказать, что онъ образецъ изящества, ловкости и свѣтскости. Словомъ это такой рѣдкій молодой человекъ, что его общество можетъ доставить удовольствіе самымъ высокопоставленнымъ особамъ.

Гамлетъ. Его достоинства, любезнѣйшій, въ твоёмъ краснорѣчивомъ описаніи не утрачиваютъ ни малѣйшей частицы своего блеска; я знаю, что

самая здоровая память запутается въ длинномъ перечнѣ его качествъ, и ей не поможетъ никакая ариѳметика. Ихъ можно брать только въ совокупности, и ихъ окажется такое великое множество, что подобный грузъ придастъ устойчивость любому кораблю. Что-же касается лично меня, я съ искреннѣйшимъ восторгомъ заявляю, что считаю его человѣкомъ, одареннымъ высокопробнѣйшею душою. Въ немъ такое богатѣйшее сочетаніе всякихъ драгоцѣннѣйшихъ диковинъ и рѣдкостей, что, говоря о немъ истиннѣйшую правду, равнаго себѣ онъ можетъ увидать лишь въ зеркалѣ: всѣ-же другія, даже самыя выпрєнныя описанія его окажутся не изображеніемъ, а только жалкою ого тѣнью.

Озрикъ. Ваше высочество изволить изрекать о немъ самую непогрѣшимую истину.

Гамлетъ. Однако, любезнѣйшій, къ чему все это? Зачѣмъ намъ обвѣвать лучезарный образъ этого молодого человѣка губнымъ дыханіемъ нашихъ напыщенныхъ и высокопарныхъ словъ?

Озрикъ. Ваше высочество...

Гораціо. Дрожайшій принцъ, заговорите съ нимъ другимъ, а не его собственнымъ языкомъ; тогда онъ, можетъ быть, скорѣе пойметъ васъ. Право, попытайтесь.

Гамлетъ. Къ чему, однако, зашла рѣчь объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

Озрикъ. О Лаэртѣ, принцъ?

Гораціо. Кошелекъ его опустѣлъ; всѣ раззолоченныя слова уже израсходованы.

Гамлетъ. Да, милѣйшій, о немъ.

Озрикъ. Одни невѣжды, а не вы, принцъ...

Гамлетъ. Очень благодаренъ, что ты не причисляешь меня къ ихъ числу, но самъ-то я отъ твоего мнѣнія нисколько не сдѣлаюсь лучше, если оно даже искренно. Что-же далѣе?

Озрикъ. Одни невѣжды, но не вы, принцъ, могутъ не знать высокихъ совершенствъ Лаэрта въ извѣстномъ направленіи.

Гамлетъ. Не смѣю съ этимъ согласиться, боясь, какъ-бы не пришлось сравнивать восхваляемаго Лаэрта съ самимъ собою. Чтобы вѣрно судить о человѣкѣ, нужно прежде хорошенько узнать самого себя.

Озрикъ. Я признаю его полное совершенство только въ одномъ отношеніи. Судя по отзывамъ молвы, онъ въ этомъ отношеніи одаренъ совершенно исключительными способностями.

Гамлетъ. Въ чѣмъ-же именно?

Озрикъ. Въ умѣннн дратся на шпагахъ и на кинжалахъ.

Гамлетъ. Значитъ не въ одномъ отношеніи, а въ двухъ. Далѣе?

Озрикъ. Король противъ него ставитъ за ваше высочество шесть варварійскихъ коней, а Лаэртъ, какъ я слышалъ, ставитъ противъ васъ заклалъ изъ шести шпагъ и изъ такого-же количества вывезенныхъ изъ Франціи кинжаловъ въ роскошной оправѣ и съ полнымъ приборомъ великолѣпныхъ

перевязей, поясовъ и привѣсковъ. Говорятъ, три уноса особенно великолѣпны; и работа, и удобство приспособленія — все въ нихъ изумительно.

Гамлетъ. Что ты называешь уносами?

Гораціо. Вижу, принцъ, что ему не освободить васъ отъ себя, пока онъ не объяснитъ вамъ всего до тонкости.

Озрикъ. Унось, принцъ, это то, куда продѣваются ножны шпаги.

Гамлетъ. Ну, такое названіе, быть можетъ, было-бы умѣстно, если дѣло шло не о шпагахъ, а о пушкахъ. Пусть за портупеей останется пока прежнее ея названіе. Какъ бы ни были великолѣпны эти шесть штукъ шпагъ и столько-же кинжаловъ со всѣми ихъ принадлежностями, онѣ противъ шести варварійскихъ коней, все-таки, остаются чисто французскимъ закладомъ противъ англійскаго. А изъ-за чего этотъ закладъ?

Озрикъ. Король утверждаетъ, что изъ двѣнадцати ударовъ Лаэрту удастся нанести вашему высочеству не болѣе трехъ, а тотъ, въ свою очередь, бьется объ закладъ, что изъ двѣнадцати ударовъ нанесетъ вашему высочеству девять. Споръ этотъ можно было-бы рѣшить тотчасъ, если-бы ваше высочество благосклонно соизволило дать утвердительный отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу отказомъ?

Озрикъ. Значитъ, принцъ, ваше высочество не соблаговолитъ противопоставить свою особу шпагъ Лаэрта?

Гамлетъ. Совсѣмъ нѣтъ. Теперь какъ разъ часъ моего отдыха; я буду прогуливаться по этой залѣ. Если королю угодно, а Лаэртъ не измѣнитъ намѣренія, распорядись, чтобы сюда принесли шпаги. Я употреблю всѣ старанія, чтобы закладъ выигралъ король; если-же это мнѣ не удастся, уйду съ позоромъ, унося на гѣлѣ нѣсколько ударовъ или даже царапинъ.

Озрикъ. Такъ и прикажете препроводить вашъ отвѣтъ въ этомъ смыслѣ?

Гамлетъ. Именно въ этомъ. Украшенія-же предоставляю тебѣ прибавить отъ себя по своему вкусу.

Озрикъ. Съ полною преданностью препоручаю себя благорасположенію вашего высочества.

Гамлетъ. Желая всякихъ благъ (*Озрикъ уходитъ*). Хорошо дѣлаетъ, что самъ поручаетъ себя благосклонности другихъ, иначе онъ не сумѣлъ бы добиться ничьей благосклонности. Ни одинъ языкъ не рѣшился бы замолвить за него доброе слово.

Гораціо. Настоящая онъ пиголица, вылетѣвшая изъ гнѣзда съ остатками яичной скорлупы на головѣ.

Гамлетъ. Онъ, вѣроятно, такъ-же распаркивался передъ грудью матери, прежде, чѣмъ приняться сосать ее. Подобно многимъ извѣстнымъ мнѣ птицамъ того-же полета, старается и онъ подражать всѣмъ приемамъ, отъ которыхъ сходитъ съ ума наше суетное время, но онъ перенимаетъ у общества только внѣшнюю сторону. Такія незамысловатыя уловки — одно желаніе возвыситься въ глазахъ обмахивающихъ себя вѣерами умниковъ и дураковъ, а дунь на нихъ, ради испытанія, настоящей вѣеры, отъ нихъ и слѣда не останется.

Входитъ придворный.

Придворный. Ваше высочество, король черезъ юнаго Озрика получилъ отъ васъ отвѣтъ, что вы въ этой залѣ дожидаетесь прибытія противника, и его величество поручилъ мнѣ спросить, желаете-ли вы теперь-же сразиться съ Лаэртомъ или отложите состязаніе до другаго времени?

Гамлетъ. Я постояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и поступлю согласно желанію короля. Если ему угодно, я сражусь съ Лаэртомъ сейчасъ-же; если-же неудобно, отложу поединокъ. Я всегда буду такъ-же готовъ, какъ теперь.

Придворный. Король, королева и весь дворъ сейчасъ сойдутъ сюда.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобы вы, принцъ, до начала состязанія сказали Лаэрту нѣсколько милостивыхъ словъ,

Гамлетъ. Желаніе ея будетъ исполнено (*Придворный уходитъ*).

Гораціо. Сдается мнѣ, принцъ, что король проиграетъ закладъ.

Гамлетъ. Не думаю. Пока Лаэртъ находился во Франціи, я ежедневно упражнялся въ фехтованіи и, благодаря этому, останусь побѣдителемъ. — Однако, ты представишь себѣ на можешь, какую боль я чувствую здѣсь, близъ сердца. Впрочемъ, все равно.

Гораціо. Принцъ, не лучше-ли отложить?

Гамлетъ. Вздоръ! Нелѣпное предчувствіе, могущее испугать только женщину.

Гораціо. Если что-нибудь хоть немного смущаетъ вашъ духъ, послушайте его предупрежденій, откажитесь отъ состязанія: извѣстите ихъ, что вы не расположены.

Гамлетъ. И не подумаю; я поступлю вопреки предчувствію. Даже воробей и тотъ не погибнетъ иначе, какъ по волѣ Провидѣнія. Если часъ мой насталь, откладывать его было бы бесполезно; если не насталь, нечего его и бояться. Будетъ-ли это теперь или позже, все равно мы должны быть готовы: вотъ и все. Если человѣкъ не властенъ надъ тѣмъ, съ чѣмъ онъ разстается, не все-ли равно, ранѣ-ли разстаться съ жизнью, или позже? Будь, что будетъ.

Входятъ Король, Королева, Лаэртъ, Озрикъ, придворные и слуги. Послѣдніе приносятъ рапиры, боевыя перчатки, столикъ и кубки съ виномъ.

Король. Подойди, Гамлетъ. Дай мнѣ вложить въ твою руку другую, вотъ эту (*Соединяетъ руки Гамлета и Лаэрта*).

Гамлетъ. Прости меня, Лаэртъ; я тебя оскорбилъ и прости, какъ подобааетъ настоящему дворянину. Всѣ присутствующіе здѣсь знаютъ, — да, вѣроятно, сообщили и тебѣ какими припадками душевной болѣзни страдаю я за послѣднее время. Если я чѣмъ-нибудь нанесъ тебѣ обиду, оскорбилъ твою честь или хоть чѣмъ-нибудь задѣлъ тебя за живое, я во всеуслышаніе провозглашаю,

что поступилъ такъ подъ гнетомъ умопомѣшательства. Гамлетъ-ли оскорбилъ Лаэрта? Никакъ не Гамлетъ. Если самъ Гамлетъ отсутствуетъ и, будучи не самимъ собою, оскорбить Лаэрта, значить, оскорбителемъ является не Гамлетъ. Гамлетъ не признаетъ своего проступка. Не онъ виноватъ, а его помѣшательство. Въ такомъ случаѣ самъ Гамлетъ стоитъ на сторонѣ обиженныхъ: онъ, бѣдный, жестоко обиженъ злѣйшимъ врагомъ — безуміемъ. Итакъ, если это признаніе, сдѣланное при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, ясно доказываетъ тебѣ, что въ нанесеніи тебѣ обиды не участвовала моя воля, смотри на мой поступокъ, какъ на печальную случайность. Могъ-ли бы я считаться виноватымъ, если-бы меча стрѣлы черезъ крышу дома, я нечаянно убилъ родного брата.

Лаэртъ. Моя любящая душа должна бы подстрекать меня къ мщенію. До сихъ поръ и было такъ; но теперь она удовлетворена. Тѣмъ не менѣе, я по законамъ чести до тѣхъ норъ не могу, принцъ, согласиться на полное примиреніе, пока опытные въ этомъ дѣлѣ судьи не заявятъ, что примиреніе не ляжетъ пятномъ на мое имя. Теперь-же принимаю предложенныя мнѣ вами согласіе и любовь и ничѣмъ не нарушу ни того, ни другого.

Гамлетъ. Съ меня этого достаточно, и мы можемъ приступить къ братскому состязанію... Подайте рапиры. Скорѣй.

Лаэртъ. Дайте рапиру и мнѣ.

Гамлетъ. Я буду служить тебѣ мишенью, Лаэртъ. Рядомъ съ моею опытностью, твое искусство заблещетъ такъ-же ярко, какъ звѣзда въ непроглядно-темную ночь.

Лаэртъ. Вы насмѣхаетесь надо мною, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь, что нѣтъ.

Король. Подай имъ рапиры, Озрикъ. Любезный племянникъ Гамлетъ, тебѣ извѣстно, въ чемъ состоитъ закладъ?

Гамлетъ. Извѣстно, государь. Вы щедро ставите крупнѣйшій закладъ за слабѣйшую сторону.

Король. Я нисколько не боюсь за своихъ коней. Мнѣ хорошо извѣстно, какъ деретесь вы оба. Если Лаэртъ управляетъ оружіемъ красивѣе тебя, ты ловчѣе, и большее число ударовъ останется за нами.

Лаэртъ. Эта слишкомъ тяжела. Покажите другую.

Гамлетъ. Она годится мнѣ. Вѣдь всѣ рапиры одной Длины, Озрикъ?

Озрикъ. Точно такъ, добрѣйшій принцъ (*Противники готовятъ къ бою*).

Король. Поставьте кубки съ виномъ на этотъ столъ. Если Гамлетъ нанесетъ первый или второй ударъ, а на третій отвѣтитъ третьимъ, начнется пальба изъ пушекъ, и король выпьетъ за здоровье Гамлета, а затѣмъ въ кубокъ Гамлета опуститъ крупнѣйшую жемчужину, даже болѣе цѣнную, чѣмъ тѣ, что украшаютъ корону послѣднихъ четырехъ королей Даніи. Поставьте-же сюда кубки. Пусть трубы сообщать литаврамъ, литавры пушкамъ, пушки небесамъ,

а небеса землѣ, что король пьетъ за здоровье Гамлета. Начинайте-же, а вы, судьи, наблюдайте зорко.

Гамлетъ. Начнемъ.

Лаэртъ. Начнемте, принцъ (*Бой начинается*).

Гамлетъ. Одинъ.

Лаэртъ. Нѣтъ.

Гамлетъ. Что скажутъ судьи.

Озрикъ. Ударъ несомнѣнный.

Лаэртъ. Хорошо. Продолжаемъ.

Король. Нѣтъ, подождите. Вина! Гамлетъ, эта жемчужина твоя. Пьемъ за твое здоровье! Подайте ему кубокъ. (*Трубы гремятъ; за сценой пушечные выстрѣлы*).

Гамлетъ. Нѣтъ, дайте прежде кончить. Поставьте кубокъ на столъ. Продолжаемъ? (*Бой начинается снова*). Еще ударъ?

Лаэртъ. Да, сознаюсь.

Король. Побѣда останется за нашимъ сыномъ.

Королева. Кто знаетъ? Нашъ сынъ тучень, страдаетъ одышкой, поэтому скоро устаетъ. Гамлетъ, возьми этотъ платокъ и оботри имъ лобъ. Королева пьетъ за твой успѣхъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Благодарю, государыня.

Король. Не пей, Гертруда.

Королева. Простите меня, государь, но я все-таки выпью (*Пьетъ*). Выпей и ты, Гамлетъ.

Король (*Про себя*). Въ кубкѣ ядъ. Теперь слишкомъ поздно.

Гамлетъ. Нѣтъ, государыня, пить мнѣ еще не время.

Королева. Дай мнѣ утереть тебѣ лицо.

Лаэртъ. На этотъ разъ, государь, я нанесу ударъ.

Король. Не думаю.

Лаэртъ. Нанесу (*Про себя*), какъ ни противно это совѣсти.

Гамлетъ. Ну, сразимся въ третій. Ты, Лаэртъ, до сихъ поръ какъ-будто забавлялся. Покажи, наконецъ, свое искусство, иначе я подумаю, что ты смотришь на меня, какъ на неумѣлаго ребенка.

Лаэртъ. А, вотъ вы что говорите. Посмотримъ. Начнемте. (*Бой возобновляется*).

Озрикъ. Ничего ни съ той, ни съ другой стороны.

Лаэртъ. Вотъ это ударъ такъ ударъ. (*Гамлетъ раненъ. Въ разгаръ боя, противники мѣняются рапирами. Лаэртъ въ свою очередь*).

Король. Разнимите ихъ. Они доходятъ до ожесточенія.

Гамлетъ. Нѣтъ, начнемъ снова (*Королева падаетъ*).

Озрикъ. Взгляните на королеву... Что съ ней?

Гораціо. Они оба въ крови. Какъ вы себя чувствуете, принцъ?

Озрикъ. Какъ вы себя чувствуете, Лаэртъ?

Лаэртъ. Какъ можетъ чувствовать себя глупая птица, попавшаяся въ свои-же силки. Да, Озрикъ, моя собственная хитрость обратилась противъ меня, и я долженъ умереть.

Гамлетъ. Что съ королевой?

Король. Ей сдѣлалось дурно при видѣ крови.

Королева. Нѣтъ, этотъ напитокъ... Этотъ напитокъ!.. О мой безцѣнный Гамлетъ! — этотъ напитокъ... въ немъ ядъ... Я выпила отраву (*Умираетъ*).

Гамлетъ. Какой ужасъ! Запереть всѣ двери! Здѣсь предательство, измѣна. Надо сейчасъ-же произвести слѣдствіе.

Лаэртъ. Не стоитъ труда, Гамлетъ... Гамлетъ, ты раненъ... все равно что убить. Никакое лекарство въ мірѣ тебѣ не поможетъ, и жить тебѣ осталось не болѣе получаса. Предательская рапира, которую ты держишь въ рукахъ отточена и намазана ядомъ. Я сдѣлался жертвой своего-же злого умысла. Видишь, я не устоялъ на ногахъ, упалъ, и мнѣ уже никогда не подняться снова... Твоя мать тоже умерла отъ отравы... Король, король всему виною!

Гамлетъ. А! клинокъ отравленъ, такъ дѣлай-же, ядъ, свое дѣло! (*Наноситъ Королю рану*).

Всѣ. Измѣна! Измѣна!

Король. Помогите, друзья мои! Защитите меня... Я только раненъ.

Гамлетъ. Окаянный датчанинъ, кровосмѣситель, убійца! Допей кубокъ до дна! Ты связанъ былъ съ моей матерью неразрывными узами, такъ слѣдуй за нею! (*Король умираетъ*).

Лаэртъ. Ему воздано по заслугамъ. Ядъ изготовленъ былъ имъ самимъ. Благородный Гамлетъ, прости меня, какъ я прощаю тебя. Смерть моего отца да не упадетъ на тебя, какъ не упадетъ на меня и твоя смерть (*Умираетъ*).

Гамлетъ. Да простить ее тебѣ небо... Я слѣдую за тобою... Гораціо, я умираю. Прощай, злополучная королева! А вамъ, безмолвнымъ свидѣтелямъ страшной развязки, смотрящимъ на нее блѣднѣя и дрожа отъ ужаса, я могъ-бы рассказать многое, если-бы имѣлъ время, если-бы смерть уже не смыкала мнѣ уста... Но такъ и быть!.. Да, Гораціо, я умираю. Ты будешь жить, и, зная все, оправдаешь меня въ глазахъ недовольныхъ.

Гораціо. Не думайте, принцъ, чтобы я остался жить! Я душою скорѣе римлянинъ, чѣмъ датчанинъ... Кубокъ еще не совсѣмъ осушенъ.

Гамлетъ. Если въ тебѣ дѣйствительно есть мужество, отдай мнѣ кубокъ. Отдай, или, клянусь, я вырву его у тебя силою!.. О, добрый мой Гораціо, какое запятнанное имя оставлю я по себѣ, если многое, неизвѣстное никому, такъ и останется неизвѣстнымъ. Если-же ты хоть сколько-нибудь любилъ меня, отдали на время отъ себя райское блаженство и, какъ бы ни было тяжело жить въ этомъ печальномъ мірѣ, живи, чтобы рассказать другимъ про мою печальную судьбу. (*Вдали за сценой слышны маршъ и выстрѣлы*). Что значать эти воинственные звуки?

Озрикъ. То молодой Фортинбрасъ побѣдоносно возвращается изъ Польши и этими громогласными взрывами привѣтствуютъ англійскихъ пословъ.

Гамлетъ. Я умираю, Гораціо; торжествующій ядъ одерживаетъ верхъ надъ моими силами. Мнѣ не дожить до той минуты, когда получатся извѣстія изъ Англій, но я предчувствую, что народный выборъ падетъ на Фортинбраса. Я, умирая, подаю свой голосъ за него. Сообщите ему съ большими или меньшими подробностями все, что нужно. Объ остальномъ — ни слова (*Умираетъ*).

Гораціо. Благороднѣйшее сердце перестало биться. Покойся съ миромъ, добрый принцъ. Пусть сонмы ангеловъ баюкаютъ тебя своими пѣснями (*За сценой торжественный маршъ*). Что, однако, значатъ эти торжественные звуки? Зачѣмъ раздаются они здѣсь въ такую минуту?

Входятъ Фортинбрасъ, англійскіе послы и другіе.

Фортинбрасъ. Гдѣ-же это? Гдѣ?

Гораціо. Что желаете вы увидать, принцъ: — горчайшую изъ всѣхъ горестей, величайшую бѣду изъ всѣхъ бѣдъ? Такъ идти далѣе не зачѣмъ. Все передъ вами.

Фортинбрасъ. Возмутительная бойня!... Какой-же кровавый пиръ готовляешь ты, надменная смерть, въ своемъ вѣчномъ вертепѣ, что тебѣ понадобилось такое множество царственныхъ жертвъ, сраженныхъ такъ внезапно?

1-й посолъ. Зрѣлище дѣйствительно ужасное, и наши извѣстія изъ Англій пришли слишкомъ поздно. Тѣ уши, что должны были выслушать насъ, болѣе не могутъ насъ услышать и узнать, что приказаніе исполнено: — Розенкранцъ и Гильденштернъ казнены. Отъ кого-же получимъ мы благодарность?

Гораціо. Не изъ тѣхъ устъ, которыя будто-бы отдали приказъ, если-бы они даже и могли снова раскрыться для изъявленія вамъ своей благодарности. Такого приказанія они никогда не изрекали. Оставимъ, однако, въ сторонѣ этотъ кровавый вопросъ. И вы, принцъ, побѣдитель поляковъ, и вы, прибывшіе изъ Англій, распорядитесь, чтобы трупы умершихъ выставлены были на высокихъ подмосткахъ, дабы видѣть ихъ могли всѣ, а мнѣ не знающимъ, какъ произошелъ весь этотъ рядъ кровавыхъ, почти противуестественныхъ событій, позвольте разъяснить, какъ совершились эти ужасныя дѣла. Тутъ были искупительныя жертвы и случайныя убійства; смерть частью происходила отъ злой воли, частью вслѣдствіе воли верховной, а въ заключеніе кара пала на тѣхъ, чьи соображенія готовили ее для другихъ. Все это я могу рассказать, не прибѣгая ни къ одному слову лжи.

Фортинбрасъ. Мы нетерпѣливо желаемъ узнать все, поэтому пусть скорѣе созовутъ самыхъ разсудительныхъ сановниковъ. Что-же касается меня, я съ грустью принимаю выпадающую мнѣ счастливую долю. Я давно имѣю права на престолъ Даніи, а теперь представляется случай заявить эти права.

Гораціо. Я буду имѣть случай говорить и объ этомъ со словъ того, чей голосъ къ своему прибавитъ много другихъ голосовъ. Но необходимо дѣйствовать сейчасъ-же, пока головы ошеломлены неожиданностью, и пока не успѣлъ образоваться какой-нибудь заговоръ, могущій все испортить.

Фортинбрасъ. Пусть четверо капитановъ поднимутъ на руки отошедшаго въ вѣчность Гамлета и, какъ воителя, положить его на высокій катафалкъ. Онъ, вѣроятно, оказался-бы величайшимъ правителемъ, если бы его силамъ дана была возможность проявиться вполнѣ; а пока его несутъ, вы, воинственные трубы, громко провозглашайте высокія качества его души. Унесите и другіе трупы. Такое скопленіе ихъ мыслимо на полѣ битвы, но не здѣсь; солдатамъ-же пусть отданъ будетъ приказъ стрѣлять (*Трупы уносятъ. Раздаются звуки похороннаго марша и пальбы*).

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
къ
ПЕРВОМУ ТОМУ

Гамлетъ.

Стр. 1. Содержаніе трагедіи «Гамлетъ» — относительно хода внѣшнихъ событій, — не сочинено Шекспиромъ, а заимствовано (какъ и во многихъ другихъ его произведеніяхъ). Исторію Гамлета впервые рассказана знаменитымъ датскимъ историкомъ Саксономъ Грамматикомъ († 1203 г.) въ его «Исторіи Даніи». Здѣсь Гамлетъ — сынъ готландскаго короля Хорвендила и Геруты, дочери короля датскаго. Братъ Хорвендила, Фенгонъ, завидуя его успѣхамъ, и счастію, измѣннически убиваетъ его и затѣмъ женится на Герутѣ, сьумѣвши убѣдить ее, что убійство это онъ совершилъ только ради пламенной любви къ ней и, кромѣ того, зная, что Хорвендиль ненавидѣлъ свою жену и намѣревался ее погубить. Изъ страха за свою собственную жизнь Гамлетъ притворяется безумнымъ; но болѣе проницательные люди догадываются, что это сумасшествіе — притворное, и прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ для того, чтобы убѣдиться въ справедливости своихъ догадокъ. Послѣ неудачи этихъ попытокъ король Фенгонъ всячески старается избавиться отъ Гамлета и отправляетъ его въ Британію въ сопровожденіи двухъ своихъ приближенныхъ, на которыхъ возлагаетъ убійство ненавистнаго племянника. Но тотъ устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что погибаютъ эти придворные, а самъ онъ, поселившись на время въ Британіи и сбросивъ здѣсь съ себя притворное сумасшествіе, снискиваетъ общую любовь и уваженіе и получаетъ руку дочери короля. На родину онъ возвращается черезъ годъ, здѣсь убиваетъ дядю, на слѣдующій день собираетъ народъ и объясняетъ ему причину своего поступка, и, по желанію этого народа, вступаетъ на престолъ, предварительно перевезя

изъ Британіи въ Ютландію свою жену. Эта исторія, нѣсколько видоизмѣненная, появилась на французскомъ языкѣ, въ сборникѣ разсказовъ «Histoires Tragiques», сочиненныхъ въ срединѣ XVI ст. французскимъ дворяниномъ де-Бельфоре, — подъ заглавіемъ: «Avec quelle ruse Amleth qui depuis fut roy de Dannemarck, vengea la inort de son père Horvuendille, occis par Fengon son frère, et autre occurrence de son histoire» (т. е. «Посредствомъ какой хитрости — Гамлетъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ Даніи, отомстилъ за смерть своего отца Хорвендила, убитаго своимъ братомъ Фенгономъ, и другія подробности его исторіи»), а скоро послѣ того былъ сдѣланъ и англійскій переводъ ея, дошедшій до насъ уже въ изданіи 1608 г. подъ заглавіемъ: «The Historie of Hamblet» (Исторія Гамблета). По всей вѣроятности; Шекспиръ заимствовалъ фабулу своей трагедіи именно изъ этого англійскаго перевода разсказа Бельфоре; мнѣніе, что ему послужила въ этомъ отношеніи образцомъ какая-то никогда не появлявшаяся въ печати, но только упоминаемая старыми изслѣдователями, трагедія «Гамлетъ», появившаяся раньше 1589 г., — это мнѣніе признано въ настоящее время неосновательнымъ; точно также опровергается вѣскими данными существовавшее мнѣніе, что этотъ старый текстъ «Гамлета» принадлежалъ самому Шекспиру и впослѣдствіи былъ только имъ переработанъ. — Шекспировскій «Гамлетъ» появился въ первый разъ въ печати въ 1603 г. подъ заглавіемъ: «The Tragicall Historie of Hamlet prince of Denmarke, by William Shake-speare. As it hath beene diverse times acted by Hihgnesse servants in The Cittie of London, — as also in the two Universities of Cambridge and Oxford and elsewhere» (т. е. «Трагическая исторія Гамлета, принца датскаго, соч. Вильяма Шекспира въ томъ видѣ, какъ она была въ разное время представлена актерами Его Высочества въ Лондонѣ, равно какъ и въ другихъ университетахъ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ, и въ другихъ мѣстахъ»). Годъ спустя, именно въ 1604 г., появилось новое изданіе — въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ; эта редакція 1604 г. и есть та, которая сохранилась во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ знаменитой трагедіи.

Стр. 5. Заклинанія злыхъ духовъ производились не только посредствомъ крестнаго знаменія, но и произнесеніемъ латинскаго стиха: «Signa te signa, temere me tangis et angis», имѣющаго загадочно-каббалистическій смыслъ и представляющаго собой такъ называемый (у грековъ) «палиндромъ», т. е. стихъ, который, какъ ни читай его — съ начала или обратно, все даетъ одни и тѣ-же слова.

Стр. 7. Въ описаніи явленій, предшествовавшихъ смерти Юлія Цезаря, Шекспиръ могъ слѣдовать описанью того-же самаго въ поэмѣ латинскаго поэта Лукана «Фарсалия»; подобное-же мѣсто находится и у историка Плутарха въ его жизнеописаніи Юлія Цезаря.

Стр. 7. Подъ «влажнымъ свѣтиломъ», имѣющимъ вліяніе на царство Нептуна, подразумѣвается луна, о вліяніи которой на воду толковала наука уже въ то время.

Стр. 7. Существовало повѣрье, что кто перерѣзывалъ «на крестъ» дорогу привидѣнію, подпадалъ пагубному вліянію его.

Стр. 8. Въ настоящее время, при представленіи «Гамлета» на сценѣ, крикъ пѣтуха устраняется, чтобъ не нарушать трагическаго впечатлѣнія. Въ былое время онъ игралъ такую важную роль, что, на примѣръ, въ одномъ лондонскомъ театрѣ за кулисами воспроизводили крикъ *шести* пѣтуховъ, — въ томъ соображеніи, что *одинъ* пѣтухъ можетъ ошибиться въ исполненіи своей обязанности — въ точномъ обозначеніи времени, когда духу слѣдуетъ отправиться во свояси, а ошибка въ такомъ важномъ случаѣ, допущена быть не можетъ.

Стр. 8. По народному повѣрью, на загробныхъ духовъ могли имѣть вліяніе только тѣ лица, которыя отличались безукоризненною нравственностью, каковы священники, молодые ученые и т. п. Оттого-то Гораціо, высоко цѣнящій нравственныя качества Гамлета, и думаетъ, что духъ, глухой къ нему, Гораціо, и его товарищамъ, вступить въ бесѣду съ Гамлетомъ.

Стр. 12. По поводу замѣчанія короля, что Гамлетъ находится въ самой непосредственной близости къ престолу, нѣкоторые комментаторы обращаютъ вниманіе на то, что смотрѣть такимъ образомъ на Гамлета было въ доброй волѣ короля, но не составляло его обязанности, такъ какъ престоль Даніи былъ не наследственный, а избирательный; — поэтому Клавдія и нельзя признавать — какъ дѣлали нѣкоторые комментаторы, — узурпаторомъ, похитителемъ престола. Таковымъ ни разу не называетъ его и самъ Гамлетъ.

Стр. 13. Гиперіонъ — по греческой миѳологіи отецъ Геліоса, бога солнца, въ «Одиссеѣ» Гомера онъ отождествляется съ самимъ солнцемъ, (какъ и здѣсь у Шекспира). Подъ «сатиромъ», по мнѣнію одного комментатора, Шекспиръ подразумѣвалъ бога Пана, брата Гиперіона; другой комментаторъ опровергаетъ это мнѣніе тѣмъ, что здѣсь предъ словомъ «Сатиръ» поставленъ неопредѣленный членъ *a*, такъ что это существительное является не собственнымъ, а нарицательнымъ, и обозначаетъ такимъ образомъ сатира вообще, т. е., безобразную личность греческой миѳологіи, представителя самой грубой чувственности.

Стр. 13. Ніобея, жена фивскаго царя Амѳіона обидѣла (по миѳологическому сказанію) богиню Лето тѣмъ, что чрезмѣрно гордилась предъ нею своими четырнадцатью дѣтьми; за это всѣ они были умерщвлены дѣтьми Лето, Аполлономъ и Артемизой, а Ніобею Зевесъ превратилъ въ каменную статую.

Стр. 14. Виттенбергскій университетъ (основанный въ 1502 г.), пользовался въ то время въ Англій огромною извѣстностью.

Стр. 19. Такія наставленія, какія Полоній даетъ Лаэрту и Офеліи были очень въ ходу въ то время у родителей и часто появлялись въ печати; таковы, напр., «поученія» лорда Берлея сыну, графа Салисбери тоже сыну и т. д. (напоминаютъ и наше «Поученіе» Владиміра Мономаха). Существуетъ мнѣніе, что, создавая личность Полонія, Шекспиръ имѣлъ въ виду дѣйствительно

живое лицо — одного из своих современников, — так как в то время выводъ современныхъ лицъ на сцену въ довольно прозрачномъ видѣ совершался неоднократно.

Стр. 22. Между множествомъ мнѣній насчетъ личности Гамлета было высказано — въ недавнее время, и такое, которое находило въ ней воспроизведеніе нѣкоторыхъ особенностей короля Якова I, сына Маріи Стюартъ (какъ извѣстно, вошедшаго на англійскій престолъ послѣ смерти Елизаветы). Придерживающіеся этого мнѣнія комментаторы видятъ одно изъ доказательствъ его въ нѣсколькихъ стихахъ разсужденія Гамлета по поводу оргій во дворцѣ Клавдія, и слова «порочное родимое пятно» (*vicious mole of nature*) относятъ къ одной изъ врожденныхъ странностей Якова I.

Стр. 26. Слова: «О, ужасъ! о, ужасъ!» въ большинствѣ изданій находятся въ монологѣ духа, но, очевидно, что ихъ долженъ произносить Гамлетъ, перебивающій этимъ восклицаніемъ длинный разсказъ отца. Знаменитый актеръ Гарриксъ, исполняя роль Гамлета, всегда произносилъ самъ эти слова.

Стр. 28. Во времена Шекспира весь сѣверный міръ принималъ свое религіозное ученіе изъ Ирландіи, а ея главнымъ святымъ признавался Патрикій (372—463), прославившійся своею дѣятельностью по распространенію христіанства.

Стр. 29. Повтореніе клятвы нѣсколько разъ, перемежа мѣста дѣйствующими лицами и латинскія слова «*Hic et ubique*» заимствованы изъ обряда, бывшаго въ употребленіи у заговорщиковъ. Есть мнѣніе, что эта часть сцены была взята Шекспиромъ, слово въ слово, изъ трагедіи о Гамлетѣ, предшествовавшей его произведенію (см. примѣч. 1-е).

Стр. 34. Розенкранцъ — имя не вымышленное: датскій дворянинъ Розенкранцъ состоялъ при датскомъ посольствѣ въ Англій по случаю восшествія на престолъ Якова I. Гильденштернъ тоже личность историческая: онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ катастрофѣ Христіана II. Съ Шекспировскими Розенкранцемъ и Гильдештерномъ они не имѣютъ ничего общаго, кромѣ имени.

Стр. 39. На счетъ названья «рыболовъ», которое Гамлетъ даетъ Полонью, существуетъ очень много толкованій, между которыми (какъ въ множествѣ объясненій отдѣльныхъ мѣстъ у Шекспира) болѣе или менѣе основательныя идутъ на ряду съ самыми произвольными и натянутыми. Изъ первыхъ можно отмѣтить: Кольриджа, по мнѣнію котораго Гамлетъ этими словами хочетъ сказать: «васъ послали сюда выудить мою тайну» — Моберли, приписывающаго Гамлету мысль: «вы торгуете товаромъ, который, какъ рыба, не переноситъ свѣта солнца», т. е., что у Полонія есть дочь, а всѣ женщины такъ же нецѣломудренны и вѣроломны, какъ его, Гамлета, мать, и безсильны выдержать даже самое легкое испытаніе; — Тика (извѣстнаго переводчика Шекспира), который говоритъ: «Не знаю, понято-ли все это важное значеніе этого, мѣста, которое имѣетъ видъ только шутки. Въ игрѣ Кембля и Кина, которыхъ я видѣлъ въ роли Гамлета, не могъ замѣтить я, чувствовали-ли они

горечь этих слов... Смысл их до того очевиден, что ошибиться в нем невозможно. «Я хотѣль-бы, — говорит Гамлет, — чтобы вы были таким-же честнымъ челоѣкомъ», и окончаніе его мысли, не высказываемое: «но вы — торговецъ мясомъ, а не рыбой. Вы сводникъ, — не такой честный челоѣкъ, какъ торговецъ рыбой». «Принцъ прямо упрекаетъ старика въ томъ, что онъ сводилъ его съ дочерью и всѣ послѣдующія слова: «Потому что насъ солнце зарождаетъ» и т. д. продолжаютъ только выражать презрѣніе, питаемое Гамлетомъ къ отцу и дочери. У нѣкоторыхъ комментаторовъ — и притомъ такихъ авторитетныхъ, какъ Фризенъ, Дерингъ — находимъ непонятно, на какомъ основаніи дѣлаемое объясненіе, что Гамлетъ этими словами намекаетъ на роль, какую Полоній игралъ, сводя Клавдія съ королевой еще при жизни отца Гамлета.

Стр. 40. Подъ этимъ «сатирикомъ» подразумѣвается Ювеналь — а именно одно мѣсто въ его 10-й сатирѣ.

Стр. 42. Изъ всѣхъ объясненій этихъ, весьма темныхъ словъ, самое простое и которое, хоть кое-какъ достигаетъ цѣли — объясненіе Гедсона, который говоритъ: «Гамлетъ самъ запутывается въ загадкахъ и двусмысленностяхъ, которыя онъ измышляетъ. Смыслъ этихъ словъ, однако, повидимому, такой: нашимъ нищимъ можетъ, по крайней мѣрѣ, сниться, что они короли и герои; и если сущность такихъ честолюбивыхъ людей — только сновидѣніе, и если сновидѣніе только тѣнь, то наши короли и герои только тѣни нашихъ нищихъ». Поэтъ Кольриджъ, комментаріи котораго къ Шекспиру вообще признаются капитальными, прямо сознается, что онъ этихъ словъ о нищихъ и короляхъ совсѣмъ не понимаетъ.

Стр. 44. «Нововведеніе» заключалось въ монополіи спектаклей, предоставленной въ 1601 и 1602 г., только двумъ лондонскимъ театрамъ, — въ слѣдствіе чего актерамъ остальныхъ приходилось обратиться въ странствующихъ по разнымъ городамъ Англій.

Стр. 44. Подъ гнѣздомъ дѣтей подразумѣваются здѣсь молодые пѣвчіе королевской капеллы, бывшіе въ ту пору въ большой модѣ. «Эти молодья птицы — такъ объясняетъ одинъ комментаторъ это мѣсто — учиняютъ такой шумъ и гамъ на сценѣ, и такъ это нравится публикѣ, что настоящіе драматурги, умъ которыхъ гибокъ и остеръ, какъ рапира, боятся схватки съ этими ребятами, которые сражаются какъ бы гусиными перьями».

Стр. 45. Въ упоминаніи о Геркулесѣ и его ношѣ видятъ намекъ на театръ «Globe» («Глобусъ» — гдѣ служилъ актеромъ и Шекспиръ), на фронтонѣ котораго былъ изображенъ Геркулесъ, несущій земной шаръ. Розенкранцъ такимъ образомъ хочетъ сказать, что дѣти-пѣвчіе привлекали на свои представленія гораздо больше публики, чѣмъ старые актеры въ театрѣ Globe.

Стр. 45. (*третья строка снизу*). Смыслъ этихъ словъ предполагается такой: сильныя, разрушительныя бури въ нравственномъ мірѣ могутъ сводить меня съ ума; но такимъ людишкамъ какъ вы, ухаживающимъ около меня съ сладенькими фразами и льстивыми увѣреньями въ дружбѣ — не сбить меня съ

толку. Уподобленіе изъ міра охоты сдѣлано потому, что успѣхъ соколиной охоты зависитъ отъ свойства и направленія вѣтра.

Стр. 46. Слова, касающіяся Іевфая и его дочери, извлечены Шекспиромъ изъ старой народной пѣсни. Были и трагедіи на этотъ сюжетъ.

Стр. 47. Актеръ, къ которому Гамлетъ обращается, какъ къ женщинѣ — мужчина; до 1660 г. женскія роли на англійской сценѣ исполнялись мужчинами.

Стр. 48. Коментаторы до сихъ поръ несогласны въ рѣшеніи вопроса: самъ ли Шекспиръ сочинилъ этотъ рассказъ Энея Дидонѣ, или заимствовалъ его изъ какой-либо старой трагедіи; а изъ придерживающихся перваго мнѣнія одни доказываютъ, что здѣсь Шекспиръ хотѣлъ осмѣять напыщенный тонъ прежнихъ и современныхъ ему драматическихъ произведеній, другіе — что онъ искренно выражалъ сочувствіе къ этой *древнеклассической* манерѣ изложенія.

Стр. 56. Рѣзкій тонъ Гамлета въ сценѣ съ Офеліей нѣкоторые коментаторы объясняютъ тѣмъ, что странность, принужденность поведенія дочери Полонія въ этой сценѣ наводятъ его на подозрѣніе объ участіи ея въ затѣянной противъ него интригѣ; при этомъ еще онъ подозрѣваетъ, что его подслушиваютъ Полоній, королева или король — и слова его вслѣдствіе этого обращены не столько къ ней, сколько къ этимъ подслушивателямъ и шпіонамъ.

Стр. 56—57. У Тика находимъ слѣдующее весьма интересное извѣстіе объ исполненіи знаменитымъ Киномъ этой сцены Гамлета съ Офеліей: «Когда онъ, послѣ знаменитаго монолога (т. е. «быть или не быть?»), подслушиваемый королемъ и Полоніемъ, вступаетъ въ разговоръ съ Офеліей, то онъ не впадаетъ въ ошибку столь многихъ актеровъ, разыгрывающихъ эту сцену совсѣмъ сентиментально и мягко; онъ является, можетъ быть даже черезъ-чуръ рѣзкимъ и раздраженнымъ. Слова «ступай въ монастырь», которыя онъ произноситъ два раза — и во второй разъ послѣ длиннаго промежутка и послѣ того, какъ онъ уже прежде далъ Офеліи тотъ-же совѣтъ, только другими словами — всю эту тираду Кинъ произносилъ все рѣзче и рѣзче и въ концѣ переходилъ къ сильно угрожающему, почти повелительному тону, почти къ крику; голосъ его, лицо, движенія принимали выраженіе положительной жестокости. Затѣмъ онъ шелъ къ двери, брался за ручку, но вдругъ останавливался, поворачивался, кидалъ на Офелію самый болѣзненный, почти влажный отъ слезъ взглядъ, оставался въ этомъ положеніи нѣсколько секундъ, и послѣ того очень медленно можно сказать крадучись, подвигался опять на авансцену, схватывалъ руку Офеліи, съ глубокимъ вздохомъ напечатлѣвалъ на ней продолжительный поцѣлуй — и тотчасъ-же, еще порывистѣе, чѣмъ за минуту до того, убѣгалъ, шумно захлопнувъ за собой дверь. Это вызывало въ театрѣ самыя восторженныя рукоплесканія.

Стр. 59. Тэрмагантъ — дѣйствующее лицо въ старыхъ мистеріяхъ и пьесахъ, надѣленное страшно бѣшеннымъ характеромъ, — вслѣдствіе чего бывшіе на внѣшній эффектъ и любившіе утрированную декламацию актеры

очень любили выступать въ этой роли. Имя это взято изъ старыхъ народныхъ романсовъ, гдѣ Тэрмагантъ — имя арабскаго бога.

Стр. 59. Иродъ въ старыхъ мистеріяхъ представлялся человѣкомъ свирѣпымъ и жестокимъ.

Стр. 59. По поводу разсужденія Гамлета о театрѣ, одинъ нѣмецкій комментаторъ напоминаетъ такое-же въ сущности опредѣленіе драматической поэзіи Сервантесомъ въ «Донъ-Кихотѣ», гдѣ священникъ говоритъ: «Комедія, согласно мнѣнію Цицерона, должна быть зеркаломъ человѣческой жизни, воспроизведеніемъ дѣйствительности». Изъ чего выводъ, что и Шекспиръ взялъ сущность своего опредѣленія у Цицерона.

Стр. 62. По народному повѣрью того времени, хамелеонъ питался воздухомъ.

Стр. 62. Это ошибка, которую Шекспиръ повторилъ и въ трагедіи «Юлій Цезарь». На самомъ дѣлѣ, Цезарь былъ убитъ не въ Капитоліѣ, а въ Curia Pompeii, около театра Помпея.

Стр. 62. Лежать у ногъ дамъ во время спектакля, дававшихся въ частныхъ домахъ, было въ то время въ модѣ въ высшемъ свѣтѣ.

Стр. 63. «Hobby-horse» (деревянная лошадка) была одна изъ весеннихъ игръ, изгнанная изъ употребленія, вмѣстѣ съ другими фанатизмомъ пуританъ, преслѣдовавшихъ все народное, какъ языческое. По поводу запрещенія этой любимой игры, было написано нѣсколько сатирическихъ пѣсень, — и стихъ, цитируемый Гамлетомъ, заимствованъ изъ такой пѣсни.

Стр. 67. Во время представленія пьесъ на кукольной сценѣ тутъ-же помѣщался человѣкъ, которой объяснялъ публикѣ всѣ движенія куколъ.

Стр. 67. Слова: «Еслибы я могъ видѣть, какъ двигаются куклы» имѣютъ, по мнѣнію комментаторовъ, такой смыслъ: «Еслибы я могъ видѣть, что шевелится въ вашей груди», — и представляютъ собой какъ-бы синонимъ выраженія «видѣть мальчиковъ въ глазахъ».

Стр. 68. Стихи, произносимые Гамлетомъ по окончаніи спектакля, и уходъ короля, вѣроятно, заимствованы изъ какой-нибудь народной пѣсни.

Стр. 68. Перья составляли одно изъ любимыхъ головныхъ украшеній актеровъ. Розы, о которыхъ тутъ-же говоритъ Гамлетъ, конечно, банты въ видѣ розъ.

Стр. 71. О Неронѣ Гамлетъ упоминаетъ здѣсь потому, что тотъ умертвилъ свою мать.

Стр. 74. По поводу выставленія Шекспиромъ Гамлета въ очень антипатичномъ видѣ въ сценѣ съ королемъ во время его молитвы, одинъ комментаторъ замѣчаетъ: «Шекспиръ имѣлъ полное себѣ оправданіе въ обычаѣ того времени, когда онъ жилъ. Вопросъ не въ томъ, согласовался-ли этотъ обычай съ требованіями религіи, а въ томъ — представилъ или не представилъ Шекспиръ вѣрную картину человѣческой природы въ варварскій вѣкъ. У нашихъ суровыхъ сѣверныхъ предковъ мщеніе вообще считалось въ семействахъ долгомъ, и чѣмъ утонченнѣе и сильнѣе было оно, тѣмъ болѣе почета

снискивалъ себѣ мститель. Тема эта обрабатывалась и послѣдующими драматургами даже до половины XVII столѣтія»...

Стр. 76, Слово «крыса» часто употреблялось въ смыслѣ шпиона, тайнаго подслушивателя. Есть также англійское выраженіе: «to smell a rat», означающее буквально «чуютъ запахъ крысы», а переносно — «чуютъ что-то недоброе, какую-то интригу».

Стр. 77. Монологъ о портретахъ Гаррикъ, а послѣ него Ирвингъ и Сальвини, произносилъ безъ помощи дѣйствительныхъ изображеній, а какъ будто видя оба изображенія своими духовными глазами. Такой пріемъ, кажется, разумнѣе и драматичнѣе тѣхъ различныхъ, къ которымъ прибѣгаютъ исполнители роли Гамлета (портреты на стѣнѣ, медальоны на груди и т. п.).

Стр. 85. Эта фраза о «тѣлѣ съ королемъ» и т. д., совершенно темная по своему смыслу, не объяснена, по нашему мнѣнію мало-мальски удовлетворительно ни однимъ изъ многочисленныхъ комментаторовъ, бившихся надъ нею; и мы склонны присоединиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые думаютъ, что Гамлетъ здѣсь (какъ и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ) умышленно говорить безсмыслицу, чтобы укрѣплять въ другихъ мысль о его сумасшествіи.

Стр. 91. Въ великолѣпномъ ферносовскомъ (Furness) изданіи Гамлета напечатаны ноты мотива, на который во время Шекспира пѣлась пѣсня Офеліи.

Стр. 91. Раковина на шляпѣ составляла непремѣнную принадлежность шляпы пилигрима. Такъ какъ странствованіе къ св. мѣстамъ было въ ту пору въ большой модѣ, то для любовныхъ походовъ очень часто прибѣгали къ пилигримскому костюму

Стр. 91. Слова Офеліи о совѣ — дочери булочника основаны на народной легендѣ о превращеніи Спасителемъ дочери булочника въ сову за то, что она отказала ему въ кускѣ хлѣба когда Онъ зашелъ къ нимъ, голодный, и попросилъ поѣсть.

Стр. 92. Куплетъ о Валентинѣ встрѣчается въ разныхъ редакціяхъ во многихъ пѣсняхъ и операхъ того и послѣдующаго времени. Въ немъ намекъ на обычай, по которому на первую дѣвушку, какую мужчина встрѣчалъ въ Валентиновъ день (14 февраля), онъ смотрѣлъ какъ на свою «Валентину», свою будущую возлюбленную.

Стр. 95. Вслѣдствіе способа кормленія пеликаномъ своихъ птенцовъ, объ этой птицѣ сложилось уже въ старину представленіе, что она кормитъ ихъ своею кровью, разрывая для этого свою грудь. На этомъ основаніи пеликанъ сдѣлался символомъ приносящей себя въ жертву материнской любви.

Стр. 95. *Дѣйствительные* цвѣты въ рукахъ Офеліи и *дѣйствительная* раздача ихъ присутствующимъ — введены въ сценическое исполненіе «Гамлета» уже въ позднѣйшее время. Въ 1-й редакціи трагедіи (1603 г.) находимъ слѣдующую ремарку при выходѣ Офеліи: «Входитъ Офелія, играя на лютнѣ, съ распущенными волосами». — «Вѣроятно, эти цвѣты, — замѣчаетъ

Деліусъ, — существовали только въ воображеніи Офеліи, и дѣйствительной раздачи ихъ не было».

Стр. 96. «Травой благодати» рута названа потому, что католическіе священники дѣлали ее главною составною частію того напитка, который они давали пить людямъ, одержимымъ бѣсовскою силою, для изгнанія этой послѣдней. А такъ какъ этотъ обрядъ изгнанія происходилъ обыкновенно по воскресеньямъ, въ церкви, то рутѣ придано и названіе «воскресной».

Стр. 96. Стихъ пѣсни, гдѣ Офелія упоминаетъ имя Робина, взятъ изъ старинной баллады о знаменитомъ народномъ героѣ Робинѣ Гудѣ. Послѣдующее — тоже старинная пѣсня.

Стр. 105. Роли могильщиковъ исполнялись клоунами. Такъ подлинникахъ они и называются.

Стр. 105. Разсужденія трехъ отрасляхъ всякаго дѣйствія — насмѣшка надъ схоластическими разсужденіями того времени.

Стр. 106. Подобные вопросы и отвѣты составляли родъ игры въ зимніе вечера. Сохранилось нѣсколько сборниковъ ихъ, откуда вѣроятно, и заимствовалъ Шекспиръ тѣ, которые онъ влагаетъ въ уста могильщиковъ (если не самъ сочинилъ ихъ).

Стр. 107. Куплеты, которые поетъ могильщикъ, заимствованы Шекспиромъ (съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями изъ стихотворенія лорда Во (Vaux). Гете воспользовался ими во 2-й части «Фауста», гдѣ Лемуры, копающіе могилу для Фауста, поютъ два куплета, въ каждомъ изъ которыхъ первыя двѣ строки тѣ же, что и въ первыхъ куплетахъ могильщика.

Стр. 111. Четыре стиха Гамлета о Цезарѣ одни комментаторы считаютъ цитатою — изъ неизвѣстнаго, впрочемъ, источника; другіе — собственнымъ сочиненіемъ Шекспира, причемъ одинъ изъ нихъ замѣчаетъ: «Гамлетъ просто перекладываетъ въ стихотворную форму мысль, въ эту минуту проходящую въ его головѣ. Шекспиръ вообще сдѣлалъ однимъ изъ свойствъ Гамлета — выражаться неправильными стихами въ иныхъ случаяхъ, когда онъ говорилъ что-нибудь въ возбужденномъ состояніи...»

Стр. 113. Пеліонъ — очень высокая гора въ Фессаліи, часто упоминаемая въ греческой мифологіи.

Стр. 124. Въ общепринятой нынѣ редакціи «Гамлета», королева называетъ своего сына «fat», т. е. тучный. Между тѣми комментаторами, которые считаютъ это чтеніе правильнымъ, одни думаютъ, что Шекспиръ надѣлилъ Гамлета толщиною потому, что актеръ, исполнявшій эту роль въ его время, былъ толстъ; другіе напротивъ утверждаютъ, что это относится не къ актеру, а къ самому Гамлету, въ которомъ такое сложеніе, въ соединеніи съ одышкою (о чемъ тоже говоритъ королева) совершенно естественны, какъ въ человѣкѣ, ведущемъ кабинетную жизнь, среди книгъ и т. д. занятій, склонномъ гораздо больше къ созерцательности и размышленію, чѣмъ къ дѣйствию. Но есть комментаторы, предлагающіе другое чтеніе; на примѣръ, вмѣсто «fat» — «faint», т. е. слабый, истощенный, или «hot» — горячій и друг.

Стр. 125. Птицу бекаса дрессируютъ такимъ образомъ, чтобы она приманивала къ сѣтямъ другихъ птицъ; но иногда, неосторожно подвинувшись слишкомъ близко къ этимъ сѣтямъ, она сама запутывается въ нихъ.

Стр. 127. Слова Фортинбраса въ подлинникѣ удивительно образны и сильны, но, къ сожалѣнію, совершенно непереводимы на русскій языкъ буквально. «This carry crils on hovoc» — значиті «Эта груда дичи (т. е. всѣ эти убитые, здѣсь лежащіе) кричитъ «havoc», а слово «havoc» было восклицаніе, которымъ останавливали охотниковъ, когда они настрѣливали ужъ черезъ-чуръ много дичи.

Стр. 127. Т. е. не изъ устъ умершаго короля.

Стр. 128. Подъ «случайными убійствами» Гораціо подразумѣваетъ убіеніе Полонія; подъ «учиненнымъ посредствомъ хитрости» — Розенкранца и Гильденштерна.

Стр. 128. Въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ есть памятникъ воина, умершаго въ 1608 г., и онъ изображенъ несомымъ четырьмя капитанами; вѣроятно, такимъ образомъ хоронили въ ту пору именитыхъ воиновъ.

П. Вейнбергъ.